

В. СИРИНЪ

**ПРИГЛАШЕНИЕ
НА КАЗНЪ**

РОМАНЪ

ДОМЪ КНИГИ • ПАРИЖЪ

Приглашеніє на казнѣ

Обложка работы Б. Н. Гроссер

.

Copyright 1938 by the author

В. СИРИНЪ

**ПРИГЛАШЕНИЕ
НА КАЗНЬ**

РОМАНЪ

ДОМЪ КНИГИ - ПАРИЖЪ

*« Comme un fou se croit Dieu
nous nous croyons mortels ».*

Delalande

Discours sur les ombres

1.

Сообразно съ закономъ, Цинциннату Ц. объявили смертный приговоръ шопотомъ. Всѣ встали, обмѣниваясь улыбками. Сѣдой судья, припавъ къ его уху, подышавъ, сообщивъ, медленно отодвинулся, какъ будто отлипаль. Засимъ Цинцинната отвезли обратно въ крѣпость. Дорога обвивалась вокругъ ея скалистаго подножья и уходила подъ ворота: змѣя въ разсѣлину. Былъ спокоенъ: однако его поддерживали во время путешествія по длиннымъ коридорамъ, ибо онъ невѣрно ставилъ ноги, вродѣ ребенка, только что научившагося ступать, или точно куда проваливался, какъ человѣкъ, во снѣ увидѣвшій, что идетъ по водѣ, но вдругъ усомнившійся: да можно ли? Тюремщикъ Родіонъ долго отпираль дверь цинциннатовой камеры, — не тотъ ключъ, — всегдашняя возня. Дверь наконецъ уступила. Тамъ, на койкѣ, уже ждалъ адвокатъ, — сидѣль, погруженный по плечи въ раздумье, безъ фрака (забытаго на вѣнскомъ стулѣ въ залѣ суда, — былъ жаркій, насквозь синій день), и нетерпѣливо вскочилъ, когда ввели узника. Но Цинциннату было не до разговоровъ. Пускай одиночество въ камерѣ съ глазкомъ подобно ладѣ, дающей течь. Все равно, — онъ заявилъ, что хочетъ остаться одинъ, и, поклонившись, всѣ вышли.

Итакъ — подбираемся къ концу. Правая, еще непечатая часть развернутаго романа, которую мы, среди лакомаго чтенья, легонько ошупывали, машинально провѣряя, много ли еще (и все радовалась пальцы спокойная, вѣрная толщина), вдругъ, ни съ того ни съ сего, оказалась совсѣмъ тощей: нѣсколько минутъ скорого, уже подъ гору чтенья — и... ужасно! Куча черешень, красно и клейко чернѣвшая передъ нами, обратилась внезапно въ отдѣльныя ягоды: вонъ та, со шрамомъ, подгнила, а эта сморщилась, ссохшись вокругъ кости (самая же послѣдняя непременно — тверденькая, недоступная). Ужасно! Цинциннать снялъ шелковую безрукавку, надѣлъ халатъ и, притоптывая, чтобы унять дрожь, пустился ходить по камерѣ. На столѣ бѣлѣлъ чистый листъ бумаги, и, выдѣляясь на этой бѣлизнѣ, лежалъ изумительно очищенный карандашъ, длинный какъ жизнь любого человѣка, кромѣ Цинцинната, и съ эбеновымъ блескомъ на каждой изъ шести граней. Просвѣщенный потомокъ указательнаго перста. Цинциннать написалъ: «и все-таки я сравнительно. Вѣдь этотъ финаль я предчувствовалъ этотъ финаль». Родіонъ, стоя за дверью, съ суровымъ шкиперскимъ вниманіемъ глядѣлъ въ глазокъ. Цинциннать ощущалъ холодокъ у себя въ затылкѣ. Онъ вычеркнулъ написанное и началъ тихо тушевать, причемъ получился зачаточный орнаментъ, который постепенно разросся и свернулся въ бараній рогъ. Ужасно! Родіонъ смотрѣлъ въ голубой глазокъ на поднимавшійся и падавшій горизонтъ. Кому становилось тошно? Цинциннату. Вышибло потъ, все потемнѣло, онъ чувствовалъ коренекъ каждаго волоска. Пробили часы — четыре или пять разъ, и казематный отгулъ ихъ, перегулъ и загулокъ вели себя подобающимъ образомъ. Работая лапами,

спустился на ниткѣ паука съ потолка, — официальный другъ заключенныхъ. Но никто въ стѣну не стучалъ, такъ какъ Цинциннатъ былъ пока что единственнымъ арестантомъ (на такую громадную крѣпость!).

Спустя нѣкоторое время, тюремщикъ Родіонъ вошелъ и ему предложилъ туръ вальса. Цинциннатъ согласился. Они закружились. Бренчали у Родіона ключи на кожаномъ поясѣ, отъ него пахло мужикомъ, табакомъ, чеснокомъ, и онъ напѣвалъ, пыхтя въ рыжую бороду, и скрипѣли ржавые суставы (не тѣ годы, увы, опухъ, одышка). Ихъ вынесло въ коридоръ. Цинциннатъ былъ гораздо меньше своего кавалера. Цинциннатъ былъ легокъ какъ листъ. Вѣтеръ вальса пушилъ свѣтлые концы его длинныхъ, но жидкихъ усовъ, а большіе, прозрачные глаза косили, какъ у всѣхъ пугливыхъ танцоровъ. Да, онъ былъ очень малъ для взрослога мужчины. Марфинька говаривала, что его башмаки ей жмутъ. У сгиба коридора стоялъ другой стражникъ, безъ имени, подъ ружьемъ, въ песьей маскѣ съ марлевой пастью. Описавъ около него кругъ, они плавно вернулись въ камеру, и тутъ Цинциннатъ пожалѣлъ, что такъ кратко было дружеское пожатіе обморока.

Опять съ банальной унылостью пробили часы. Время шло въ арифметической прогрессіи: восемь. Уродливое окошко оказалось доступнымъ закату; сбоку по стѣнѣ пролегалъ пламенистый параллелограмъ. Камера наполнилась до верху масломъ сумерекъ, содержавшихъ необыкновенные пигменты. Такъ, спрашивается: что это справа отъ двери — картина ли кисти крутого колориста или другое окно, расписное, какихъ уже не бываетъ? (На самомъ дѣлѣ это висѣлъ пергаментный листъ съ подробными, въ двѣ колонны, «правила-

ми для заключенныхъ»; загнувшійся уголь, красная заглавная буква, заставки, древній гербъ города, — а именно: доменная печь съ крыльями, — и давали нужный матеріалъ вечернему отблеску). Мебель въ камерѣ была представлена столомъ, стуломъ, койкой. Уже давно принесенный обѣдъ (харчи смертникамъ полагались директорскіе) стылъ на цинковомъ подносѣ. Стемнѣло совсѣмъ. Вдругъ разлился золотой, крѣпко настоенный электрической свѣтъ.

Цинциннатъ спустилъ ноги съ койки. Въ головѣ, отъ затылка къ виску, по діагонали, покати́лся кегельный шаръ, замеръ и поѣхалъ обратно. Между тѣмъ дверь отворилась, и вошелъ директоръ тюрьмы.

Онъ былъ какъ всегда въ сюртукѣ, держался отмѣнно прямо, выпятивъ грудь, одну руку засунувъ за бортъ, а другую заложивъ за спину. Идеальный парикъ, черный какъ смоль, съ восковымъ проборомъ, гладко облегалъ черепъ. Его безъ любви выбранное лицо, съ жирными желтыми щеками и нѣсколько устарѣлой системой морщинъ, было условно оживлено двумя, и только двумя, выкаченными глазами. Ровно передвигая ноги въ столбчатыхъ панталонахъ, онъ прошагалъ между стѣной и столомъ, почти дошелъ до койки, — но, несмотря на свою сановитую плотность, преспокойно исчезъ, растворившись въ воздухѣ. Черезъ минуту, однако, дверь отворилась снова, со знакомымъ на этотъ разъ скрежетаніемъ, — и, какъ всегда въ сюртукѣ, выпятивъ грудь, вошелъ онъ же.

«Узнавъ изъ достовѣрнаго источника, что наконецъ рѣшилась ваша судьба, — началъ онъ сдобнымъ басомъ, — я почелъ своимъ долгѣмъ, сударь мой — »

Цинциннать сказала : «Любезность. Вы. Очень». (Это еще нужно разставить.)

«Вы очень любезны», — сказала, прочистивъ горло, какой-то добавочный Цинциннать.

«Помилуйте, — воскликнулъ директоръ, не замѣчая безтактности слова. — Помилуйте! Долгъ. Я всегда. А вотъ почему, смѣю спросить, вы не притронулись къ пищѣ?»

Директоръ снялъ крышку и поднесъ къ своему чуткому носу миску съ застывшимъ рагу. Двумя пальцами взялъ картофелину и сталъ мощно жевать, уже выбирая бровью что-то на другомъ блюдѣ.

«Не знаю, какія еще вамъ нужны кушанья», — проговорилъ онъ недовольно и, треща манжетами, сѣлъ за столъ, чтобы удобнѣе было ѣсть пудингъ-кабинетъ.

Цинциннать сказала: «Я хотѣлъ бы все-таки знать, долго ли теперь».

«Превосходный сабайонъ! Вы хотѣли бы все-таки знать, долго ли теперь. Къ сожалѣнiю, я самъ не знаю. Меня извѣщаютъ всегда въ послѣднiй моментъ, я много разъ жаловался, могу вамъ показать всю эту переписку, если васъ интересуеть».

«Такъ что можетъ быть въ ближайшее утро?» — спросилъ Цинциннать.

«Если васъ интересуеть, — сказала директоръ. — Да, просто очень вкусно и сытно, вотъ что я вамъ доложу. А теперь, pour la digestion, позвольте предложить вамъ папиросу. Не бойтесь, это въ крайнемъ случаѣ только предпоследняя», — добавилъ онъ находчиво.

«Я спрашиваю, — сказалъ Цинциннать, — я спрашиваю не изъ любопытства. Правда, трусы всегда любопытны. Но увѣряю васъ... Пускай не справляюсь съ ознобомъ и такъ далѣе, — это ни-

чего. Всадникъ не отвѣчаетъ за дрожь коня. Я хочу знать когда — вотъ почему: смертный приговоръ возмѣщается точнымъ знаніемъ смертнаго часа. Роскошь большая, но заслуженная. Меня же оставляютъ въ томъ невѣдѣніи, которое могутъ выносить только живущіе на волѣ. И еще: въ головѣ у меня множество начатыхъ и въ разное время прерванныхъ работъ... Заниматься ими я просто не стану, если срокъ до казни все равно недостаточенъ для ихъ стройнаго завершения. Вотъ почему —»

«Ахъ, пожалуйста, не надо бормотать, — нервно сказалъ директоръ. — Это, во-первыхъ, противъ правилъ, а, во-вторыхъ, — говорю вамъ русскимъ языкомъ и повторяю: не знаю. Все, что могу вамъ сообщить, это, что со дня на день ожидается пріѣздъ вашего суженаго, — а онъ, когда пріѣдетъ, да отдохнетъ, да свыкнется съ обстановкой, еще долженъ будетъ испытать инструментъ, если, однако, не привезетъ своего, что весьма и весьма вѣроятно. Табачекъ-то не крѣпковать?»

«Нѣтъ, — отвѣтилъ Цинциннатъ, разсѣянно посмотрѣвъ на свою папиросу. — Но только мнѣ кажется, что по закону — ну не вы, такъ управляющій городомъ обязанъ —»

«Потолковали, и будетъ, — сказалъ директоръ; — я собственно здѣсь не для выслушиванія жалобъ, а для того...» Онъ, мигая, полѣзъ въ одинъ карманъ, въ другой; наконецъ изъ-за пазухи вытащилъ линованный листокъ, явно вырванный изъ школьной тетради.

«Пепельницы тутъ нѣтъ, — замѣтилъ онъ, поводя папиросой, — что-жъ давайте утопимъ въ остаткѣ этого соуса... Такъ-съ. Свѣтъ, пожалуйста, чуточку рѣжетъ. Можетъ быть, если... Ну да ужъ ничего, сойдетъ».

Онъ развернулъ листокъ и, не надѣвая роговыхъ очковъ, а только держа ихъ передъ глазами, отчетливо началъ читать:

«Узникъ! Въ этотъ торжественный часъ, когда всѣ взоры — » «Я думаю, намъ лучше встать», — озабоченно прервалъ онъ самого себя и поднялся со стула. Цинциннать всталъ тоже.

«Узникъ! Въ этотъ торжественный часъ, когда всѣ взоры направлены на тебя, и судьи твои ликуютъ, и ты готовишься къ тѣмъ непроизвольнымъ тѣлодвиженіямъ, которыя непосредственно слѣдуютъ за отсѣченіемъ головы, я обращаюсь къ тебѣ съ напутственнымъ словомъ. Мнѣ выпало на долю, — и этого я не забуду никогда, — обставить твое житіе въ темницѣ всѣми тѣми многочисленными удобствами, которыя дозволяетъ законъ. Посему я счастливъ буду удѣлить всевозможное вниманіе всякому изъявленію твоей благодарности, но желательно въ письменной формѣ и на одной сторонѣ листа».

«Вотъ, — сказала директоръ, складывая очки. — Это все. Я васъ больше не удерживаю. Извѣстите, если что понадобится».

Онъ сѣлъ къ столу и началъ быстро писать, тѣмъ показывая, что аудіенція кончена. Цинциннать вышелъ.

Въ коридорѣ на стѣнѣ дремала тѣнь Родіона, сгорбившись на тѣневомъ табуретѣ, — и лишь мелькомъ, съ краю, вспыхнуло нѣсколько рыжихъ волосковъ. Далѣе, у загиба стѣны, другой стражникъ, снявъ свою форменную маску, утиралъ рукавомъ лицо. Цинциннать началъ спускаться по лѣстницѣ. Каменные ступени были склизки и узки, съ неосязаемой спиралью призрачныхъ перилъ. Дойдя до низу, онъ пошелъ опять коридорами. Дверь съ надписью на зеркальный выво-

ротъ: «канцелярія» — была отпахнута; луна сверкала на чернильницѣ, а какая-то подъ столомъ мусорная корзинка неистово шеберстила и клочотала: должно быть въ нее свалилась мышь. Миновавъ еще много дверей, Цинциннать споткнулся, подпрыгнуть и очутился въ небольшомъ дворѣ, полномъ разныхъ частей разобранной луны. Пароль въ эту ночь былъ: молчаніе, — и солдатъ у воротъ отозвался молчаніемъ на молчаніе Цинцинната, пропуская его, и у всѣхъ прочихъ воротъ было тоже. Оставивъ за собой туманную громаду крѣпости, онъ заскользилъ внизъ по крутому, росистому дерну, попалъ на пепельную тропу между скалъ, пересѣкъ дважды, трижды извивы главной дороги, которая, наконецъ стряхнувъ послѣднюю тѣнь крѣпости, полилась прямою, вольною, — и по узорному мосту черезъ высохшую рѣчку Цинциннать вошелъ въ городъ. Поднявшись на изволокъ и повернувъ направо по Садовой, онъ пронесся вдоль съдыхъ цвѣтущихъ кустовъ. Гдѣ-то мелькнуло освѣщенное окно; за какой-то оградой собака громыхнула цѣпью, но не залаяла. Вѣтерокъ дѣлалъ все, что могъ, чтобы освѣжить бѣглецу голую шею. Изрѣдка наплывъ благоуханія говорилъ о близости Тамариныхъ Садовъ. Какъ онъ зналъ эти сады! Тамъ, когда Марфинька была невѣстой и боялась лягушекъ, майскихъ жуковъ... Тамъ, гдѣ, бывало, когда все становилось невтерпежъ и можно было одному, съ кашей во рту изъ разжеванной сирени, со слезами... Зеленое, муравчатое Тамъ, тамошніе холмы, томленіе прудовъ, тамтатамъ далекаго оркестра... Онъ повернулъ по Матюхинской мимо развалинъ древней фабрики, гордости города, мимо шепчущихъ липъ, мимо празднично настроенныхъ бѣлыхъ дачъ телеграфныхъ служа-

щихъ, вѣчно справляющихъ чьи-нибудь именины, и вышелъ на Телеграфную. Оттуда шла въ гору узкая улочка, и опять сдержанно зашумѣли липы. Двое мужчинъ тихо бесѣдовали во мракѣ сквера на подразумѣваемой скамейкѣ. «А вѣдь онъ ошибается», — сказалъ одинъ. Другой отвѣчалъ неразборчиво, и оба вродѣ какъ бы вздохнули, естественно смѣшиваясь съ шелестомъ листвы. Цинциннатъ выбѣжалъ на круглую площадку, гдѣ луна сторожила знакомую статую поэта, похожую на снѣговую бабу, — голова кубомъ, слѣпившіяся ноги, — и, пробѣжавъ еще нѣсколько шаговъ, оказался на своей улицѣ. Справа, на стѣнахъ одинаковыхъ домовъ неодинаково игралъ лунный рисунокъ вѣтокъ, такъ что только по выраженію тѣней, по складкѣ на переносицѣ между оконъ, Цинциннатъ и узналъ свой домъ. Въ верхнемъ этажѣ окно Марфиньки было темно, но открыто. Дѣти должно-быть спали на горбоносомъ балконѣ: тамъ бѣлѣлось что-то. Цинциннатъ взбѣжалъ на крыльцо, толкнулъ дверь и вошелъ въ свою освѣщенную камеру. Обернулся, но былъ уже запертъ. Ужасно! На столѣ блестѣлъ карандашъ. Паукъ сидѣлъ на желтой стѣнѣ.

«Потушите!» — крикнулъ Цинциннатъ.

Наблюдавшій за нимъ въ глазокъ выключилъ свѣтъ. Темнота и тишина начали соединяться; но вмѣшались часы, пробили одиннадцать, подумали и пробили еще одинъ разъ, а Цинциннатъ лежалъ навзничъ и смотрѣлъ въ темноту, гдѣ тихо разсыпались свѣтлыя точки, постепенно исчезая. Совершилось полное сліяніе темноты и тишины. Вотъ тогда, только тогда (то-есть лежа навзничъ на тюремной койкѣ, за полночь, послѣ ужаснаго, ужаснаго, я просто не могу тебѣ объяснить какого

ужаснаго дня) Цинциннать Ц. ясно оцѣнилъ свое положеніе.

Сначала на черномъ бархатѣ, какимъ по ночамъ обложены съ исподу вѣки, появилось, какъ медальонъ, лицо Марфиньки: кукольный румянецъ, блестящій лобъ съ дѣтской выпуклостью, рѣдкія брови вверхъ, высоко надъ круглыми, карими глазами. Она заморгала, поворачивая голову, и на мягкой, сливочной бѣлизны, шеѣ, была черная бархатка, а бархатная тишина платья, расширяясь книзу, сливалась съ темнотой. Такой онъ увидѣлъ ее нынче среди публики, когда его подвели къ свѣже покрашенной скамьѣ подсудимыхъ, на которую онъ сѣсть не рѣшился, а стоялъ рядомъ, и все-таки измаралъ въ изумрудномъ руки, и журналисты жадно фотографировали отпечатки его пальцевъ, оставшіеся на спинкѣ скамьи. Онъ видѣлъ ихъ напряженные лбы, онъ видѣлъ ярко-цвѣтные панталоны щеголей, ручныя зеркала и переливчатая шали щеголихъ, — но лица были неясны, — одна только круглоглазая Марфинька изъ всѣхъ зрителей и запомнилась ему. Адвокатъ и прокуроръ, оба крашенные и очень похожіе другъ на друга (законъ требовалъ, чтобы они были единоутробными братьями, но не всегда можно было подобрать, и тогда гримировались), проговорили съ виртуозной скоростью тѣ пять тысячъ словъ, которыя полагались каждому. Они говорили вперемежку, и судья, слѣдя за мгновенными репликами, вправо, влево моталъ головой, и равномерно мотались всѣ головы, — и только одна Марфинька, слегка повернувшись, неподвижно, какъ удивленное дитя, устала на Цинцинната, стоявшаго рядомъ съ ярко зеленой садовой скамьей. Адвокатъ, сторонникъ классической декапитациі, выигралъ безъ труда противъ затѣй-

и ика прокурора, и судья синтезировалъ дѣло.

Обрывки этихъ рѣчей, въ которыхъ, какъ пузыри воды, стремились и лопались слова «прозрачность» и «непроницаемость», теперь звучали у Цинцинната въ ухахъ, и шумъ крови превращался въ рукоплесканія, а медальонное лицо Марфиньки все оставалось въ полѣ его зрѣнія и потухло только тогда, когда судья, — приблизившись вплотную, такъ что можно было различить на его крупномъ смугломъ носу расширенныя поры, одна изъ которыхъ, на самой дулѣ, выпустила одинокій, но длинный волосъ, — произнесъ сырымъ шопотомъ: «съ любезнаго разрѣшенія публики, вамъ надѣнуть красный цилиндръ», — выработанная закономъ подставная фраза, истинное значеніе коей зналъ всякій школьникъ.

«А я вѣдь сработанъ такъ тщательно, — думалъ Цинциннатъ, плача во мракѣ. — Изгибъ моего позвоночника высчитанъ такъ хорошо, такъ таинственно. Я чувствую въ икрахъ такъ много туги накрученныхъ верстъ, которыя могъ бы въ жизни еще пробѣжать. Моя голова такъ удобна»...

Часы пробили неизвѣстно къ чему относившуюся половину.

2.

Утреннія газеты, которыя съ чашкой тепловатаго шоколада принесъ ему Родіонъ, — мѣстный листокъ «Доброе Утречко» и болѣе серьезный органъ «Голосъ Публики», — какъ всегда кишѣли цвѣтными снимками. Въ первой онъ нашель фасадъ своего дома: дѣти глядятъ съ балкона, тещъ глядитъ изъ кухоннаго окна, фотографъ глядитъ изъ окна Марфиньки; во второй — знакомый видъ изъ этого окна на палисадникъ съ яблонью, отворенной калиткой и фигурой фотографа, снимающаго фасадъ. Онъ нашель, кромѣ того, самого себя на двухъ снимкахъ, изображающихъ его въ кроткой юности.

Цинциннатъ родился отъ безвѣстнаго прохожаго и дѣтство провелъ въ большемъ общежитіи за Стропью (только уже на третьемъ десяткѣ онъ познакомился мимоходомъ со щебечущей, щупленькой, еще такой молодой на видъ Цециліей Ц., зачавшей его ночью на Прудахъ, когда была совсѣмъ дѣвочкой). Съ раннихъ лѣтъ, чудомъ смекнувъ опасность, Цинциннатъ бдительно изошрялся въ томъ, чтобы скрыть нѣкоторую свою особость. Чужихъ лучей не пропуская, а потому, въ состояніи покоя, производя диковинное впечатлѣніе одинокаго темнаго препятствія въ этомъ мірѣ прозрачныхъ другъ для дружки душъ, онъ нау-

чился все-таки притворяться сквозистымъ, для чего прибѣгаль къ сложной системѣ какъ б опти-ческихъ обмановъ, но стоило на мгновение забыть-ся, не совсѣмъ такъ внимательно слѣдить за собой, за поворотами хитро освѣщенныхъ плоско-стей души, какъ сразу поднималась тревога. Въ разгарѣ общихъ игръ сверстники вдругъ отъ него отпадали, словно почуя, что ясность его взгляда да голубизна висковъ — лукавый отводъ, и что въ дѣйствительности Цинциннатъ непроницаемъ. Случалось, учитель среди наступившаго молчанія, въ досадливомъ недоумѣніи, собравъ и наморщивъ всѣ запасы кожи около глазъ, долго глядѣлъ на него и наконецъ спрашивалъ: «Да что съ тобой, Цинциннатъ?» Тогда Цинциннатъ бралъ себя въ руки и, прижавъ къ груди, относилъ въ безопасное мѣсто.

Съ теченіемъ времени безопасныхъ мѣстъ становилось все меньше, всюду проникало ласковое солнце публичныхъ заботъ, и было такъ устроено окошечко въ двери, что не существовало во всей камерѣ ни одной точки, которую наблюдатель за дверью не могъ бы взглядомъ проткнуть. Поэтому Цинциннатъ не сгребъ пестрыхъ газетъ въ комъ, не швырнулъ, — какъ сдѣлалъ его призракъ (призракъ, сопровождающій каждого изъ насъ — и тебя, и меня, и вотъ его, — дѣлающій то, что въ данное мгновение хотѣлось бы сдѣлать, а нельзя...). Цинциннатъ спокойненько отложилъ газеты и допилъ шоколадъ. Коричневая пѣнка, покрывавшая шоколадную гладь, превратилась на губѣ въ сморщенную дрянь. Затѣмъ Цинциннатъ надѣлъ черный халатъ, слишкомъ для него длин-ный, черныя туфли съ помпонами, черную ермолку, — и заходилъ по камерѣ, какъ ходилъ каждое утро, съ перваго дня заключенія.

Дѣтство на загородныхъ газонахъ. Играли въ мячъ, въ свинью, въ карамору, въ чехарду, въ малину, въ тычь... Онъ былъ легокъ и ловокъ, но съ нимъ не любили играть. Зимой городскіе скаты гладко затягивались снѣгомъ, и какъ же славно было мчаться внизъ на «стеклянныхъ» сабуровскихъ санкахъ... Какъ быстро наступала ночь, когда съ катанья возвращались домой... Какія звѣзды, — какая мысль и грусть наверху, — а внизу ничего не знаютъ. Въ морозномъ металлическомъ мракѣ желтымъ и краснымъ свѣтомъ горѣли съѣдобныя окна; женщины въ лисьихъ шубкахъ поверхъ шелковыхъ платьевъ перебѣгали черезъ улицу изъ дома въ домъ; электрическія вагонетки, возбуждая на мигъ сіяющую вьюгу, проносились по запорошеннымъ рельсамъ.

Голосокъ: «Аркадій Ильичъ, посмотрите на Цинцинната...»

Онъ не сердился на доносчиковъ, но тѣ умножались и, мужая, становились страшны. Въ сущности темный для нихъ, какъ будто былъ вырѣзанъ изъ кубической сажени ночи, непроницаемый Цинциннатъ поворачивался туда-сюда, ловя лучи, съ панической поспѣшностью стараясь такъ стать, чтобы казаться свѣтопроводнымъ. Окружающіе понимали другъ друга съ полуслова, — ибо не было у нихъ такихъ словъ, которыя бы кончались какъ-нибудь неожиданно, на ижицу, что-ли, обращаясь въ пращу или птицу, съ удивительными послѣдствіями. Въ пыльномъ маленькомъ музеѣ, на Второмъ Бульварѣ, куда его водили въ дѣтствѣ, и куда онъ самъ потомъ водилъ питомцевъ, были собраны рѣдкія, прекрасныя вещи, — но каждая была для всѣхъ горожанъ кромѣ него такъ же ограничена и прозрачна, какъ и они са-

ми другъ для друга. То, что не названо, — не существуетъ. Къ сожалѣнію, все было названо.

«Бытіе безымянное, существование безпредметная...» — прочелъ Цинциннать на стѣнѣ тамъ, гдѣ дверь, отпахиваясь, прикрывала стѣну.

«Вѣчные имениники, мнѣ васъ —» — написано было въ другомъ мѣстѣ.

Лѣвѣе, почеркомъ стремительнымъ и чистымъ, безъ единой лишней линіи: «Обратите вниманіе, что когда они съ вами говорятъ —» — дальше, увы, было стерто.

Рядомъ — корявыми дѣтскими буквами: «Писателей буду штрафовать» — и подпись: директоръ тюрьмы.

Еще можно было разобрать одну ветхую и загадочную строку: «Смѣрьте до смерти, — потомъ будетъ поздно».

«Меня во всякомъ случаѣ смѣрили, — сказалъ Цинциннать, тронувшись опять въ путь и на ходу легонько постукивая костяшками руки по стѣнамъ. — Какъ мнѣ, однако, не хочется умирать! Душа зарылась въ подушку. Охъ, не хочется! Холодно будетъ вылѣзть изъ теплаго тѣла. Не хочется, погодите, дайте еще подремать».

Двѣнадцать, тринадцать, четырнадцать. Пятнадцать лѣтъ было Цинциннату, когда онъ началъ работать въ мастерской игрушекъ, куда былъ опредѣленъ по причинѣ малаго роста. По вечерамъ же упивался старинными книгами подъ лѣнивый, плѣнительный плескъ мелкой волны, въ пловучей библиотекѣ имени д-ра Синеокова, утонувшего какъ разъ въ томъ мѣстѣ городской рѣчки. Бормотаніе цѣпей, плескъ, оранжевые абажурчики на галлерейкѣ, плескъ, липкая отъ луны водяная гладь, — и вдали, въ черной паутинѣ высокаго моста, пробѣгающіе огоньки. Но потомъ

цѣнные волюмы начали портиться отъ сырости, такъ что въ концѣ концовъ пришлось рѣчку осушить, отведя всю воду въ Стропъ посредствомъ специально прорытаго канала.

Работая въ мастерской, онъ долго бился надъ затѣйливыми пустяками, занимался изготовленіемъ мягкихъ куколъ для школьницъ, — тутъ былъ и маленькій волосатый Пушкинъ въ бекешѣ, и похожій на крысу Гоголь въ цвѣтистомъ жилетѣ, и старичекъ Толстой, толстоносенькій, въ зипунѣ, и множество другихъ, на примѣръ: застегнутый на всѣ пуговики Добролюбовъ въ очкахъ безъ стеколъ. Искусственно пристрастясь къ этому мифическому девятнадцатому вѣку, Цинциннать уже готовъ былъ совсѣмъ углубиться въ туманы древности и въ нихъ найти подложный пріютъ, но другое отвлекло его вниманіе.

Тамъ то, на той маленькой фабрицѣ, работала Марфинька, — полуоткрывъ влажныя губы, цѣлилась ниткой въ игольное ушко: «Здравствуй, Цинциннатикъ!» — и вотъ начались тѣ упоительныя блужданія въ очень, очень просторныхъ (такъ что даже случалось — холмы въ отдаленіи бывали дымчаты отъ блаженства своего отдаленія) Тамариныхъ Садахъ, гдѣ въ три ручья плачутъ безъ причины ивы, итремя каскадами, съ небольшою радугой надъ каждымъ, ручьи свергаются въ озеро, по которому плыветъ лебедь рука объ руку со своимъ отраженіемъ. Ровныя поляны, рододендронъ, дубовыя рощи, веселые садовники въ зеленыхъ сапогахъ, день деньской играющіе въ прятки; какой-нибудь гротъ, какая-нибудь идиллическая скамейка, на которой три шутника оставили три аккуратныхъ кучки (уловка, — поддѣлка изъ коричневой крашеной жести), какой-нибудь олененокъ, выскочившій въ аллею и тутъ

же у васъ на глазахъ превратившійся въ дрожащія пятна солнца, — вотъ они были каковы эти сады! Тамъ, тамъ — лепеть Марфиньки, ея ноги въ бѣлыхъ чулкахъ и бархатныхъ туфелькахъ, холодная грудь и розовые поцѣлуи со вкусомъ лѣсной земляники. Вотъ бы увидѣть отсюда — хотя бы древесныя макушки, хотя бы гряду отдаленныхъ холмовъ...

Цинциннать подвязалъ потуже халатъ. Цинциннать сдвинулъ и потянулъ, пяясь, кричащій отъ злости столъ: какъ неохотно, съ какими содраганіями онъ ѣхалъ по каменному полу, его содраганія передавались пальцамъ Цинцинната, нѣбу Цинцинната, отступавшаго къ окну (то-есть къ той стѣнѣ, гдѣ высоко, высоко была за рѣшеткой пологая впадина окна). Упала громкая ложечка, затанцевала чашка, покотился карандашъ, заскользила книга по книгѣ. Цинциннать поднялъ брыкающійся стулъ на столъ. Самъ наконецъ влѣзъ. Но, конечно, ничего не было видно, — только жаркое небо въ тонко зачесанныхъ сѣдинахъ, оставшихся отъ облаковъ, не вынесшихъ синевы. Цинциннать едва могъ дотянуться до рѣшетки, за которой покато поднимался туннель окошка съ другой рѣшеткой въ концѣ и свѣтовымъ повтореніемъ ея на облупившейся стѣнкѣ каменной пади. Тамъ, сбоку, тѣмъ же чистымъ презрительнымъ почеркомъ, какъ одна изъ полустертыхъ фразъ, читанныхъ давеча, было написано: «Ничего не видать, я пробовалъ тоже».

Цинциннать стоялъ на цыпочкахъ, держась маленькими, совсѣмъ бѣлыми отъ напряженія, руками за черные желѣзные прутья, и половина его лица была въ солнечную рѣшетку, и лѣвый усь золотился, и въ зеркальныхъ зрачкахъ было по крохотной золотой клѣткѣ, а внизу, сзади,

изъ слишкомъ большихъ туфель приподнимались пятки.

«Того и гляди свалитесь, — сказалъ Родіонъ, который уже съ полминуты стоялъ подлѣ и теперь крѣпко сжалъ ножку дрогнувшаго стула. — Ничего, ничего, держу. Можете слѣзать».

У Родіона были васильковые глаза и, какъ всегда, чудная рыжая бородища. Это красивое русское лицо было обращено вверхъ къ Цинциннату, который босой подошвой на него наступилъ, то-есть призракъ его наступилъ, самъ же Цинциннатъ уже сошелъ со стула на столъ. Родіонъ, обнявъ его какъ младенца, бережно снялъ, — послѣ чего со скрипичнымъ звукомъ отодвинулъ столъ на прежнее мѣсто и присѣлъ на него съ краю, болтая той ногой, что была повыше, а другой упираясь въ полъ, — принявъ фальшиво-развязную позу оперныхъ гулякъ въ сценѣ погребка, а Цинциннатъ ковырялъ шнурокъ халата, потупясь, стараясь не плакать.

Родіонъ баритоннымъ басомъ пѣлъ, играя глазами и размахивая пустой кружкой. Эту же удалую пѣсню пѣвала прежде и Марфинька. Слезы брызнули изъ глазъ Цинцинната. На какой-то предѣльной нотѣ Родіонъ грохнулъ кружкой объ полъ и соскочилъ со стола. Дальше онъ уже пѣлъ хоромъ, хотя былъ одинъ. Вдругъ поднялъ вверхъ обѣ руки и вышелъ.

Цинциннатъ, сидя на полу, сквозь слезы посмотрѣлъ ввысь, гдѣ отраженіе рѣшетки уже перемѣнило мѣсто. Онъ попробовалъ — въ сотый разъ — подвинуть столъ, но, увы, ножки были отъ вѣка привинчены. Онъ съѣлъ винную ягоду и опять зашагалъ по камерѣ.

Девятнадцать, двадцать, двадцать одинъ. Въ двадцать два года былъ переведенъ въ дѣтскій

садъ учителемъ разряда Ф, и тогда же на Марфинькѣ женился. Едва ли не въ самый день, когда онъ вступилъ въ исполненіе новыхъ своихъ обязанностей (состоявшихъ въ томъ, чтобы занимать хроменькихъ, горбатенькихъ, косенькихъ), былъ важнымъ лицомъ сдѣланъ на него доносъ второй степени. Осторожно, въ видѣ предположенія высказывалась мысль объ основной нелегальности Цинцинната. Заодно съ этимъ меморандумомъ были отцами города разсмотрѣны и старыя жалобы, поступавшія время отъ времени со стороны его наиболѣе прозорливыхъ товарищей по работѣ въ мастерской. Предсѣдатель воспитательнаго совѣта и нѣкоторыя другія должностныя лица поочередно запирались съ нимъ и производили надъ нимъ закономъ предписанные опыты. Въ теченіе нѣсколькихъ сутокъ ему не давали спать, принуждали къ быстрой бессмысленной болтовнѣ, доводимой до опушки бреда, заставляли писать письма къ различнымъ предметамъ и явленіямъ природы, разыгрывать житейскія сценки, а также подражать разнымъ животнымъ, ремесламъ и недугамъ. Все это онъ продѣлалъ, все это онъ выдержалъ — оттого, что былъ молодъ, изворотливъ, свѣжъ, жаждалъ жить, — пожить немного съ Марфинькой. Его нехотя отпустили, разрѣшивъ ему продолжать заниматься съ дѣтьми послѣдняго разбора, которыхъ было не жаль, — дабы посмотрѣть, что изъ этого выйдетъ. Онъ водилъ ихъ гулять парами, играя на маленькомъ портативномъ музыкальномъ ящичкѣ, вродѣ кофейной мельницы, — а по праздникамъ качался съ ними на качеляхъ: вся гроздь замирала, взлетая; пищала, ухая внизъ. Нѣкоторыхъ онъ училъ читать.

Между тѣмъ Марфинька въ первый же годъ брака стала ему измѣнять; съ кѣмъ попало и гдѣ

попало. Обыкновенно, когда Цинциннать приходилъ домой, она, съ какой-то сытой улыбочкой прижимая къ шеѣ пухлый подбородокъ, какъ бы жура себя, глядя исподлобья честными карими глазами, говорила низкимъ голубинымъ голоскомъ: «А Марфинька нынче опять это дѣлала». Онъ нѣсколько секундъ смотрѣлъ на нее, приложивъ, какъ женщина, ладонь къ щекѣ, и потомъ, беззвучно воя, уходилъ черезъ всѣ комнаты, полныя ея родственниковъ, и запирался въ уборной, гдѣ топалъ, шумѣлъ водой, кашлялъ, маскируя рыданія. Иногда, оправдываясь, она ему объясняла: «Я же, ты знаешь, добренькая: это такая маленькая вещь, а мужчинѣ такое облегченіе».

Скоро она забеременѣла — и не отъ него. Разрѣшилась мальчикомъ, немедленно забеременѣла снова — и снова не отъ него — и родила дѣвочку. Мальчикъ былъ хромъ и золь; тупая, тучная дѣвочка — почти слѣпа. Вслѣдствіе своихъ дефектовъ оба ребенка попали къ нему въ садъ, и странно бывало видѣть ловкую, ладную, румяную Марфиньку, ведущую домой этого калѣку, эту тумбочку. Цинциннать понемножку пересталъ слѣдить за собой вовсе, — и однажды, на какомъ-то открытомъ собраніи въ городскомъ паркѣ, вдругъ пробѣжала тревога, и одинъ произнесъ громкимъ голосомъ: «Горожане, между нами находится—» — тутъ послѣдовало страшное, почти забытое слово, — и налетѣлъ вѣтеръ на акаціи, — и Цинциннать не нашелъ ничего лучше, какъ встать и удалиться, разсѣянно срывая листики съ придорожныхъ кустовъ. А спустя десять дней онъ былъ взятъ.

«Вѣроятно, завтра,» — сказалъ Цинциннать, медленно шагая по камерѣ. — «Вѣроятно, завтра», сказалъ Цинциннать и сѣлъ на койку, уминая ла-

донью лобъ. Закатный лучъ повторялъ уже знакомые эффекты. «Вѣроятно, завтра, — сказалъ со вздохомъ Цинциннать. — Слишкомъ тихо былъ сегодня, а уже завтра, спозаранку» —

Нѣкоторое время всѣ молчали: глиняный кувшинъ съ водой на днѣ, поившій всѣхъ узниковъ міра; стѣны, другъ другу на плечи положившія руки, какъ четверо неслышнымъ шопотомъ обсуждающихъ квадратную тайну; бархатный паукъ, похожій чѣмъ-то на Марфиньку; большія черныя книги на столѣ...

«Какое недоразумѣніе!» — сказалъ Цинциннать и вдругъ размѣялся. Онъ всталъ, снялъ халатъ, ермолку, туфли. Снялъ полотняные штаны и рубашку. Снялъ, какъ парикъ, голову, снялъ ключицы, какъ ремни, снялъ грудную клѣтку, какъ кольчугу. Снялъ бедра, снялъ ноги, снялъ и бросилъ руки, какъ рукавицы, въ уголь. То, что оставалось отъ него, постепенно разсѣялось, едва окрасивъ воздухъ. Цинциннать сперва просто наслаждался прохладой; затѣмъ, окунувшись совсѣмъ въ свою тайную среду, онъ въ ней вольно и весело —

Грянулъ желѣзный громъ засова, и Цинциннать мгновенно обросъ всѣмъ тѣмъ, что сбросилъ, вплоть до ермолки. Тюремщикъ Родіонъ принесъ въ круглой корзиночкѣ, выложенной виноградными листьями, дюжину палевыхъ сливъ, — подарокъ супруги директора. —

Цинциннать, тебя освѣжило преступное твое упражненіе.

3.

Цинциннать проснулся отъ рокового рокота голосовъ, нараставшаго въ коридорѣ.

Хотя наканунѣ онъ и готовился къ такому пробужденію, — все равно — съ сердцемъ, съ дыханіемъ не было сладу. Полою сердце прикрывъ, чтобы оно не видѣло, — тише, это ничего (какъ говорятъ ребенку въ минуту невѣроятнаго бѣдствія), — прикрывъ сердце и слегка привставъ, Цинциннать слушала. Было шарканье многихъ шаговъ, въ различныхъ слояхъ слышимости; были голоса — тоже во многихъ разрѣзахъ; одинъ набѣгалъ, вопрошающій; другой, поближе, отвѣтствовалъ. Спѣша изъ глубины, кто-то пронесся и заскользилъ по камню, какъ по льду. Басъ директора произнесъ среди гомона нѣсколько словъ — невнятныхъ, но безсомнѣнно повелительныхъ. Страшнѣе всего было то, что сквозь эту возню пробивался дѣтскій голосъ, — у директора была дочка. Цинциннать различала и жалующійся тенорокъ своего адвоката, и бормотаніе Родіона... Вотъ опять, на бѣгу, кто-то задалъ гулкой вопросъ, и кто-то гулко отвѣтилъ. Кряхтѣніе, трескъ, стукотня, — точно шарил палкой подъ лавкой. «Не нашли?» — внятно спросилъ директоръ. Пробѣжали шаги. Пробѣжали шаги. Пробѣжали, вернулись. Цинциннать, изнемогая, спустилъ но-

ги на полъ: такъ и не дали свиданія съ Марфинькой... Начать одѣваться, или придуть меня наряжать? Ахъ, довольно, войдите...

Но его еще промучили минуты двѣ. Вдругъ дверь отворилась, и, скользя, влетѣлъ адвокатъ.

Онъ былъ взлохмаченъ, потенъ. Онъ тербилъ лѣвую манжету, и глаза у него кружились,

«Запонку потерялъ, — воскликнулъ онъ. быстро, какъ песь, дыша. — Задѣлъ обо что.. должно быть... когда съ милой Эммочкой... шалуныя всегда... за фалды... всякій разъ какъ зайду... я, главное, слышалъ, какъ что-то...но не обратилъ... смотрите, цѣпочка очевидно... очень дорожилъ... ну, ничего не подѣлаешь... можетъ быть еще... я обѣщаль всѣмъ сторожамъ... а досадно...»

«Глупая, сонная ошибка, — тихо сказалъ Цинциннать. — Я превратно истолковаль сушту. Это вредно для сердца».

«Да нѣтъ, спасибо, пустяки», — разсѣянно пробормоталь адвокатъ. При этомъ онъ глазами такъ и рыскаль по угламъ камеры. Видно было, что его огорчала потеря дорогой вещицы. Это видно было. Потеря вещицы огорчала его. Вещица была дорогая. Онъ былъ огорченъ потерей вещицы.

Цинциннать съ легкимъ стономъ легъ обратно въ постель. Тотъ сѣлъ у него въ ногахъ.

«Я къ вамъ шелъ, — сказалъ адвокатъ, — такой бодрый, веселый... Но теперь меня разстроилъ этотъ пустякъ, — ибо въ концѣ концовъ это же пустякъ, согласитесь, — есть вещи поважнѣе. Ну, какъ вы себя чувствуете?»

«Склоннымъ къ откровенной бесѣдѣ, — прикрывъ глаза, отвѣчалъ Цинциннать. — Хочу подѣлиться съ вами нѣкоторыми своими умозаключеніями. Я окруженъ какими-то убогими призраками, а не людьми. Меня они терзають, какъ

могутъ терзатьъ только безсмысленныя видѣнія, дурныя сны, отбросы бреда, шваль кошмаровъ — и все то, что сходитъ у насъ за жизнь. Въ теоріи — хотѣлось бы послушаться. Но проснуться я не могу безъ посторонней помощи, а этой помощи безумно боюсь, да и душа моя облѣнилась, привыкла къ своимъ тѣснымъ пеленамъ. Изъ всѣхъ призраковъ, окружающихъ меня, вы, Романъ Виссаріоновичъ, самый, кажется, убогій, но съ другой стороны, — по вашему логическому положенію въ нашемъ выдуманномъ быту, — вы являетесь въ нѣкоторомъ родѣ совѣтникомъ, заступникомъ...»

«Къ вашимъ услугамъ», — сказалъ адвокатъ, радуясь, что Цинциннатъ наконецъ разговорился.

«Вотъ я и хочу васъ спросить: на чемъ основанъ отказъ сообщить мнѣ точный день казни? Погодите, — я еще не кончилъ. Такъ называемый директоръ отлыниваетъ отъ прямого отвѣта, ссылается на то, что — Погодите же! Я хочу знать, во-первыхъ: отъ кого зависитъ назначеніе дня. Я хочу знать, во-вторыхъ: какъ добиться толку отъ этого учрежденія, или лица, или собранія лицъ...»

Адвокатъ, который только что порывался говорить, теперь почему-то молчалъ. Его крашеное лицо съ синими бровями и длинной заячьей губой не выражало особаго движенія мысли.

«Оставьте манжету, — сказалъ Цинциннатъ, — и попробуйте сосредоточиться».

Романъ Виссаріоновичъ порывисто перемѣнилъ положеніе тѣла и сцѣпилъ безпокойные пальцы. Онъ проговорилъ жалобнымъ голосомъ: «Вотъ за этотъ тонъ...»

«Меня и казнятъ, — сказалъ Цинциннатъ, — знаю. Дальше!»

«Давайте перемѣнимъ разговоръ, умоляю васъ, — воскликнулъ Романъ Виссаріоновичъ. — Почему вы не можете остаться хоть теперь въ рамкахъ дозволеннаго? Право же, это ужасно, это выше моихъ силъ. Я къ вамъ зашелъ, просто чтобы спросить васъ, нѣтъ ли у васъ какихъ-либо законныхъ желаній... напимѣръ (тутъ у него лицо оживилось), вы, можетъ, желали бы имѣть въ печатномъ видѣ рѣчи, произнесенныя на судѣ? Въ случаѣ такого желанія, вы обязаны въ кратчайшій срокъ подать соотвѣтствующее прошеніе, которое мы оба съ вами сейчасъ вмѣстѣ и составили бы, — съ подробно мотивированнымъ указаніемъ, сколько именно экземпляровъ рѣчей требуется вамъ, и для какой цѣли. У меня есть какъ разъ свободный часокъ, давайте, ахъ, давайте этимъ займемся, прошу васъ! Я даже специальный конвертъ заготовилъ».

«Курьеза ради... — проговорилъ Цинциннатъ, — но прежде... Неужто же и вправду нельзя добиться отвѣта?»

«Специальный конвертъ», — повторилъ адвокатъ, соблазняя.

«Хорошо, дайте сюда», — сказалъ Цинциннатъ и разорвалъ толстый, съ начинкой, конвертъ на завивающіеся клочки.

«Это вы напрасно, — едва не плача, вскричалъ адвокатъ. — Это очень напрасно. Вы даже не понимаете, что вы сдѣлали. Можетъ, тамъ находился приказъ о помилованіи. Второго не достать!»

Цинциннатъ поднялъ горсть клочковъ, попробовалъ составить хотя бы одно связное предложеніе, но все было спутано, искажено, разъято.

«Вотъ вы всегда такъ, — подвывалъ адвокатъ, держа себя за виски и шагая по камерѣ. — Можетъ, спасеніе ваше было въ вашихъ же рукахъ, а вы

его... Ужасно! Ну что мнѣ съ вами дѣлать? Теперь пиши пропало... А я-то — такой довольный... Такъ подготовлялъ васъ»....

«Можно? — растянутымъ въ ширину голосомъ спросилъ директоръ, приоткрывъ дверь. — Я вамъ не помѣшаю?»

«Просимъ, Родригъ Ивановичъ, просимъ, — сказалъ адвокатъ, — просимъ, Родригъ Ивановичъ, дорогой. Только не очень-то у насъ весело...»

«Ну, а какъ нонче нашъ симпатичный смертникъ, — пошутилъ эlegantный, представительный директоръ, пожимая въ своихъ мясистыхъ лиловыхъ лапахъ маленькую холодную руку Цинцинната: — Все хорошо? Ничего не болитъ? Все болтаете съ нашимъ неутомимымъ Романомъ Виссаріоновичемъ? Да, кстати, голубчикъ Романъ Виссаріоновичъ... могу васъ порадовать, — озорница моя только что нашла на лѣстницѣ вашу запонку. *La voicі*. Это вѣдь французское золото, неправда-ли? Весьма изящно. Complimentовъ я обычно не дѣлаю, но долженъ сказать...»

Оба отошли въ уголь, дѣлая видъ, что разглядываютъ прелестную штучку, обсуждаютъ ея исторію, цѣнность, удивляются. Цинциннатъ воспользовался этимъ, чтобы достать изъ-подъ койки — и съ тоненькимъ бисернымъ звукомъ, подъ конецъ съ запинками —

«Да, большой вкусъ, большой вкусъ, — повторялъ директоръ, — возвращаясь изъ угла подъ руку съ адвокатомъ. Вы, значить, здоровы, молодой человекъ, — бессмысленно обратился онъ къ Цинциннату, влѣзавшему обратно въ постель. — Но капризничать все-таки не слѣдуетъ. Публика — и всѣ мы, какъ представители публики, хотимъ вашего блага, это, кажется, ясно. Мы даже готовы пойти навстрѣчу вамъ въ смыслѣ облег-

ченія одиночества. На-дняхъ въ одной изъ нашихъ литерныхъ камеръ поселится новый арестантъ. Познакомитесь, это васъ развлечетъ».

«На-дняхъ? — переспросилъ Цинциннатъ. — Значить, дней-то будетъ еще нѣсколько?»

«Нѣтъ, каковъ, — засмѣялся директоръ, — все ему нужно знать. А, Романъ Виссаріоновичъ?»

«Охъ, другъ мой, и не говорите», — вздохнулъ адвокатъ.

«Да-съ, — продолжалъ тотъ, потряхивая ключами, — вы должны быть покладистѣе, сударикъ. А то все: гордость, гнѣвъ, глумь. Я имъ вечеръ сливъ этихъ, значить, несъ, — такъ что же вы думаете? — не изволили кушать, погнушались. Да-съ. Вотъ я вамъ про новаго арестантика-то началъ. Ужо накалякаетесь съ нимъ, а то вишь носъ повѣсили. Что, не такъ говорю, Романъ Виссаріоновичъ?»

«Такъ, Родіонъ, такъ», — подтвердилъ адвокатъ съ невольной улыбкой.

Родіонъ погладилъ бороду и продолжалъ: «Очень жалко стало ихъ мнѣ, — вхожу, гляжу, — на столѣ-стулѣ стоятъ, къ рѣшеткѣ рученьки-ноженьки тянутъ, ровно мартышка кволая. А небо то синѣхонько, касаточки летаютъ, опять же облачка, — благодать, ра-адость! Сымаю ихъ это, какъ дитѣ малое, со стола-то, — а самъ реву, — вотъ истинное слово — реву... Очень значить, меня эта жалость разобрала».

«Повести его, что-ли, наверхъ?» — нерѣшительно предложилъ адвокатъ.

«Это, что же, можно, — протянулъ Родіонъ со степеннымъ добродушіемъ, — это всегда можно».

«Облачитесь въ халатъ», — произнесъ Романъ Виссаріоновичъ.

Цинциннатъ сказалъ: «Я покоряюсь вамъ,

— призраки, оборотни, пародіи. Я покоряюсь вамъ. Но все-таки я требую, — вы слышите, требую (и другой Цинциннать истерически затопаль, теряя туфли), — чтобы мнѣ сказали, сколько мнѣ осталось жить... и дадутъ ли мнѣ свиданіе съ женой».

«Вѣроятно, дадутъ, — отвѣтилъ Романъ Виссаріоновичъ, переглянувшись съ Родіономъ. — Вы только не говорите такъ много. Ну-съ, пошли».

«Пожалуйте», — сказала Родіонъ и толкнулъ плечомъ отпертую дверь.

Всѣ трое вышли: впереди — Родіонъ, колченогій, въ старыхъ выцвѣтшихъ шароварахъ, отвисшихъ на заду; за нимъ — адвокатъ, во фракѣ, съ нечистою тѣнью на целлулоидовомъ воротничкѣ и каемкой розовой кисеи на затылкѣ, тамъ, гдѣ кончался черный парикъ; за нимъ, — наконецъ, Цинциннать, теряющій туфли, запахивающій полы халата.

У загиба коридора другой стражникъ, безымянный, дружески отдалъ имъ честь. Блѣдный каменный свѣтъ смѣнялся областями сумрака. Шли, шли, — за излучкой, излука, — и нѣсколько разъ проходили мимо одного и того же узора сырости на стѣнѣ, похожаго на страшную ребристую лошадь. Кое-гдѣ надо было включить электричество; горькимъ, желтымъ огнемъ загоралась пыльная лампочка, вверху или сбоку. Случалось впрочемъ, что она была мертвая, и тогда шаркали въ плотныхъ потемкахъ. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ неожиданно и необъяснимо падалъ сверху небесный лучъ и дымился, сіялъ, разбившись на щербатыхъ плитахъ, дочка директора, Эммочка, въ сіяющемъ клѣтчатомъ платьѣ и клѣтчатыхъ носкахъ, — дитя, но съ мраморными икрами маленькихъ танцовщицъ, — играла въ мячъ, мячъ равномер-

но стучался объ стѣну. Она обернулась, четвертымъ и пятымъ пальцемъ смазывая прочь со щеки бѣлокурую прядь, и проводила глазами коротенькое шествіе. Родіонъ, проходя, ласково позвенѣлъ ключами; адвокатъ вскользь погладилъ ее по свѣтящимся волосамъ; но она глядѣла на Цинцинната, который испуганно улыбнулся ей. Дойдя до слѣдующаго колѣна коридора, всѣ трое оглянулись. Эммочка смотрѣла имъ вслѣдъ, слегка всплескивая блестящимъ красно-синимъ мячомъ.

Опять долго шли въ темнотѣ, покуда не попали въ тупикъ, гдѣ, надъ свернутой кишкой брендспойта, свѣтилась красная лампочка. Родіонъ отперъ низкую, кованую дверь; за ней круто заворачивались вверхъ ступени каменной лѣстницы. Тутъ нѣсколько измѣнился порядокъ: Родіонъ, потопавъ въ тактъ на мѣстѣ, пропустивъ впередъ сперва адвоката, затѣмъ Цинцинната, мягко переступилъ и замкнулъ шествіе. По крутой лѣтницѣ, съ постепеннымъ развитіемъ которой совпадало медленное свѣтлѣніе тумана, въ которомъ она росла, подниматься было не легко, а поднимались такъ долго, что Цинциннатъ отъ нечего дѣлать принялся считать ступени, досчитавъ до трехзначной цифры, но спутался, оступившись. Воздухъ исподволь блѣднѣлъ. Цинциннатъ, утомясь, лѣзъ какъ ребенокъ, начиная все съ той же ноги. Еще одинъ заворотъ, и вдругъ налетѣлъ густой вѣтеръ, ослѣпительно распахнулось лѣтнее небо, пронзительно зазвучали крики ласточекъ.

Наши путешественники очутились на широкой башенной террасѣ, откуда открывался видъ на разстояніе, духъ захватывающее, ибо не только башня была громадна, но вообще вся крѣпость громадно высилась на громадной скалѣ,

костей она казалась чудовищнымъ порожденіемъ. Далеко внизу виднѣлись почти отвѣсныя виноградники, и бланжевая дорога, вѣясь, спускалась къ безводному руслу рѣки, и черезъ выгнутый мостъ шелъ кто-то крохотный въ красномъ, и бѣгущая точка передъ нимъ была, вѣроятно, собака.

Дальше большимъ полукругомъ расположился на солнцепекѣ городъ: разноцвѣтные дома то шли ровными рядами, сопутствуемые круглыми деревьями, то криво сползали по скатамъ, наступая на собственныя тѣни, — и можно было различить движеніе на Первомъ Бульварѣ и особенное мерцаніе въ концѣ, гдѣ игралъ знаменитый фонтанъ. А еще дальше, по направленію къ дымчатымъ складкамъ холмовъ, замыкавшихъ горизонтъ, тянулась темная рябь дубовыхъ рощъ, тамъ и сямъ сверкало озерцо, какъ ручное зеркало, — а другіе яркіе овалы воды собирались, горя въ нѣжномъ туманѣ, вонъ тамъ на западѣ, гдѣ начиналась жизнь излучистой Строчи. Цинциннатъ, приложивъ ладонь къ щекѣ, въ неподвижномъ, невыразимо-смутномъ и, пожалуй, даже блаженномъ отчаяніи, глядѣлъ на блескъ и туманъ Тамариныхъ Садовъ, на сизые, тающія холмы за ними, — ахъ, долго не могъ оторваться...

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, на широкой каменный парапетъ, поросшій поверху какимъ-то предприимчивымъ злакомъ, положилъ локти адвокатъ, его спина была запачкана въ известку. Онъ задумчиво смотрѣлъ въ пространство, лѣвымъ лакированнымъ башмакомъ наступая на правый и такъ оттягивая пальцами щеки, что выворачивались нижнія вѣки. Родіонъ нашель гдѣ-то метлу и, молча, мель плиты террасы.

«Какъ это все обаятельно, — обратился Цинциннатъ къ садамъ, къ холмамъ, — (и было

почему-то особенно приятно повторять это «обаятельно» на вѣтру, вродѣ того, какъ дѣти зажимаютъ и вновь обнажаютъ уши, забавляясь обновленіемъ слышимаго міра). — Обаятельно! Я никогда не видалъ именно такими этихъ холмовъ, такими таинственными. Неужели въ ихъ складкахъ, въ ихъ тѣнистыхъ долинахъ, нельзя было бы мнѣ. — Нѣтъ, лучше объ этомъ не думать».

Онъ обошелъ террасу кругомъ. На сѣверѣ разлеглась равнина, по ней бѣжали тѣни облаковъ; луга смѣнялись нивами; за изгибомъ Стропи виднѣлись наполовину заросшія очертанія аэродрома и строеніе, гдѣ содержался почтенный, дряхлый, съ рыжими, въ пестрыхъ заплатахъ, крыльями, самолетъ, который еще иногда пускался по праздникамъ, — главнымъ образомъ для развлечения калѣкъ. Вещество устало. Сладко дремало время. Былъ одинъ человѣкъ въ городѣ, аптекарь, чей прадѣдъ, говорятъ, оставилъ записку о томъ, какъ купцы летали въ Китай.

Цинциннать, обойдя террасу, опять вернулся къ южному ея парапету. Его глаза совершали незаконнѣйшія прогулки. Теперь мнилось ему, что онъ различаетъ тотъ цвѣтушій кустъ, ту птицу, ту уходящую подъ навѣсъ плюща тропинку—

«Будетъ съ васъ, — добродушно сказалъ директоръ, бросая метлу въ уголъ и надѣвая опять свой сюртукъ. — Айда по домамъ».

«Да, пора», — откликнулся адвокатъ, посмотрѣвъ на часы.

И то же маленькое шествіе двинулось въ обратный путь. Впереди — директоръ Родригъ Ивановичъ, за нимъ — адвокатъ Романъ Виссаріоновичъ, за нимъ — узникъ Цинциннать, нервно позѣывающій послѣ свѣжаго воздуха. Сюртукъ у директора былъ сзади запачканъ въ известку.

Она вошла, воспользовавшись утренним явлением Родіона, — проскользнувъ подъ его руками, державшими поднось.

«Тю-тю-тю», — предостерегающе произнесъ онъ, заклиная шоколадную бурю. Мягкой ногой прикрылъ за собой дверь, ворча въ усы: «Вотъ проказница»...

Эмочка между тѣмъ спряталась отъ него за столъ, присѣвъ на корточки.

«Книжку читаете? — замѣтилъ Родіонъ, свѣтясь добротой. — Дѣло хорошее».

Цинциннатъ, не поднимая глазъ со страницы, издалъ мычаніе, утвердительный ямбъ, — но глаза уже не брали строчекъ.

Родіонъ, исполнивъ нехитрыя свои обязанности, — тряпкой погнавъ расплывшуюся въ лучѣ пыль и, накормивъ паука, — удалися.

Эмочка — все еще на корточкахъ, но чуть вольнѣе, чуть покачиваясь, какъ на рессорахъ, — скрестивъ голыя пушистыя руки, полуоткрывъ розовый ротъ и моргая длинными, блѣдными, какъ бы даже сѣдыми, рѣсницами, смотрѣла поверхъ стола на дверь. Уже знакомое движеніе: быстро, первыми попавшимися пальцами, отвела льняные волосы съ виска, кинувъ искоса взглядъ

на Цинцинната, который отложилъ книжку и ждалъ, что будетъ дальше.

«Ушелъ», — сказалъ Цинциннатъ.

Она встала съ корточекъ, но, еще согбенная, смотрѣла на дверь. Была смущена, не знала, что предпринять. Вдругъ, оскалась, сверкнувъ балеринными икрами, бросилась къ двери, — разумѣется, запертой. Отъ ея муароваго кушака въ камерѣ ожилъ воздухъ.

Цинциннатъ задалъ ей два обычныхъ вопроса. Она ужимчиво себя назвала и отвѣтила, что двѣнадцать.

«А меня тебѣ жалко?» — спросилъ Цинциннатъ.

На это она не отвѣтила ничего. Подняла къ лицу глиняный кувшинъ, стоявшій въ углу. Пустой, гулкій. Погукала въ его глубину, а черезъ мгновеніе опять метнулась, — и теперь стояла, прислонившись къ стѣнѣ, опираясь однѣми лопатками да локтями, скользя впередъ напряженными ступнями въ плоскихъ туфляхъ — и опять выправляясь. Про себя улыбнулась, а затѣмъ хмуро, какъ на низкое солнце, взглянула на Цинцинната, продолжая сползать. По всему судя, — это было дикое, безпокойное дитя.

«Неужели тебѣ не жалко меня? — сказалъ Цинциннатъ. — Невозможно, не допускаю. Ну, поди сюда, глупая лань, и повѣдай мнѣ, въ какой день я умру».

Но Эмочка ничего не отвѣтила, а съѣхала на полъ и тамъ смирно сѣла, прижавъ подбородокъ къ поднятымъ сжатымъ колѣнкамъ, на которыя натянула подолъ, показывая снизу гладкія ляжки.

«Скажи мнѣ, Эмочка, — я такъ прошу тебя... Ты вѣдь все знаешь, — я чувствую, что знаешь... Отецъ говорилъ за столомъ, мать говорила на кух-

нѣ... Всѣ, всѣ говорятъ. Вчера въ газетѣ было аккуратное оконце, — значить, толкуютъ объ этомъ, и только я одинъ — »

Она, какъ поднятая вихремъ, вскочила съ пола и, опять кинувшись къ двери, застучала въ нее, — не ладонями, а скорѣе пятками рукъ. Ея распущенные, шелковисто-блѣдные волосы кончались длинными буклями.

«Будь ты взрослой, — подумалъ Цинциннатъ, — будь твоя душа хоть слегка съ моей поволокой, ты, какъ въ поэтической древности, напоила бы сторожей, выбравъ ночь потемнѣй...» — «Эмочка! — воскликнулъ онъ: — умоляю тебя, скажи мнѣ, я не отстану, скажи мнѣ, когда я умру?»

Грызая палець, она подошла къ столу, гдѣ громоздились книги. Распахнула одну, перелистала съ трескомъ, чуть не вырывая страницы, захлопнула, взяла другую. Какая-то зыбь все бѣжала по ея лицу, — то морщился веснучатый носъ, то языкъ снутри натягивалъ щеку.

Лязгнула дверь: Родіонъ, посмотрѣвшій, вѣроятно, въ глазокъ, вошелъ, довольно сердитый.

«Брысь, барышня! Мнѣ же за это достанется».

Она визгливо захохотала, увильнула отъ его ракообразной руки и бросилась къ открытой двери. Тамъ, на порогѣ, остановилась вдругъ съ очаровательной танцевальной точностью, — и, не то посылая воздушный поцѣлуй, не то заключая союзъ молчанія, взглянула черезъ плечо на Цинцинната; послѣ чего — съ той же ритмической внезапностью — сорвалась и убѣжала большими высокими, упругими шагами, уже подготовлявшими полеть.

Родіонъ, бурча, бреча, тяжело за нею послѣдовалъ.

«Постойте! — крикнулъ Цинциннатъ. — Я

кончилъ всѣ книги. Принесите мнѣ опять каталогъ».

«Книги...» — сердито усмѣхнулся Родіонъ и съ подчеркнутой звучностью заперъ за собой дверь.

Какая тоска. Цинциннать, какая тоска! Какая каменная тоска, Цинциннать, — и безжалостный бой часовъ, и жирный паукъ, и желтыя стѣны, и шершавость чернаго шерстяного одѣяла. Пѣнка на шоколадѣ. Взять въ самомъ центрѣ двумя пальцами и сдернуть цѣликомъ съ поверхности — уже не плоскій покровъ, а сморщенную коричневую юбочку. Онъ едва теплъ подъ ней, — сладковатый, стоячій. Три гренка въ черепаховыхъ подпалинахъ. Кружокъ масла съ тисненымъ вензелемъ директора. Какая тоска, Цинциннать, сколько крошекъ въ постели.

Погоревавъ, поохавъ, похрустѣвъ всѣми суставами, онъ всталъ съ койки, надѣлъ ненавистный халатъ, пошелъ бродить. Снова перебралъ всѣ надписи на стѣнахъ съ надеждой открыть гдѣ-нибудь новую. Какъ вороненокъ на пнѣ, долго стоялъ на стулѣ, неподвижно глядя вверхъ на нищенскій паекъ неба. Опять ходилъ. Опять читалъ уже выученныя наизусть восемь правилъ для заключенныхъ:

1. Безусловно воспрещается покидать зданіе тюрьмы.

2. Кротость узника есть украшеніе темницы.

3. Убѣдительно просить соблюдать тишину между часомъ и тремя ежедневно.

4. Воспрещается приводить женщинъ.

5. Пѣть, плясать и шутить со стражниками дозволяется только по общему соглашенію и въ извѣстные дни.

6. Желательно, чтобы заключенный не видѣлъ

вовсе, а въ противномъ случаѣ тотчасъ самъ пре-сѣкаль, ночные сны, могущіе быть по содержанію своему несомѣстимыми съ положеніемъ и званіемъ узника, каковы: роскошные пейзажи, прогулки со знакомыми, семейные обѣды, а также половое общеніе съ особами, въ видѣ реальномъ и состояніи бодрствованія не подпускающими даннаго лица, которое посему будетъ разсматриваться закономъ, какъ насильникъ.

7. Пользуясь гостепримствомъ темницы, узникъ, въ свою очередь, не долженъ уклоняться отъ участія въ уборкѣ и другихъ работахъ тюремнаго персонала постольку, поскольку таковое участіе будетъ предложено ему.

8. Дирекція ни въ коемъ случаѣ не отвѣчаетъ за пропажу вещей, равно какъ и самого заключеннаго.

Тоска, тоска, Цинциннатъ. Опять шагай, Цинциннатъ, задѣвая халатомъ то стѣны, то стуль. Тоска! На столѣ наваленныя книги прочитаны всѣ. И хотя онъ зналъ, что прочитаны всѣ, Цинциннатъ искалъ, пошарилъ, заглянулъ въ толстый томъ... перебралъ, не сядясь, уже видѣнныя страницы.

Это былъ томъ журнала, выходившаго нѣкогда, — въ едва вообразимомъ вѣкѣ. Тюремная бібліотека, считавшаяся по количеству и рѣдкости книгъ второй въ городѣ, содержала нѣсколько такихъ диковинъ. То былъ далекій міръ, гдѣ самые простые предметы сверкали молодостью и врожденной наглостью, обусловленной тѣмъ преклоненіемъ, которымъ окружался трудъ, шедшій на ихъ выдѣлку. То были годы всеобщей плавности; масломъ смазанный металлъ занимался безшумной акробатикой; ладныя линіи пиджачныхъ одеждъ диктовались неслыханной гибкостью мус-

кулистыхъ тѣлъ; текучее стекло огромныхъ оконъ округло загибалось на углахъ домовъ; ласточкой вольно летѣла дѣва въ трико — такъ высоко надъ блестящимъ бассейномъ, что онъ казался не больше блюдца; въ прыжкѣ безъ шеста атлетъ навзничь лежалъ въ воздухѣ, достигнувъ уже такой крайности напряженія, что если бы не флажныя складки на трусахъ съ лампасами, оно походило бы на лѣнивый покой; и безъ конца лилась, скользила вода; грація спадающей воды, ослѣпительныя подробности ваннхъ комнатъ, атласистая зыбь океана съ двукрылой тѣнью на ней. Все было глянцевито, переливчато, все страстно тяготѣло къ нѣкоему совершенству, которое опредѣлялось однимъ отсутствіемъ тренія. Упиваясь всѣми соблазнами круга, жизнь довертѣлась до такого головокруженія, что земля ушла изъ подъ ногъ, и, поскользнувшись, упавъ, ослабѣвъ отъ тошноты и томности... сказать ли?... очутившись какъ бы въ другомъ измѣреніи — Да, вещество постарѣло, устало, мало что уцѣлѣло отъ легендарныхъ временъ, — двѣ-три машины, два-три фонтана, — и никому не было жаль прошлаго, да и самое понятіе «прошлаго» сдѣлалось другимъ.

«А можетъ быть, — подумалъ Цинциннатъ, — я невѣрно толкую эти картинки. Эпохѣ придаю свойства ея фотографіи. Это богатство тѣней, и потоки свѣта, и лоскъ загорѣлаго плеча, и рѣдкостное отраженіе, и плавные переходы изъ одной стихіи въ другую, — все это, быть можетъ, относится только къ снимку, къ особой свѣтописи, къ особымъ формамъ этого искусства, и міръ на самомъ дѣлѣ вовсе не былъ столь изгибистъ, влаженъ и скоръ, — точно такъ же, какъ наши нехитрые аппараты по своему запечатлѣваютъ нашъ се.

годняшній наскоро сколоченный и покрашенный мѣръ».

«А можетъ быть (быстро началъ писать Цинциннать на клѣтчатомъ листѣ) я невѣрно толкую... Эпохѣ придаю... Это богатство... Потоки... Плавные переходы... И мѣръ былъ вовсе... Точно такъ же, какъ наши... Но развѣ могутъ домыслы эти помочь моей тоскѣ? Ахъ, моя тоска, — что мнѣ дѣлать съ тобой, съ собой? Какъ смѣютъ держать отъ меня въ тайнѣ... Я, который долженъ пройти черезъ сверхмучительное испытаніе, я, который для сохраненія достоинства хотя бы наружнаго (дальше безмолвной блѣдности все равно не пойду, — все равно не герой...) долженъ во время этого испытанія владѣть всѣми своими способностями, я, я... медленно слабѣю... неизвѣстность ужасна, — ну, скажите мнѣ наконецъ... Такъ нѣтъ, замирай каждое утро... Между тѣмъ, знай я, сколько осталось времени, я бы кое-что... Небольшой трудъ... запись провѣренныхъ мыслей... Кто-нибудь когда-нибудь прочтетъ и станетъ весь какъ первое утро въ незнакомой странѣ. То-есть, я хочу сказать, что я бы его заставилъ вдругъ залиться слезами счастья, растаяли бы глаза, — и, когда онъ пройдетъ черезъ это, мѣръ будетъ чище, омытъ, освѣженъ. Но какъ мнѣ приступить къ писанію, когда не знаю, успѣю ли, а въ томъ-то и мученіе, что говоришь себѣ: вотъ вчера успѣлъ бы, — и опять думаешь: вотъ и вчера бы... И вмѣсто нужной, ясной и точной работы, вмѣсто мѣрнаго подготовленія души къ минутѣ утренняго вставанія, когда... ведро палача, когда подадутъ тебѣ, душа, умыться... такъ, вмѣсто этого, невольно предаешься банальной, безумной мечтѣ о бѣгствѣ, — увы, о бѣгствѣ... Когда она примчалась сегодня, топая и хохоча, — то есть я хочу сказать.. Нѣтъ, надоб-

но все-таки что-нибудь запечатлѣть, оставить. Я не простой... я тотъ, который живъ среди васъ... Не только мои глаза другіе, и слухъ, и вкусъ, — не только обоняніе, какъ у оленя, а осязаніе, какъ у нетопыря, — но главное: даръ сочетать все это въ одной точкѣ... Нѣтъ, тайна еще не раскрыта, — даже это-только огниво, — и я не заикнулся еще о зарожденіи огня, о немъ самомъ. Моя жизнь. Когда-то въ дѣтствѣ, на далекой школьной поѣздкѣ, отбившись отъ прочихъ, — а можетъ быть мнѣ это приснилось, — я попалъ знойнымъ полднемъ въ сонный городокъ, до того сонный, что, когда человѣкъ, дремавшій на заваленкѣ подъ яркой бѣленой стѣной, наконецъ всталъ, чтобы проводить меня до околицы, его синяя тѣнь на стѣнѣ не сразу за нимъ послѣдовала... о, знаю, знаю, что тутъ съ моей стороны былъ недосмотръ, ошибка, что вовсе тѣнь не замѣшкалась, а просто, скажемъ, зацѣпила ась за шероховатость стѣны... — но вотъ, что я хочу выразить: между его движеніемъ и движеніемъ отставшей тѣни, — эта секунда, эта синкопа, — вотъ рѣдкій сортъ времени, въ которомъ живу, — пауза, перебой, — когда сердце, какъ пухъ... И еще я бы написалъ о постоянномъ трепетѣ... и о томъ, что всегда часть моихъ мыслей тѣснится около невидимой пуповины, соединяющей міръ съ чѣмъ-то, — съ чѣмъ, я еще не скажу... Но какъ мнѣ писать объ этомъ, когда боюсь не успѣть и понапрасну разбередить... Когда она сегодня примчалась, — еще ребенокъ, — вотъ, что хочу сказать, — еще ребенокъ, съ какими-то лазейками для моей мысли, — я подумалъ словами древнихъ стиховъ — напоила бы сторожей... спасла бы меня. Кабы вотъ такимъ ребенкомъ осталась, а вмѣстѣ повзрослѣла, поняла, — и вотъ удалось бы: горящія ще-

ки, черная вѣтреная ночь, спасеніе, спасеніе... И напрасно я повторяю, что въ мірѣ нѣтъ миѣ пріюта... Есть! Найду я! Въ пустынѣ цвѣтущая балка! Немного снѣгу въ тѣни горной скалы! А вѣдь это вредно — то, что дѣлаю, — я и такъ слабъ, а разжигая себя, уничтожаю послѣднія свои силы. Какая тоска, ахъ, какая... И мнѣ ясно, что я еще не снялъ самой послѣдней пленки со своего страха».

Онъ задумался. Потомъ бросилъ карандашъ, всталъ, заходилъ. Донесся бой часовъ. Пользуясь ихъ звономъ, какъ платформой, поднялись на поверхность шаги; платформа уплыла, шаги остались и вотъ въ камеру вошли: Родіонъ съ супомъ и господинъ бібліотекаръ съ каталогомъ.

Это былъ здоровеннаго роста, но болѣзненнаго вида мужчина, блѣдный, съ тѣнью у глазъ, съ плѣшью, окруженной темнымъ вѣнцомъ волосъ, съ длиннымъ станомъ въ синей фуфайкѣ, мѣстами выцвѣтшей и съ кубовыми заплатами на локтяхъ. Онъ держалъ руки въ карманахъ узкихъ, какъ смерть, штановъ, сжавъ подмышкой большую, переплетенную въ черную кожу книгу. Цинцинать уже разъ имѣлъ удовольствіе видѣть его.

«Каталогъ», — сказалъ бібліотекаръ, рѣчь котораго отличалась какой-то вызывающей лаконочностью.

«Хорошо, оставьте у меня, — сказалъ Цинцинать, — я выберу. Если хотите подождать, присѣсть, — пожалуйста. А если хотите уйти...»

«Уйти», — сказалъ бібліотекаръ.

«Хорошо. Тогда я потомъ передамъ каталогъ Родіону. Вотъ, можете забрать... Эти журналы древнихъ — прекрасны, трогательны... Съ этимъ тяжелымъ томомъ я, знаете, какъ съ грузомъ,

пошелъ на дно временъ. Плѣнительное ощущеніе»
«Нѣтъ», — сказала бібліотекаръ.

«Принесите мнѣ еще, я выпишу, какіе годы.
И романъ какой-нибудь, поновѣе. Вы уже уходите?
Вы взяли все?»

Оставшись одинъ, Цинциннатъ принялся за супъ; одновременно перелистывалъ каталогъ. Его основная часть была тщательно и красиво отпечатана; среди печатнаго текста было множество заглавій мелко, но четко вписано отъ руки красными чернилами. Не специалисту разобратъся въ каталогъ было трудно изъ-за расположенія названій книгъ — не по алфавиту, а по числу страницъ въ каждой, причемъ тутъ же отмѣчалось, сколько (во избѣжаніе совпаденій) вклеено въ ту или другую книгу лишнихъ листовъ. Цинциннатъ поэтому искалъ безъ опредѣленной цѣли, а такъ, что приглянется. Каталогъ содержался въ образцовой чистотѣ; тѣмъ болѣе удивительно было, что на бѣломъ оборотѣ одной изъ первыхъ страницъ дѣтская рука сдѣлала карандашемъ серію рисунковъ, смыслъ коихъ Цинциннатъ не сразу разгадалъ.

5.

«Позвольте васъ отъ души поздравить», — маслянистымъ басомъ сказалъ директоръ, входя на другое утро въ камеру къ Цинциннату. Родригъ Ивановичъ казался еще наряднѣе, чѣмъ обычно: спина параднаго сюртука была, какъ у кучеровъ, упитана ватой, широкая, плоско-жирная, парикъ лоснился, какъ новый, сдобное тѣсто подбородка было напудрено, точно калачъ, а въ петлицѣ розовѣлъ восковой цвѣтокъ съ крапчатой пастью. Изъ-за статной его фигуры, — онъ торжественно остановился на порогѣ, — выглядывали съ любопытствомъ, тоже праздничные, тоже припомаженные, служащіе тюрьмы. Родіонъ надѣлъ даже какой-то орденокъ.

«Я готовъ. Я сейчасъ одѣнусь. Я зналъ, что сегодня».

«Поздравляю, — повторилъ директоръ, не обращая вниманія на суетливыя движенія Цинцинната. — Честь имѣю доложить, что у васъ есть отнынѣ сосѣдъ, — да, да, только что въѣхалъ. Заждались небось? Ничего, — теперь, съ наперсникомъ, съ товарищемъ по играмъ и занятіямъ, вамъ не будетъ такъ скучно. Кромѣ того, — но это, конечно, должно остаться строго между нами, могу сообщить, что пришло вамъ разрѣшеніе на свиданіе съ супругой: *demain matin*».

Цинциннать опять опустился на койку и сказалъ: «Да, это хорошо. Благодарю васъ, кукла, кучерь, крашенная сволочь... Простите, я немножко...»

Туть стѣны камеры начали выгибаться и вдавливаться, какъ отраженія въ поколебленной водѣ; директоръ зазыблился, койка превратилась въ лодку. Цинциннать схватился за край, чтобы не свалится, но уключина осталась у него въ рукѣ, — и, по горло среди тысячи крапчатыхъ цвѣтовъ, онъ поплылъ, запутался и началъ тонуть. Шестами, баграми, засучивъ рукава, принялись въ него тыкать, поддѣвать его и вытаскивать на берегъ. Вытащили.

«Мы нервозны, какъ маленькая женщина, сказалъ съ улыбкой тюремный врачъ, онъ же Родригъ Ивановичъ. — Дышите свободно. Ёсть можете все. Ночные поты бываютъ? Продолжайте въ томъ же духѣ и, если будете очень послушны, то можетъ быть, можетъ быть, мы вамъ позволимъ однимъ глазкомъ на новичка... но чуръ, только однимъ глазкомъ...»

«Какъ долго... это свиданіе... сколько мнѣ дадутъ...» — съ трудомъ выговорилъ Цинциннать.

«Сейчасъ, сейчасъ. Не торопитесь такъ, не волнуйтесь. Разъ обѣщано показать, то покажемъ. Надѣньте туфли, пригладьте волосы. Я думаю, что —» Директоръ вопросительно взглянулъ на Родіона, тотъ кивнулъ. «Только, пожалуйста, соблюдайте абсолютную тишину, — обратился онъ опять къ Цинциннату; — и ничего не хватайте руками. Ну, вставайте, вставайте. Вы не заслужили этого, вы, батюшка мой, ведете себя дурно, но все же разрѣшается вамъ... Теперь — ни слова, тихохонько...»

На цыпочкахъ, балансируя руками, Родригъ

Ивановичъ вышелъ, и съ нимъ Цинциннать, въ своихъ большихъ шепелявыхъ туфляхъ. Въ глубинѣ коридора, у двери съ внушительными скрѣпами, уже стоялъ, согнувшись, Родіонъ и, отодвинувъ заслонку, смотрѣлъ въ глазокъ. Не отрываясь, онъ сдѣлалъ рукой жестъ, требующій еще большей тишины, и незамѣтно измѣнилъ его на другой — приглашающій. Директоръ еще выше поднялся на цыпочкахъ, обернулся, грозно гримасничая, но Цинциннать не могъ не пошаркивать немножко. Тамъ и сямъ, въ полутьмѣ переходовъ, собирались, горбились, прикладывали козырькомъ ладонь, словно стараясь что-то вдали разглядѣть, смутныя фигуры тюремныхъ служащихъ. Лаборанта Родіонъ пустилъ Родрига Ивановича къ наставленному окуляру. Плотнo скрипнувъ спиной, Родригъ Ивановичъ впился... Между тѣмъ, въ сѣрыхъ потемкахъ, смутныя фигуры беззвучно перебѣгали, беззвучно подзывали другъ друга, строились въ шеренги, и уже какъ поршни ходили на мѣстѣ ихъ мягкія многія ноги, готовясь выступить. Директоръ наконецъ медленно отодвинулся и легонько потянулъ Цинциннату за рукавъ, приглашая его, какъ профессоръ — заходяго профана, посмотреть на препаратъ. Цинциннать кротко припалъ къ свѣтлому кружку. Сперва онъ увидѣлъ только пузыри солнца, полоски, — а затѣмъ: койку, такую же, какъ у него въ камерѣ, около нея сложены были два добротныхъ чемодана съ горящими кнопками и большой продолговатый футляръ вродѣ какъ для тромбона...

«Ну что, видите что-нибудь», — прошепталъ директоръ, близко наклоняясь и благоухая, какъ лиліи въ открытомъ гробу. Цинциннать кивнулъ, хотя еще не видѣлъ главнаго; передвинулъ взглядъ лѣвѣе и тогда увидѣлъ по-настоящему.

На стулѣ, бочкомъ къ столу, неподвижно, какъ сахарный, сидѣлъ безбородый толстячокъ, лѣтъ тридцати, въ старомодной, но чистой, свѣжевыглаженной арестантской пижамкѣ, — весь полосатый, въ полосатыхъ носкахъ, въ новенькихъ сафьяновыхъ туфляхъ, — являлъ дѣвственную подошву, перекинувъ одну короткую ногу черезъ другую и держась за голень пухлыми руками; на мизинцѣ вспыхивалъ прозрачный аквамаринъ, свѣтло-русые волосы на удивительно круглой головѣ были раздѣлены проборомъ посрединѣ, длинныя рѣсницы бросали тѣнь на херувимскую щеку, между малиновыхъ губъ сквозила бѣлизна чудныхъ, ровныхъ зубовъ. Весь онъ былъ какъ бы подернутъ слегка блескомъ, слегка таялъ въ снопѣ солнечныхъ лучей, льющихся на него сверху. На столѣ ничего не было, кромѣ щегольскихъ дорожныхъ часовъ въ кожаной рамѣ.

«Будеть, — шепнулъ съ улыбкой директоръ, — я тозе хочу», — и онъ прильнулъ опять. Родіонъ знаками показалъ Цинциннату, что пора во свояси. Смутныя фигуры служащихъ почтительно приближались гуськомъ: позади директора уже составилъ цѣлый хвостъ желающихъ взглянуть; нѣкоторые привели своихъ старшихъ сыновей.

«Балуемъ мы васъ», — проворчалъ Родіонъ напоследокъ, — и долго не могъ отпереть дверь цинциннатовой камеры, — даже наградилъ ее круглымъ русскимъ словцомъ, и это подѣйствовало.

Все стихло. Все было какъ всегда.

«Нѣтъ, не все, — завтра ты придешь», — вслухъ произнесъ Цинциннатъ, еще дрожа послѣ давешней дурноты. «Что я тебѣ скажу? — продолжалъ онъ думать, бормотать, содрогаться. — Что ты мнѣ скажешь? Наперекоръ всему я любилъ

тебя, и буду любить — на колѣняхъ, со сведенными назадъ плечами, пятки показывая кату и напрягая гусиную шею,— все равно, даже тогда. И послѣ, — можетъ быть, больше всего именно послѣ, — буду тебя любить, — и когда-нибудь состоится между нами истинное, исчерпывающее объясненіе, — и тогда ужъ какъ-нибудь мы сложимся съ тобой, приставимъ себя другъ къ другу, рѣшимъ головоломку: провести изъ такой-то точки въ такую-то... чтобы ни разу... или — не отнимая карандаша... или еще какъ-нибудь... соединимъ, проведемъ, и получится изъ меня и тебя тотъ единственный нашъ узоръ, по которому я тоскую. Если они будутъ каждое утро такъ дѣлать, то высколятъ, буду совсѣмъ деревянный...»

Цинциннать раззѣвался, — слезы текли по щекамъ, и опять, и опять вырасталъ во рту холмъ. Нервы, — спать не хотѣлось. Надо было чѣмъ-нибудь себя занять до завтра, — книгъ свѣжихъ еще не было, каталога онъ не отдалъ... Да, рисуночки! Но теперь при свѣтѣ завтрашней встрѣчи...

Дѣтская рука, несомнѣнно Эммочки, нарисовала рядъ картиночекъ, составлявшихъ (какъ вчера Цинциннату казалось) связный рассказъ, обѣщаніе, образчикъ мечты. Сначала: горизонтальная черта, то-есть сей каменный полъ, на немъ — элементарный стулъ вродѣ насѣкомаго, а вверху — рѣшетка въ шесть клѣтокъ. То же самое, но съ участіемъ полной луны, кисло опустившей уголки рта за рѣшеткой. Далѣе: на табуретѣ изъ трехъ черточекъ тюремщикъ безъ глазъ, значить — спящій, а на полу — кольцо съ шестью ключами. То же кольцо съ ключами, но покрупнѣе, и къ нему тянется рука, весьма пятипалая, въ короткомъ рукавчикѣ. Начинается интересное: дверь полу-

открыта, изъ-за нея — какъ бы птичья лапа: все, что видно отъ утекающаго узника. Онъ самъ, съ запятыми на головѣ вмѣсто кудрей, въ темномъ халатикѣ, посильно изображенномъ въ видѣ равнобедреннаго треугольника; его ведетъ дѣвочка: вилкообразныя ножки, волнистая юбочка, параллельныя линіи волосъ. То же самое, но въ видѣ плана, а именно: квадратъ камеры, кривая коридора, съ пунктиромъ маршрута и гармоникой лѣстницы въ концѣ. Наконецъ эпилогъ: темная башня, и надъ ней довольная луна — уголки рта кверху.

Нѣтъ, — самообманъ, вздоръ. Дитя намарало, безъ мысли... Выпишемъ заглавія и отложимъ каталогъ Да, дитя... Высунувъ справа языкъ, крѣпко держа изрисованный карандашикъ, напирая на него поблѣвшимъ отъ усилія пальцемъ... А затѣмъ — послѣ удачно замкнувшейся линіи — откидываясь, поводя такъ и сякъ головой, вермя лопатками, и опять, припавъ къ бумагѣ и переведя языкъ налѣво... такъ старательно... Вздоръ, не будемъ больше объ этомъ...

Ища, чѣмъ себя занять, и какъ оживить вялое время, Цинциннать рѣшилъ освѣжить свою внѣшность ради завтрашней Марфиньки. Родіонъ согласился притащить опять такую же лохань, въ какой Цинциннать полоскался наканунѣ суда. Въ ожиданіи воды Цинциннать сѣлъ за столъ, столъ сегодня немножко колыхался.

«Свиданіе, свиданіе, — писалъ Цинциннать, — означаетъ по всей вѣроятности, что мое ужасное, утро уже близко. Послѣзавтра, вотъ въ это время, моя камера будетъ пуста. Но я счастливъ, что тебя увижу. Мы поднимались къ мастерскимъ по двумъ разнымъ лѣстницамъ, мужчины по одной, женщины по другой, — но сходились на пред-

последней площадкѣ. Я уже не могу собрать Марфиньку въ томъ видѣ, въ какомъ встрѣтилъ ее въ первый разъ, но помнится, сразу замѣтилъ, что она приоткрываетъ ротъ за секунду до смѣха, — и круглые каріе глаза, и коралловыя сережки, — ахъ, какъ хотѣлось бы сейчасъ воспроизвести ее такой, совсѣмъ новенькой и еще твердой, — а потомъ постепенное смягченіе, — и складочка между щекой и шеей, когда она поварачивала голову ко мнѣ, уже потеплѣвшая, почти живая. Ея міръ. Ея міръ состоитъ изъ простыхъ частицъ, просто соединенныхъ; простѣйшій рецептъ поваренной книги сложнѣе, пожалуй, этого міра, который она, напѣвая, печетъ, — каждый день для себя, для меня, для всѣхъ. Но откуда, — еще тогда, въ первые дни, — откуда злость и упрямство, которыя вдругъ — — Мягкая, смѣшная, теплая и вдругъ — Сначала мнѣ казалось, что это она нарочно: показываетъ, что-ли, какъ другая на ся мѣстѣ остервенѣла бы, заупрямилась. Какъ же я былъ удивленъ, когда оказалось, что это она сама и есть! Изъ-за какой срунды, — глупая моя, какая голова маленькая, если прощупать сквозь все русое, густое, которому она умѣетъ придать невинную гладкость, съ дѣвическимъ переливомъ на темени. «Жонка у васъ — тишь да гладь, а кусачая,» — сказалъ мнѣ ея первый, незабвенный любовникъ, причемъ подлость въ томъ, что эпитетъ — не въ переносномъ... она дѣйствительно въ извѣстную минуту... одно изъ тѣхъ воспоминаній, которыя надо сразу гнать отъ себя, иначе одолѣетъ, заламаетъ. «Марфинька сегодня опять...» — а однажды я видѣлъ, я видѣлъ, я видѣлъ — съ балкона, — я видѣлъ, — и съ тѣхъ поръ никогда не входилъ ни въ одну комнату безъ того, чтобы не объявить издали о своемъ приближеніи — каш-

лемь, бессмысленнымъ восклицаніемъ. Какъ страшно было уловить тотъ изгибъ, ту захлебывающуюся торопливость, — все то, что было моимъ въ тѣнистыхъ тайникахъ Тамариныхъ Садовъ, — а потомъ мною же утрачено. Сосчитать, сколько было у нея... Вѣчная пытка : говорить за обѣдомъ съ тѣмъ или другимъ ея любовникомъ, казаться веселымъ, щелкать орѣхи, приговаривать, — смертельно бояться нагнуться, чтобы случайно подъ столомъ не увидѣть нижней части чудовища, верхняя часть котораго, вполне благообразная, представляетъ собою молодую женщину и молодого мужчину, видныхъ по поясъ за столомъ, спокойно питающихся и болтающихъ, — а нижняя часть это — четырехногое нѣчто, свивающееся, бѣшеное... Я опустился въ адъ за оброненной салфеткой. Марфинька потомъ о себѣ говаривала (въ этомъ же самомъ множественномъ числѣ): «Намъ очень стыдно, что насъ видѣли», — и надувала губы. И все-таки: я тебя люблю. Я тебя безысходно, гибельно, непоправимо — Покуда въ тѣхъ садахъ будутъ дубы, я буду тебя — Когда тебѣ наглядно доказали, что меня не хотятъ, отъ меня сторонятся, — ты удивилась, какъ это ты ничего не замѣтила сама, — а вѣдь отъ тебя было такъ легко скрывать! Я помню, какъ ты умоляла меня исправиться, совершенно не понимая, въ сущности, что именно слѣдовало мнѣ въ себѣ исправить, и какъ это собственно дѣлается, и до сихъ поръ ты ничего не понимаешь, не задумываясь надъ тѣмъ, понимаешь ли или нѣтъ, а когда удивляешься, то удивляешься почти уютно. Но когда судебный приставъ сталъ обходить со шляпой публику, ты все-таки свою бумажку бросила въ нее».

Надъ качающейся у пристани лоханью поднимался ничѣмъ не виноватый, веселый, заман-

чивый паръ. Цинциннатъ порывисто — въ два быстрыхъ пріема — вздохнулъ и отложилъ исписанныя страницы. Изъ скромнаго своего сундучка онъ извлекъ чистое полотенце. Цинциннатъ былъ такой маленькій и узкій, что ему удалось цѣликомъ помѣститься въ лохани. Онъ сидѣлъ, какъ въ душегубкѣ, и тихо плылъ. Красноватый вечерній лучъ, мѣшаясь съ паромъ, возбуждалъ въ небольшомъ мѣрѣ каменной камеры разноцвѣтный трепетъ. Доплывъ, Цинциннатъ всталъ и вышелъ на сушу. Обтираясь, онъ боролся съ головокруженіемъ, съ сердечной истомой. Былъ онъ очень худъ, — и сейчасъ, при закатномъ свѣтѣ, подчеркивавшемъ тѣни реберъ, самое строеніе его грудной клѣтки казалось успѣхомъ мимикрии, ибо оно выражало рѣшетчатую сущность его среды, его темницы. Бѣдненькій мой Цинциннатъ. Обтираясь, стараясь развлечь себя самимъ собой, онъ разглядывалъ всѣ свои жилки и невольно думалъ о томъ, что скоро его раскупорятъ, и все это выльется. Кости у него были легкія, тонкія: выжидательно, съ младенческимъ вниманіемъ, снизу вверхъ взирали на него кроткіе ногти на ногахъ (вы-то милые, вы-то невинные), — и, когда онъ такъ сидѣлъ на койкѣ, — голый, всю тощую спину отъ куприка до шейныхъ позвонковъ показывая наблюдателямъ за дверью (тамъ слышался шопоть, обсуждалось что-то, шуршали, — но ничего, пусть), Цинциннатъ могъ сойти за болѣзненнаго отрока, — даже его затылокъ, съ длинной выемкой и хвостикомъ мокрыхъ волосъ, былъ мальчишескій — и на рѣдкость сподручный. Изъ того же сундучка Цинциннатъ досталъ зеркальце и баночку съ душистой вытравкой, ему всегда напоминавшей ту необыкновенно густошерстную мышку, которая была у Марфиньки на бо-

ку. Втеръ въ колючія щеки, тщательно обходя усы.

Теперь хорошо, чисто. Вздохнулъ и надѣлъ прохладную, еще пахнущую домашней стиркой ночную рубашку.

Стемнѣло. Онъ лежалъ и все продолжалъ плыть. Родіонъ въ обычный часъ зажегъ свѣтъ и убралъ остатки обѣда, ведро, лохань. Паукъ спустился къ нему на ниточкѣ и сѣлъ на палецъ, который Родіонъ протягивалъ мохнатому звѣрьку, бесѣдуя съ нимъ, какъ съ кенаремъ. Между тѣмъ, дверь въ коридоръ оставалась чуть пріоткрытой, — и тамъ мелькнуло что-то... на мигъ свѣсились витые концы блѣдныхъ локоновъ и исчезли, когда Родіонъ двинулся, глядя вверхъ на уходившаго подъ куполь цирка крохотнаго акробата. Дверь все оставалась на четверть пріотворенной. Тяжелый, въ кожаномъ фартукѣ, съ курчаво-красной бородой, Родіонъ медлительно двигался по камерѣ и, когда захрипѣли передъ боемъ часы (приблизившіеся теперь благодаря сквозному сообщенію), вынулъ откуда-то изъ-за пояса луковицу и свѣрилъ. Затѣмъ, полагая, что Цинциннать спитъ, довольно долго смотрѣлъ на него, опираясь на метлу, какъ на алебарду. Неизвѣстно до чего додумавшись, онъ зашевелился опять... Тѣмъ временемъ въ дверь беззвучно и не очень скоро вбѣжалъ красно-синій резиновый мячъ, прокатился по катету прямо подъ койку, на мигъ скрылся, тамъ звякнулся и зыкатился по другому катету, то-есть по направленію къ Родіону, который, такъ его и не замѣтивъ, случайно его пнулъ, переступивъ, — и тогда, по гипотенузѣ, мячъ ушелъ въ ту же дверную промежку, откуда явился. Родіонъ, взявъ метлу на плечо, покинулъ камеру. Свѣтъ погасъ.

Цинциннать не спалъ, не спалъ, не спалъ,
— нѣтъ, спалъ, но со стономъ опять выкарабкался,
— и вотъ опять не спалъ, спалъ, не спалъ,
— и все мѣшалось, Марфинька, плаха, бархатъ,
— и какъ это будетъ, — что? Казнь или свиданіе?
Все слилось окончательно, но онъ еще на одинъ
мигъ разжмурился, оттого — что зажегся свѣтъ,
и Родіонъ на носкахъ вошелъ, забралъ со стола
черный каталогъ, вышелъ, погасло.

6.

Что это было — сквозь все страшное, ночное, неповоротливое, — что это было такое? Последним отодвинулось оно, нехотя уступая грузным, огромным возам сна, и вот сейчас первым выбѣжало, — такое пріятное, пріятное, — растущее, яснѣющее, обливающее горячимъ сердце: Марфинька нынче придетъ!

Тутъ на подносѣ, какъ въ театрѣ, Родіонъ принесъ лиловую записку. Цинциннатъ, присѣвъ на постель, прочелъ слѣдующее: «Милліонъ извиненій! Непростительная оплошность! Свѣрившись со статьей закона, обнаружилось, что свиданіе дается лишь по истеченіи недѣли послѣ суда. Итакъ, отложимъ на завтра. Будьте здоровеньки, кланяйтесь, у насъ все то же, хлопотъ полонъ ротъ, краска, присланная для будокъ, оказалась опять никуда негодной, о чемъ я уже писалъ, но безрезультатно».

Родіонъ, стараясь не глядѣть на Цинцинната, собиралъ со стола вчерашнюю посуду. Погода, вѣрно, стояла пасмурная: сверху проникающій свѣтъ былъ сѣрый, и темная кожаная одежда сердобольнаго Родіона казалась сырой, жухлой.

«Ну что-жъ, — сказалъ Цинциннатъ, — пожалуйста, пожалуйста... Я все равно безсиленъ (Другой Цинциннатъ, поменьше, плакалъ, свер-

нувшись калачикомъ). Завтра, такъ завтра. Но я попрошу васъ позвать —»

«Сію минуту», — выпалилъ Родіонъ съ такой готовностью, словно только и жаждалъ этого, — метнулся было вонъ, — но директоръ, слишкомъ нетерпѣливо ждавшій за дверью, явился чуть-чуть слишкомъ рано, такъ что они столкнулись.

Родригъ Ивановичъ держалъ стѣнной календарь — и не зналъ, куда его положить.

«Милліонъ извиненій, — крикнулъ онъ, — непростительная оплошность! Свѣрившись со статьей закона...» — дословно повторивъ свою записку, Родригъ Ивановичъ сѣлъ въ ногахъ у Цинцинната и поспѣшно добавилъ: «Во всякомъ случаѣ можете подать жалобу, но считаю долгомъ васъ предупредить, что ближайшій сѣздъ состоится осенью, а къ тому времени много чего утечетъ. Ясно?»

«Я жаловаться не собираюсь, — сказалъ Цинциннатъ, — но хочу васъ спросить: существуетъ ли въ мнимой природѣ мнимыхъ вещей, изъ которыхъ сбить этотъ мнимый міръ, хоть одна такая вещь, которая могла бы служить ручательствомъ, что вы обѣщаніе свое исполните?»

«Обѣщаніе? — удивленно спросилъ директоръ, переставъ обмахивать себя картонной частью календаря (крѣпость на закатѣ, акварель). — Какое обѣщаніе?»

«Насчетъ завтрашняго прихода моей жены. Пускай въ данномъ случаѣ вы не согласитесь мнѣ дать гарантію, — но я ставлю вопросъ шире: существуетъ ли вообще, можетъ-ли существовать въ этомъ мірѣ хоть какое-нибудь обезпеченіе, хоть въ чемъ-нибудь порука, — или даже самая идея гарантіи неизвѣстна тутъ?»

Пауза.

«А бѣдный-то нашъ Романъ Виссаріоновичъ, — сказалъ директоръ, — слышали? Слегъ, простудился и, кажется, довольно серьезно...»

«Я чувствую, что вы ни за что не отвѣтите мнѣ; это логично, — ибо и безотвѣтственность выработываетъ въ концѣ концовъ свою логику. Я тридцать лѣтъ прожилъ среди плотныхъ на ошупь привидѣній, скрывая, что живъ и дѣйствителенъ, — но теперь, когда я попался, мнѣ съ вами стѣсняться нечего. По крайней мѣрѣ, провѣрю на опытѣ всю несостоятельность даннаго міра».

Директоръ кашлянулъ — и продолжалъ какъ ни въ чемъ не бывало: «Настолько серьезно, что я, какъ врачъ, не увѣренъ, сможетъ ли онъ присутствовать, — то-есть выздоровѣетъ ли онъ къ тому времени, — bref, удастся ли ему быть на вашемъ бенефисѣ—»

«Уйдите», — черезъ силу произнесъ Цинциннатъ.

«Не падайте духомъ, — продолжалъ директоръ. — Завтра, завтра осуществится то, о чемъ вы мечтаете... А миленькій календарь, правда? Художественная работа. Нѣтъ, это я не вамъ принесъ».

Цинциннатъ прикрылъ глаза. Когда онъ взглянулъ опять, директоръ стоялъ къ нему спиной посрединѣ камеры. На стулѣ все еще валялись кожаный фартукъ и рыжая борода, оставленные повидимому Родіономъ.

«Нонче придется особенно хорошо убрать вашу обитель, — сказалъ онъ, не оборачиваясь; — привести все въ порядокъ по случаю завтрашней встрѣчи... Покамѣстъ будемъ тутъ мыть полъ, я васъ попрошу... васъ попрошу...»

Цинциннатъ зажмурился снова, и уменьшившійся голосъ продолжалъ: «...васъ попрошу вый-

ти въ коридоръ. Это продлится недолго. Приложимъ всё усилія, дабы завтра должнымъ образомъ, чисто, нарядно, торжественно — »

«Уйдите», — воскликнулъ Цинциннатъ, вставъ и весь трясаясь.

«Никакъ не можемъ, — степенно произнесъ Родіонъ, взявъ съ ремнями фартука. — Придется тутъ того, — поработать. Вишь пыли-то... Сами спасибочко скажете».

Онъ посмотрѣлся въ карманное зеркальце, взбилъ на щекахъ бороду и, наконецъ подойдя къ койкѣ, подалъ Цинциннату одѣться. Въ туфли было предусмотрительно папихано нѣмного скомканной бумаги, а полы халата были аккуратно подогнуты и зашпилены. Цинциннатъ, покачиваясь, одѣлся и, слегка опираясь на руку Родіона, вышелъ въ коридоръ. Тамъ онъ сѣлъ на табуретъ, заложивъ руки въ рукава, какъ больной. Родіонъ, оставивъ дверь палаты широко открытой, принялся за уборку. Стулъ былъ поставленъ на столъ; съ койки сорвана была простыня; звякнула ведерная дужка; сквознякъ перебралъ бумаги на столѣ, и одинъ листъ сплакировалъ на полъ. «Что же вы это раскисли? — крикнулъ Родіонъ, возвышая голосъ надъ шумомъ воды, шлепаньемъ, стукомъ, — пошли бы прогуляться маленько, по коридорамъ-то... Да не бойтесь, — я тутъ какъ тутъ въ случаѣ чего, только кликнете».

Цинциннатъ послушно всталъ съ табурета, — но, едва онъ двинулся вдоль холодной стѣны, несомнѣнно сродной скалѣ, на которой выросла крѣпость; едва онъ отошелъ нѣсколько шаговъ, — и какихъ шаговъ! слабыхъ, невѣсомыхъ, смиренныхъ; едва онъ обратилъ мѣстоположеніе Родіона, отворенной двери, ведеръ, въ уходящую вспять перспективу, — какъ Цинциннатъ почув-

ствоваль струю свободы. Она плеснула шире, когда онъ завернулъ за уголъ. Голыя стѣны, кро-мѣ потныхъ разводовъ и трещинъ, не были ожив-лены ничѣмъ; только въ одномъ мѣстѣ кто-то рас-писался охрой, малярнымъ махомъ: «Проба кисти, проба кис» — — и уродливый оплывъ. Отъ непри-вычки ходить одному у Цинцинната размякли мышцы, въ боку закололо.

Вотъ тогда-то Цинциннатъ остановился и, озираясь, какъ будто только-что попалъ въ эту каменную глушь, собралъ всю свою волю, пред-ставилъ себѣ во весь ростъ свою жизнь и попы-тался съ предѣльной точностью уяснить свое по-ложене. Обвиненный въ страшнѣйшемъ изъ пре-ступленій, въ гносеологической гнусности, столь рѣдкой и неудобосказуемой, что приходится поль-зоваться обиняками вродѣ; непроницаемость, не-прозрачность, препона; приговоренный за оное преступленіе къ смертной казни; заключенный въ крѣпость въ ожиданіи неизвѣстнаго, но близ-каго, но неминучаго срока этой казни (которая ясно предошущалась имъ, какъ выверть, рывокъ и хрусть чудовищнаго зуба, причемъ все его тѣ-ло было воспаленной десной, а голова этимъ зу-бомъ); стоящій теперь въ коридорѣ темницы съ замирающимъ сердцемъ, — еще живой, еще не-початый, еще цинциннатный, — Цинциннатъ Ц., почувствовалъ дикій позывъ къ свободѣ, къ са-мой простой, вещественной, вещественно-осуще-ствимой свободѣ, и мгновенно вообразилъ — съ такой чувственной отчетливостью, точно это все было текучее, вѣнцеобразное излученіе его суще-ства, — городъ за обмелѣвшей рѣкой, городъ, изъ каждой точки котораго была видна, — то такъ, то этакъ, то яснѣе, то синѣе, — высокая крѣпость, внутри которой онъ сейчасъ находился. И настоль-

ко сильна и сладка была эта волна свободы, что все показалось лучше, чѣмъ на самомъ дѣлѣ: его тюремщики, каковыми въ сущности были всѣ, показались сговорчивѣй... въ тѣсныхъ видѣніяхъ жизни разумъ выглядывалъ возможную стежку... играла передъ глазами какая-то мечта... словно тысяча радужныхъ иголокъ вокругъ ослѣпительнаго солнечнаго блика на никелированномъ шарѣ... Стоя въ тюремномъ коридорѣ и слушая полновѣсный звонъ часовъ, которые какъ разъ начали свой неторопливый счетъ, онъ представилъ себѣ жизнь города такой, какой она обычно бывала въ этотъ свѣжій утренній часъ: Марфинька, опустивъ глаза, идетъ съ корзинкою изъ дому по глубокой панели, за ней въ трехъ шагахъ черноусый хватъ; плывутъ, плывутъ по бульвару сдѣланныя въ видѣ лебедей или лодокъ электрическія вагонетки, въ которыхъ сидишь, какъ въ карусельной люлькѣ; изъ мебельныхъ складовъ выносятъ для провѣтриванія диваны, кресла, и мимоходомъ на нихъ присаживаются отдохнуть школьники, и маленькій дежурный съ тачкой, полной общихъ тетрадокъ и книгъ, утираетъ лобъ, какъ взрослый артельщикъ; по освѣженной, влажной мостовой стрекочутъ заводные, двухмѣстные «часики», какъ зовутъ ихъ тутъ въ провинціи (а вѣдь это выродившіеся потомки машинъ прошлаго, тѣхъ великолѣпныхъ лаковыхъ раковинъ... почему я вспомнилъ? да — снимки въ журналѣ); Марфинька выбираетъ фрукты; дряхлыя, страшныя лошади, давнымъ давно переставшія удивляться достопримѣчательностямъ ада, развозятъ съ фабрикъ товаръ по городскимъ выдачамъ; уличные продавцы хлѣба, съ золотистыми лицами, въ бѣлыхъ рубахахъ, орутъ, жонглируя булками: подбрасывая ихъ высоко, ловя и снова крутя ихъ;

у окна, обросшаго глициніями, четверо веселыхъ телеграфистовъ пьютъ, чокаются и поднимаютъ бокалы за здоровье прохожихъ; знаменитый каламбуристъ, жадный хохлатый старикъ въ красныхъ шелковыхъ панталонахъ, пожираетъ, обжигаясь, поджаренные хухрики въ павильонѣ на Малыхъ Прудахъ; вотъ облака прорвались, и подь музыку духового оркестра пятнистое солнце бѣжитъ по пологимъ улицамъ, заглядываетъ въ переулки; быстро идутъ прохожіе; — пахнетъ липой, карбуриномъ, мокрой пылью; вѣчный фонтанъ у мавзолея капитана Соннаго широко орошаетъ, киспадая, каменнаго капитана, барельефъ у его слоновыхъ ногъ и колышимыя розы; Марфинька, опустивъ глаза, идетъ домой съ полной корзиной, за ней въ трехъ шагахъ бѣлокурый франтъ... Такъ Цинциннатъ смотрѣлъ и слушалъ сквозь стѣны, пока били часы, и хотя все въ этомъ городѣ на самомъ дѣлѣ было всегда совершенно мертво и ужасно по сравненію съ тайной жизнью Цинцинната и его преступнымъ пламенемъ, хотя онъ зналъ это твердо и зналъ, что надежды нѣтъ, а все-таки въ эту минуту захотѣлось попасть на знакомыя, пестрыя улицы... но вотъ часы дозвнѣли, мыслимое небо заволокло, и темница опять вошла въ силу.

Цинциннатъ затаилъ дыханіе, двинулся, остановился опять, прислушался: гдѣ-то впереди, въ невѣдомомъ отдаленіи, раздался стукъ.

Это былъ мѣрный, мелкій, токающій стукъ, и Цинциннатъ, у котораго сразу затрепетали всѣ листики, почувалъ въ немъ приглашеніе. Онъ пошелъ дальше, очень внимательный, мерцающій, легкій; въ который разъ завернулъ за уголъ. Стукъ прекратился, но потомъ словно перелетѣлъ поближе, какъ невидимый дятель. Токъ, токъ,

токъ. Цинциннать ускорилъ шагъ, и опять темный коридоръ загнулся. Вдругъ стало свѣтлѣе, — хотя не по-дневному, — и вотъ стукъ сдѣлался определеннымъ, довольнымъ собой. Впереди, блѣдно освѣщенная Эммочка бросала объ стѣну мячъ.

Проходъ въ этомъ мѣстѣ былъ широкъ, и сначала Цинциннату показалось, что въ лѣвой стѣнѣ находится большое глубокое окно, откуда и летятъ тотъ странный добавочный свѣтъ. Эммочка, нагнувшись, чтобы поднять мячъ, а за одно подтянуть носокъ, хитро и застѣнчиво оглянулась. На ея голыхъ рукахъ и вдоль голеней дыбомъ стояли свѣтлые волоски. Глаза блестѣли сквозь бѣлесыя рѣсницы. Вотъ она выпрямилась, откидывая съ лица льняные локоны той же рукой, которой держала мячъ.

«Туть нельзя ходить», — сказала она, — у нея было что-то во рту, — щелкнуло за щекой, ударилось о зубы.

«Что это ты сосешь?» — спросилъ Цинциннать.

Эммочка высунула языкъ; на его самостоятельно живомъ кончикѣ лежалъ ярчайшій барбарисовый леденецъ.

«У меня еще есть, — сказала она, — хотите?»

Цинциннать покачалъ головой.

«Туть нельзя ходить», — повторила Эммочка.

«Почему?» — спросилъ Цинциннать.

Она пожала плечомъ и, ломаясь, выгибая руку съ мячемъ и напрягая икры, подошла къ тому мѣсту, гдѣ ему показалось — углубленіе, окно, — и тамъ, ерзая, вдругъ становясь голенастѣе, устроилась на каменномъ выступѣ вродѣ подоконника.

Нѣтъ, это было лишь подобіе окна; скорѣе — витрина, а за ней — да, конечно, какъ не узнать! — видъ на Тамарины Сады. Намалеванный въ нѣс-

колькихъ планахъ, выдержанный въ мутно-зеленыхъ тонахъ и освѣщенный скрытыми лампочками, ландшафтъ этотъ напоминалъ не столько террариумъ или театральную макету, сколько тотъ задникъ, на фонѣ котораго тужится духовой оркестръ. Все передано было довольно точно въ смыслѣ группировокъ и перспективъ, — и кабы не вялость красокъ, да неподвижность древесныхъ верхушекъ, да непроворность освѣщенія, можно было бы, прищурившись, представить себѣ, что глядишь черезъ башенное окно, вотъ изъ этой темницы, на тѣ сады. Снисходительный глазъ узнавалъ эти дороги, эту курчавую зелень роощъ, и справа портикъ, и отдѣльные тополя, и даже блѣдный мазокъ посреди неубѣдительной синевы озера, — вѣроятно, лебедь. А въ глубинѣ, въ условномъ туманѣ, круглились холмы, и надъ ними, на томъ темно-сизомъ небѣ, подъ которымъ живутъ и умираютъ лицедѣи, стояли неподвижныя, кучевыя облака. И все это было какъ-то не свѣжо, ветхо, покрыто пылью, и стекло, черезъ которое смотрѣлъ Цинциннатъ, было въ пятнахъ, — по инымъ изъ нихъ можно было возстановить дѣтскую пятерню.

«А все-таки выведи меня туда, — прошептала Цинциннатъ, — я тебя умоляю».

Онъ сидѣлъ рядомъ съ Эммочкой на каменномъ выступѣ, и оба всматривались въ искусственную даль за витриной, она загадочно водила пальцемъ по вьющимся тропамъ, и отъ ея волосъ пахло ванилью.

«Тягька идетъ», — вдругъ хрипло и скоро проговорила она, оглянувшись; соскочила на полъ и скрылась.

Дѣйствительно, со стороны, противоположной той, съ которой пришелъ Цинциннатъ (сперва

даже подумалось — зеркало), близился Родіонъ, позванивая ключами.

«Пожалте домой», — сказалъ онъ шутливо.

Свѣтъ потухъ въ витринѣ, и Цинциннатъ сдѣлалъ шагъ, намѣреваясь вернуться тѣмъ же путемъ, которымъ сюда добрался.

«Куды, куды, — крикнулъ Родіонъ; — подите прямо, такъ ближе».

И только тогда Цинциннатъ сообразилъ, что колѣнья коридора никуда не уводили его, а составляли широкій многоугольникъ, — ибо теперь, завернувъ за уголъ, онъ увидѣлъ въ глубинѣ свою дверь, а не доходя до нея, прошелъ мимо камеры, гдѣ содержался новый арестантъ. Дверь этой камеры была настежь, и тамъ, въ своей полосатой пижамкѣ, стоялъ на стулѣ уже видѣнный симпатичный коротышъ и прибивалъ къ стѣнѣ календарь: токъ, токъ, — какъ дятель.

«Не заглядывайтесь, дѣвица красная, — добродушно сказалъ Родіонъ. — Домой, домой. Убрано-то какъ у васъ, а? Таперича и гостей принять не стыдно».

Особенно, казалось, былъ онъ гордъ тѣмъ, что паукъ сидѣлъ на чистой, безукоризненно правильной, очевидно только что созданной паутинѣ.

Очаровательное утро! Свободно, безъ прежняго тренія, оно проникало сквозь зарѣшоточное стекло, промытое вчера Родіономъ. Новосельемъ такъ и несло отъ желтыхъ, липкихъ стѣнъ. Столъ покрывала свѣжая скатерть, еще съ воздухомъ, необлегающая. Щедро окаченный каменный полъ дышалъ фонтанной прохладой.

Цинциннать надѣлъ лучшее, что у него съ собой было, — и пока онъ натягивалъ бѣлые, шелковые чулки, которые на гала-представленіяхъ имѣлъ право носить какъ педагогъ, — Родіонъ внесъ мокрую хрустальную вазу со щекастыми піонами изъ директорскаго садика и поставилъ ее на столъ, посередкѣ, — нѣтъ не совсѣмъ посередкѣ; вышелъ, пяясь, а черезъ минуту вернулся съ табуретомъ и добавочнымъ стуломъ, и мебель размѣстилъ не какъ-нибудь, — а съ расчетомъ и вкусомъ. Входилъ онъ нѣсколько разъ, и Цинциннать не смѣлъ спросить «скоро ли?» — и какъ бываетъ въ тотъ особенно бездѣятельный часъ, когда, празднично выглаженный, ждешь гостей, и ничѣмъ какъ-то нельзя заняться, — слонялся, то присаживаясь въ непривычныхъ углахъ, то поправляя въ вазѣ цвѣты, — такъ что наконецъ Родіонъ сжалился и сказалъ, что теперь уже скоро.

Ровно въ десять вдругъ явился Родригъ Ива-

новичъ, въ лучшемъ, монументальнѣйшемъ своемъ сюртукѣ, пышный, неприступный, сдержанно возбужденный; поставилъ массивную пепельницу и все осмотрѣлъ (за исключеніемъ одного только Цинцинната, поступая какъ поглощенный своимъ дѣломъ мажордомъ, вниманіе направляющій лишь на убранство мертваго инвентаря, живому же предоставляя самому украситья). Вернулся онъ, неся зеленый флаконъ, снабженный резиновой грушей, и съ мощнымъ шумомъ сталъ выдувать сосновое благовоніе, довольно безцеремонно оттолкнувъ Цинцинната, когда тотъ попался ему подъ ноги. Стулья Родригъ Ивановичъ поставилъ иначе, чѣмъ Родіонъ, и долго смотрѣлъ выпученными глазами на спинки: онѣ были разнородны, — одна лирой, другая покоемъ. Наконецъ, надувъ щеки и выпустивъ со свистомъ воздухъ, повернулся къ Цинциннату.

«А вы-то готовы? — спросилъ онъ. — Все у васъ нашлось? Пряжки цѣлы? Почему у васъ тутъ какъ-то смято? Эхъ вы... Покажите ладошки. Воп. Теперь постарайтесь не замараться. Я думаю, что уже не долго — »

Онъ вышелъ, и съ перекатами зазвучалъ въ коридорѣ его сочный распорядительскій басъ. Родіонъ отворилъ дверь камеры, закрѣпилъ ее въ такомъ положеніи и на порогѣ развернулъ поперечно-полосатый половичекъ. «Идутъ-съ», — шепнулъ онъ съ подмигомъ и снова скрылся. Вотъ гдѣ-то трижды трахнулъ ключъ въ замкѣ, раздались смѣшанные голоса, прошло дуновеніе, отъ котораго зашевелились волосы у Цинцинната...

Онъ очень волновался, и дрожь на губахъ все принимала образъ улыбки. «Сюда, вотъ мы уже и пришли», — донеслось басистое приговариваніе директора, и въ слѣдующее мгновеніе

онъ появился, галантно, подъ локотокъ, вводя толстенькаго полосатенькаго арестантика, который, прежде чѣмъ войти, остановился на половичкѣ, беззвучно составилъ вмѣстѣ сафьяновыя ступни и ловко поклонился.

«Позвольте вамъ представить м-сье Пьера, — обратился, ликуя, директоръ къ Цинциннату. — Пожалуйста, пожалуйста, м-сье Пьеръ, вы не можете вообразить, какъ васъ тутъ ждали... Знакомьтесь, господа... Долгожданная встрѣча... Поучительное зрѣлище... Не побрезгайте, м-сье Пьеръ, не взыщите...»

Онъ самъ не зналъ, что говорить, — захлебывался, тяжело пританцовывалъ, потиралъ руки, лопался отъ сладостнаго смущенія.

Мсье Пьеръ, очень спокойный и собранный, подошелъ, поклонился снова, — и Цинциннать машинально обмѣнялся съ нимъ рукопожатіемъ, причемъ тотъ на какія-то полсекунды дольше, чѣмъ это бываетъ обычно, задержалъ въ своей мягкой маленькой лапѣ ускользавшіе пальцы Цинцинната, какъ затягиваетъ пожатіе пожилой ласковый докторъ, — такъ мягко, такъ аппетитно, — и вотъ отпустилъ.

Пѣвучимъ, тонкимъ горловымъ голосомъ м-сье Пьеръ сказалъ: «Я тоже чрезвычайно радъ съ вами наконецъ познакомиться. Смѣю надѣяться, что мы сойдемся короче».

«Именно, именно, — захохоталъ директоръ, — ахъ, садитесь... Будьте, какъ дома... Коллега такъ счастливъ васъ видѣть у себя, что не находитъ словъ».

М-сье Пьеръ сѣлъ, и тутъ оказалось, что его ножки не совсѣмъ хватаютъ до полу: это впрочемъ нисколько не отнимало у него ни солидности, ни той особой граціозности, которою природа

одариваетъ нѣкоторыхъ отборныхъ толстячковъ. Своими свѣтлыми, глазированными глазами онъ вѣжливо глядѣлъ на Цинцинната, а Родригъ Ивановичъ, присѣвъ тоже къ столу, посмѣивающійся, науськивающая, опьянѣвшій отъ удовольствія, переводилъ взглядъ съ одного на другого, жадно слѣдя послѣ cadaго слова гостя за впечатлѣніемъ, производимымъ имъ на Цинцинната.

М-сье Пьеръ сказалъ: «Вы необыкновенно похожи на вашу матушку. Мнѣ лично никогда не довелось видѣть ее, но Родригъ Ивановичъ любезно обѣщалъ показать мнѣ ея карточку».

«Слушаю-сь, — сказалъ директоръ, — достанемъ».

Мсье Пьеръ продолжалъ: «Я и вообще, помимо этого, увлекаюсь фотографіей смолоду, мнѣ теперь тридцать лѣтъ, а вамъ?»

«Ему ровно тридцать», — сказалъ директоръ.

«Ну вотъ видите, я, значить, правильно угадалъ. Разъ вы тоже этимъ интересуетесь, я вамъ сейчасъ покажу — ...»

Съ привычной прыткостью онъ вынулъ изъ грудного карманчика пижамной куртки разбухшій бумажникъ, а изъ него — толстую стопочку любительскихъ снимковъ самаго мелкаго размѣра. Перебирая ихъ, какъ крохотныя карты, онъ принялся ихъ класть по одной штукѣ на столъ, а Родригъ Ивановичъ хваталъ, вскрикивалъ отъ восхищенія, долго разсматривалъ, — и медленно, продолжая любоваться снимкомъ или уже потягиваясь къ слѣдующему, передавалъ дальше, — хотя дальше все было недвижно и безмолвно. На всѣхъ этихъ снимкахъ былъ м-сье Пьеръ, м-сье Пьеръ въ разнообразнѣйшихъ положеніяхъ, — то въ саду, съ премированнымъ томатисцемъ въ рукахъ, то подсѣвшій одной яго-

дицей на какія-то перила (профиль, трубка во рту), то за чтеніемъ въ качалкѣ, а рядомъ стаканъ съ соломинкой...

«Превосходно, замѣчательно, — приговаривалъ Родригъ Ивановичъ, ежась, качая головой, впиваясь въ каждый снимокъ или даже держа сразу два и перебѣгая взглядомъ съ одного на другой. — У-ухъ, какіе у васъ тутъ бицепсы! Кто бы могъ подумать — при вашей-то изящной комплекціи. Сногшибательно! Ахъ ты прелесть какая, — съ птичкой разговариваете!»

«Ручная», — сказалъ м-сье Пьеръ.

«Презабавно! Ишь какъ... А это что-же такое — никакъ арбузъ кушаете!»

«Такъ точно, — сказалъ м-сье Пьеръ. — Тѣ вы уже просмотрѣли. Вотъ — пожалуйста».

«Очаровательно, доложу я вамъ. Давайте на эту порцію сюда, онъ еще ея не видалъ...»

«Жонглирую тремя яблоками», — сказалъ м-сье Пьеръ.

«Здорово!» — директоръ даже прицокнулъ.

«За утреннимъ чаемъ, — сказалъ м-сье Пьеръ, — это — я, а это — мой покойный батюшка».

«Какъ же, какъ же, узнаю... Благороднѣйшія морщины!»

«На берегу Стропи, — сказалъ м-сье Пьеръ. — Вы тамъ бывали?» — обратился онъ къ Цинциннату.

«Кажется, что нѣтъ, — отвѣтилъ Родригъ Ивановичъ. — А это гдѣ же? Какое элегантное пальтецо! Знаете что, а вѣдь вы тутъ выглядите старше своихъ лѣтъ. Погодите, я хочу еще разъ ту, гдѣ съ лейкой».

«Ну вотъ... Это все, что у меня съ собой», — сказалъ м-сье Пьеръ и опять обратился къ Цинциннату: «Если бы я зналъ, что вы такъ этимъ

интересуетесь, я бы захватилъ еще, у меня альбомовъ съ десятокъ наберется».

«Чудесно, поразительно», — повторялъ Родригъ Ивановичъ, вытирая сиреневымъ платкомъ глаза, увлажнившіеся отъ всѣхъ этихъ счастливыхъ смѣшковъ, аховъ, поживаній.

М-сье Пьеръ сложилъ бумажникъ. Вдругъ у него очутилась въ рукахъ колода картъ.

«Задумайте, пожалуйста, любую», — предложилъ онъ, раскладывая карты на столъ; локтемъ отодвинулъ пепельницу; продолжалъ раскладывать.

«Мы задумали», — бодро сказалъ директоръ.

М-сье Пьеръ, немножко дурачась, приставилъ перстъ къ челу; затѣмъ быстро собралъ карты, молодежато протрещалъ колодой и выбросилъ тройку трефъ.

«Это удивительно, воскликнулъ директоръ. — Просто удивительно!»

Колода исчезла такъ же незамѣтно, какъ появилась, — и, сдѣлавъ невозмутимое лицо, м-сье Пьеръ сказалъ: «Приходить къ доктору старушка: у меня, говоритъ, господинъ докторъ, очень серьезная болѣсть, страсть боюсь, что отъ нея помру... — Какіе же у васъ симптомы? — Голова трясется, господинъ докторъ», — и мсье Пьеръ, шамкая и трясясь, изобразилъ старушку.

Родригъ Ивановичъ дико захохоталъ, хлопнувъ кулакомъ по столу, едва не упалъ со стула, закашлялся, застоналъ, насилу успокоился.

«Да вы, м-сье Пьеръ, душа общества, — проговорилъ онъ, плача, — сущая душа! Такого уморительнаго анекдотца я отъ роду не слыхалъ!»

«Какіе мы печальные, какіе нѣжные, — обратился м-сье Пьеръ къ Цинциннату, вытягивая губы, какъ если бы хотѣлъ разсмѣшить надув-

шагося ребенка. — Все молчимъ, да молчимъ, а усики у насъ трепещуть, а жилка на шейкѣ бьетъ, а глазки мутные...»

«Все отъ радости, — поспѣшно вставилъ директоръ. — *N'y faites pas attention*».

«Да, въ самомъ дѣлѣ, радостный день, красный день, — сказалъ м-сье Пьеръ, — у меня самого душа такъ и кипить... Не хочу хвастаться, но во мнѣ, коллега, вы найдете рѣдкое сочетаніе внѣшней общительности и внутренней деликатности, разговорчивости и умѣнія молчать, игривости и серьезности... Кто утѣшитъ рыдающаго младенца, кто подклеить его игрушку? М-сье Пьеръ. Кто заступится за вдовицу? М-сье Пьеръ. Кто снабдитъ трезвымъ совѣтомъ, кто укажетъ лѣкарство, кто принесетъ отрадную вѣсть? Кто? Кто? М-сье Пьеръ. Все — м-сье Пьеръ».

«Замѣчательно! Талантъ!» — воскликнулъ директоръ, словно слушалъ стихи, — а между тѣмъ все поглядывалъ, шевеля бровью, на Цинцинната.

«Вотъ мнѣ и кажется, — продолжалъ м-сье Пьеръ. — Да, кстати, — перебилъ онъ самого себя, — вы довольны помѣщеніемъ? По ночамъ не холодно? Кормятъ васъ досыта?»

«Онъ получаетъ то же, что и я, — отвѣтилъ Родригъ Ивановичъ; — столъ прекрасный».

«Прекрасный столъ подъ орѣхъ», — пошутилъ м-сье Пьеръ.

Директоръ собрался опять грохнуть, но тутъ дверь отворилась, и появился мрачный, длинный библиотечаръ съ кипой книгъ подмышкой. Горло у него было обмотано шерстянымъ шарфомъ. Ни съ кѣмъ не поздоровавшись, онъ свалилъ книги на койку, — надъ ними въ воздухѣ на мгновеніе повисли стереометрическіе призраки этихъ книгъ,

построенные изъ пыли, — повисли, дрогнули и разсѣялись.

«Постойте, — сказалъ Родригъ Ивановичъ, — вы, кажется, незнакомы».

Библиотечарь не глядя кивнулъ, а учтивый м-сье Пьеръ приподнялся со стула.

«М-сье Пьеръ, пожалуйста, — взмолился директоръ, прикладывая ладонь къ манишкѣ, — пожалуйста, покажите ему вашъ фокусъ!»

«Ахъ, стоитъ ли... Это такъ, пустое...» — заскромничалъ м-сье Пьеръ, но директоръ не уни- мался:

«Чудо! Красная магія! Мы васъ всѣ умоляемъ! Ну, сдѣлайте милость... — Постойте, постойте же, — крикнулъ онъ библиотечарю, который дви- нулся было къ двери. — Сейчасъ м-сье Пьеръ кое-что покажетъ. Просимъ, просимъ! Да не уходите вы...»

«Задумайте одну изъ этихъ картъ», — съ ко- мической важностью произнесъ м-сье Пьеръ; ста- совалъ; выбросилъ пятерку пикъ.

«Нѣтъ», — сказалъ библиотечарь и вышелъ.

М-сье Пьеръ пожалъ кругленькимъ плечомъ.

«Я сейчасъ вернусь», — пробормоталъ дирек- торъ и вышелъ тоже.

Цинциннать и его гость остались одни. Цин- циннать раскрылъ книжку и углубился въ нее, то-есть все перечитывалъ первую фразу. М-сье Пьеръ съ доброй улыбкой смотрѣлъ на не- го, положивъ лапку на столъ ладошкой кверху, точно предлагалъ Цинциннату миръ. Директоръ вернулся. Онъ крѣпко держалъ въ кулакѣ шер- стяной шарфъ.

«Можетъ быть вамъ, м-сье Пьеръ, пригодит- ся», — сказалъ онъ, подалъ шарфъ, сѣлъ, шумно, какъ лошадь, отсапалъ и сталъ разсматривать

большой палецъ, съ конца котораго серпомъ торчалъ полу-сорванный ноготь.

«О чемъ, бишь, мы говорили? — съ прелестнымъ тактомъ, будто ничего не случилось, воскликнулъ м-сье Пьеръ. — Да — мы говорили о фотографіяхъ. Какъ-нибудь я принесу свой аппаратъ и сниму васъ. Это будетъ весело. Что вы читаете, можно взглянуть?»

«Книжку бы отложили, — замѣтилъ директоръ срывающимся голосомъ; — вѣдь у васъ гость сидитъ».

«Оставьте его», — улыбнулся м-сье Пьеръ. Наступило молчаніе.

«Становится поздно», — глухо произнесъ директоръ, посмотрѣвъ на часы.

«Да, сейчасъ пойдемъ... Фу, какой бука... Смотрите, смотрите, — губки вздрагиваютъ... солнышко, кажись, вотъ-вотъ выглянетъ... Бука, бука!...»

«Пошли», — сказалъ директоръ, вставъ.

«Сейчасъ... Мнѣ здѣсь такъ пріятно, что прямо не оторваться... Во всякомъ случаѣ, милый мой сосѣдъ, буду пользоваться разрѣшеніемъ приходить къ вамъ часто, часто, — если, конечно, вы мнѣ разрѣшеніе даете, — а вѣдь вы мнѣ даете его, — правда?... Итакъ, до свиданія. До свиданія! До свиданія!»

Смѣшно кланяясь, кому-то подражая, м-сье Пьеръ отретировался; директоръ опять взялъ его подъ локотокъ, издавая сладострастно гнусавые звуки. Ушли, — но въ послѣднюю минуту донеслось: «Виноватъ, кое-что забылъ, сейчасъ догоню васъ», — и директоръ хлынулъ назадъ въ камеру, близко подошелъ къ Цинциннату, улыбка сошла на мгновеніе съ его лиловаго лица: «Мнѣ стыдно, — просвистѣлъ онъ сквозь зубы, — стыд-

но за васъ. Вы себя вели какъ... Иду, иду», — заоралъ онъ, опять сіяя, — схватилъ со стола вазу съ піонами и, расплескивая воду, вышелъ.

Цинциннатъ все глядѣлъ въ книгу. На страницу попала капля. Нѣсколько буквъ сквозь каплю изъ петита обратились въ цицero, вспухнувъ, какъ подъ лежащей лупой.

8.

(Есть, которые чинятъ карандашъ къ себѣ, будто картошку чистятъ, а есть, которые стругаютъ отъ себя, какъ палку... Къ послѣднимъ принадлежалъ Родіонъ. У него былъ старый складной ножъ съ нѣсколькими лезвіями и штопоромъ. Штопоръ ночевалъ снаружи).

«Нынче восьмой день (писалъ Цинциннатъ карандашомъ, укоротившимся болѣе чѣмъ на треть), и я еще не только живъ, то-есть собою обло ограниченъ и затменъ, но, какъ и всякій смертный, смертнаго своего предѣла не вѣдаю и могу примѣнить къ себѣ общую для всѣхъ формулу: вѣроятность будущаго уменьшается въ обратной зависимости отъ его умозраимаго удаленія. Правда, въ моемъ случаѣ осторожность велитъ орудовать только очень небольшими цифрами, — но ничего, ничего, я живъ. На меня этой ночью, — и случается такъ не впервые, — нашло особенное: я снимаю съ себя оболочку за оболочкой, и наконецъ... не знаю, какъ описать, — но вотъ что знаю: я дохожу путемъ постепеннаго разоблаченія до послѣдней, недѣлимой, твердой, сіяющей точки, и эта точка говоритъ: я есмь! — какъ перстень съ перломъ въ кровавомъ жиру акулы, — о мое вѣрное, мое вѣчное... и мнѣ довольно этой точки, — собственно, больше ничего не надо. Быть можетъ, граж-

данинъ столѣтія грядущаго, поторопившійся гость (хозяйка еще и не вставала), быть можетъ, просто такъ — ярмарочный монстръ въ глазѣющемъ, безнадежно-праздничномъ мірѣ, — я прожилъ мучительную жизнь, и это мученіе хочу изложить, — но все боюсь, что не успѣю. Съ тѣхъ поръ, какъ помню себя, — а помню себя съ незаконной зоркостью, — собственный сообщникъ, который слишкомъ много знаетъ о себѣ, а потому опасенъ, а потому... Я исхожу изъ такого жгучаго мрака, такимъ выюсь волчкомъ, съ такой толкающей силой, пыломъ, — что до сихъ поръ ощущаю (порою во снѣ, порою погружаясь въ очень горячую воду) тотъ исконный мой трепеть, первый ожогъ, пружину моего я. Какъ я выскочилъ, — скользкій, голый! Да, изъ области, другимъ заказанной и недоступной, да, я кое-что знаю, да... но даже теперь, когда все равно кончено, даже теперь — Боюсь ли кого соблазнить? Или ничего не получится изъ того, что хочу рассказать, а лишь останутся черные трупы удушенныхъ словъ, какъ висѣльники... вечерніе очерки глаголей, воронье... Мнѣ кажется, что я бы предпочелъ веревку, оттого что достоверно и неотвратимо знаю, что будетъ топоръ; выигрышь времени, которое сейчасъ настолько мнѣ дорого, что я цѣню всякую передышку, отсрочку... я имѣю въ виду время мысли, — отпускъ, который даю своей мысли для дарового путешествія отъ факта къ фантазіи — и обратно... Я еще многое имѣю въ виду, но неумѣние писать, спѣшка, волненіе, слабость... Я кое-что знаю. Я кое-что знаю. Но оно такъ трудно выразимо! Нѣтъ, не могу... хочется бросить, — а вмѣстѣ съ тѣмъ — такое чувство, что, кипя, поднимаешься какъ молоко, что сойдешь съ ума отъ щекотки, если хоть какъ нибудь не выразишь.

Онѣтъ, — я не облизываюсь надъ своей личностью, не затѣваю со своей душой жаркой возни въ темной комнатѣ; никакихъ, никакихъ желаній, кромѣ желанія высказаться — всей міровой нѣмотѣ на зло. Какъ мнѣ страшно. Какъ мнѣ тошно. Но меня у меня не отниметъ никто. Мнѣ страшно, — и вотъ я теряю какую-то нить, которую только что такъ ощутимо держалъ. Гдѣ она? Выскользнула! Дрожу надъ бумагой, догрызаюсь до графита, горбомъ стараюсь закрыться отъ двери, черезъ которую сквозной взглядъ колетъ меня въ затылокъ, — и кажется, вотъ— вотъ все скомкаю, разорву... Ошибкой попалъ я сюда — не именно въ темницу, — а вообще въ этотъ страшный, полосатый міръ: порядочный образецъ кустарнаго искусства, но въ сущности — бѣда, ужасъ, безуміе, ошибка, — и вотъ обрушилъ на меня свой деревянный молотъ исполнинскій рѣзной медвѣдь. А вѣдь съ ранняго дѣтства мнѣ снились сны... Въ снахъ моихъ міръ былъ облагороженъ, одухотворенъ; люди, которыхъ я на-яву такъ боялся, появлялись тамъ въ трепетномъ преломленіи, словно пропитанные и окруженные той игрой воздуха, которая въ зной даетъ жизнь самимъ очертаніямъ предметовъ; ихъ голоса, поступь, выраженіе глазъ и даже выраженіе одежды — пріобрѣтали волнующую значительность; проще говоря: въ моихъ снахъ міръ оживаетъ, становясь такимъ плѣнительно важнымъ, вольнымъ и воздушнымъ, что потомъ мнѣ уже бывало тѣсно дышать прахомъ нарисованной жизни. Къ тому же я давно свыкъся съ мыслью, что называемое снами есть полудѣйствительность, обѣщаніе дѣйствительности, ея преддверіе и дуновение, то-есть что они содержатъ въ себѣ, въ очень смутномъ, разбавленномъ состояніи, — больше истинной дѣйствительности, чѣмъ наша хваленая явь, кото-

рая, въ свой чередъ, есть полусонъ, дурная дремота, куда извнѣ проникають, странно, дико измѣняясь, звуки и образы дѣйствительнаго міра, текущаго за периферіей сознанія, — какъ бываетъ, что во снѣ слышишь лукавую, грозную повѣсть, потому что шуршитъ вѣтка по стеклу, или видишь себя проваливающимся въ снѣгъ, потому что сползаютъ одѣяло. Но какъ я боюсь проснуться! Какъ боюсь того мгновенія, вѣрнѣе: половины мгновенія, — уже тогда срѣзаннаго, когда, по дровосѣчному гакнувъ — А чего же бояться? Вѣдь для меня это уже будетъ лишь тѣнь топора, и низвергающееся «ать» не этимъ слухомъ услышу. Все-таки боюсь! Такъ просто не отпишешься. Да и нехорошо, что мою мысль все время засасываетъ дыра въ будущемъ, — хочу я о другомъ, хочу другое пояснить... но пишу я темно и вяло, какъ у Пушкина поэтической дуэлянтъ. У меня, кажется, скоро откроется третій глазъ сзади, на шеѣ, между моихъ хрупкихъ позвонковъ: безумное око, широко отверстие, съ дышащей зѣницей и розовыми извилинами на лоснистомъ яблокѣ. Не тронь! Даже — сильнѣе, съ сипотой: не трожь! Я все предчувствую! И часто у меня звучитъ въ ушахъ мой будущій всхлипъ и страшный клокочущій кашель, которымъ исходитъ свѣже-обезглавленный. Но все это — не то, и мое разсужденіе о снахъ и яви — тоже не то... Стой! Вотъ опять чувствую, что сейчасъ выскажусь по-настоящему, затравлю слово. Увы, никто не училъ меня этой ловитвѣ, и давно забыто древнее врожденное искусство писать, когда оно въ школѣ не нуждалось, а загоралось и бѣжало какъ пожаръ, — и теперь оно кажется такимъ же невозможнымъ, какъ музыка, нѣкогда извлекаемая изъ чудовищной рояли, которая проворно журчала или вдругъ раскалывала міръ на

огромные, сверкающіе, цѣльные куски, — я-то самъ такъ отчетливо представляю себѣ все это, но вы — не я, вотъ въ чемъ непоправимое несчастье. Не умѣя писать, но преступнымъ чутьемъ догадываясь о томъ, какъ складываютъ слова, какъ должно поступить, чтобы слово сбывновенное оживало, чтобы оно заимствовало у своего сосѣда его блескъ, жаръ, тѣнь, само отражаясь въ немъ и его тоже обновляя этимъ отраженіемъ, — такъ что вся строка — живой переливъ; догадываясь о такомъ сосѣдствѣ словъ, я, однако, добыть его не могу, а это-то мнѣ необходимо для несегодняшней и нетутошной моей задачи. Не тутъ! Тупое «туть», подпертое и запертое четою «твердо», темная тюрьма, въ которую заключенъ неуемно воющій ужасъ, держать меня и тѣснить. Но какіе просвѣты по ночамъ, какое — Онъ есть, мѣй сонный міръ, его не можетъ не быть, ибо долженъ же существовать образецъ, если существуетъ кожая копія. Сонный, выпуклый, синій, онъ медленно обращается ко мнѣ. Это какъ будто въ пасмурный день валяешься на спинѣ съ закрытыми глазами, — и вдругъ трогается темнота подъ еѣками, понемножку переходитъ въ томную улыбку, а тамъ и еѣ горячее ощущеніе счастья, и знаешь: это выплыло изъ-за облаковъ солнце. Вотъ съ такого ощущенія начинается мой міръ: постепенно яснѣетъ дымчатый воздухъ, — и такая разлита въ немъ лучащаяся, дрожащая доброта, такъ расправляется моя душа въ родимой области. — Но дальше, дальше? — да, вотъ черта, за которой теряю власть... Слово, извлеченное на воздухъ, лопається, какъ лопаются въ сѣтяхъ тѣ шарообразныя рыбы, которыя дышать и блистаютъ только на темной, сдавленной глубинѣ. Но я дѣлаю послѣднее усиліе и вотъ, кажется, добыча есть,

— о, лишь мгновенной обликъ добычи! Тамъ — неподражаемый разумностью свѣтитъ человѣческій взглядъ; тамъ на волѣ гуляютъ умученные тутъ чудаки; тамъ время складывается по желанію, какъ узорчатый коверъ, складки котораго можно такъ собрать, чтобы соприкоснулись любые два узора на немъ, — и вновь раскладывается коверъ, и живешь дальше, или будущую картину налагаешь на прошлую, безъ конца, безъ конца, — съ лѣнливой, длительной пристальностью женщины, подбирающей кушакъ къ платью, — и вотъ она плавно двинулась по направленію ко мнѣ, мѣрно бодая бархатъ колѣномъ, — все понявшая и мнѣ понятная — Тамъ, тамъ — оригиналь тѣхъ садовъ, гдѣ мы тутъ бродили, скрывались; тамъ все поражаетъ своею чарующей очевидностью, простотой совершеннаго блага; тамъ все потѣщаетъ душу, все проникнуто той забавностью, которую знаютъ дѣти; тамъ сіяетъ то зеркало, отъ котораго иной разъ сюда перескочить зайчикъ... И все это — не такъ, не совсѣмъ такъ, — и я путаюсь, топчусь, завираюсь, — и чѣмъ больше двигаюсь и шарю въ водѣ, гдѣ ищу на песчаномъ днѣ мелькнувшій блескъ, тѣмъ мутнѣе вода, тѣмъ меньше вѣроятность, что найду, схвачу. Нѣтъ, я еще ничего не сказалъ или сказалъ только книжное... и въ концѣ концовъ слѣдовало бы бросить и я бросилъ бы, ежели трудился бы для кого-либо сейчасъ существующаго, но такъ какъ нѣтъ въ мѣрѣ ни одного человѣка, говорящаго на моемъ языкѣ; или короче: ни одного человѣка, говорящаго; или еще короче: ни одного человѣка, то заботиться мнѣ приходится только о себѣ, о той силѣ, которая нудитъ высказаться. Мнѣ холодно, я ослабъ, мнѣ страшно, затылокъ мой мигаетъ и жмурится, и снова безумно-пристально смотреть, — но все-

таки — я, какъ кружка къ фонтану, цѣпью прикованъ къ этому столу, — и не встану, пока не выскажусь... Повторяю (ритмомъ повторныхъ заклинаній, набирая новый разгонъ), повторяю: кое-что знаю, кое-что знаю, кое-что — — Еще ребенкомъ, еще живя въ канареечно-желтомъ, большомъ, холодномъ домѣ, гдѣ меня и сотни другихъ дѣтей готовили къ благополучному небытію взрослыхъ истукановъ, въ которые ровесники мои безъ труда, безъ боли всѣ и превратились; еще тогда, въ проклятые тѣ дни, среди тряпичныхъ книгъ, и ярко расписанныхъ пособій, и проникающихъ душу сквозняковъ, — я зналъ безъ узнаванія, я зналъ безъ удивленія, я зналъ, какъ знаешь себя, я зналъ то, что знать невозможно, — зналъ, пожалуй, еще яснѣе, чѣмъ знаю сейчасъ. Ибо замаяла меня жизнь: постоянный трепеть, утайка знанія, притворство, страхъ, болѣзненное усиленіе всѣхъ нервовъ — не сдать, не прозвенѣть... и до сихъ поръ у меня еще болитъ то мѣсто памяти, гдѣ запечатлѣлось самое начало этого усиленія, то есть первый разъ, когда я понялъ, что вещи, казавшіяся мнѣ естественными, на самомъ дѣлѣ запретны, невозможны, что всякій помыселъ о нихъ преступенъ. Хорошо же запомнился тотъ день! Должно быть, я тогда только что научился выводить буквы, ибо вижу себя съ тѣмъ мѣднымъ колечкомъ на мизинцѣ, которое надѣвалось дѣтямъ, умѣющимъ уже списывать слова съ куртинъ въ школьномъ саду, гдѣ петуніи, флоксы и бархатцы образовали длинныя изреченія. Я сидѣлъ съ ногами на низкомъ подоконникѣ и смотрѣлъ сверху, какъ на газонѣ сада мои сверстники, въ такихъ же долгихъ розовыхъ рубашкахъ, въ какой былъ я, взявшись за руки, кружатся около столба съ лентами. Былъ ли я наказанъ? Нѣтъ, вѣр-

нѣе неохота другихъ дѣтей принимать меня въ игру и смертельное стѣсненіе, стыдъ, тоска, которые я самъ ощущалъ, присоединяясь къ нимъ, заставили меня предпочесть этотъ бѣлый уголь подоконника, рѣзко ограниченный тѣнью полуотворенной рамы. До меня доносились восклицанія, требуемая игрой, повелительно-звонкій голосъ рыжей гички, я видѣлъ ея локоны и очки, — и съ брезгливымъ ужасомъ, никогда не покидавшимъ меня, наблюдалъ, какъ самыхъ маленькихъ она подталкивала, чтобы они вертѣлись шибче. И эта учительница, и полосатый столбъ, и бѣлая облака, пропускавшія скользящее солнце, которое вдругъ проливалось такой страстный, ищущій чего-то свѣтъ, такъ искрометно повторялось въ стеклѣ откинутой рамы... Словомъ, я чувствовалъ такой страхъ и грусть, что старался потонуть въ себѣ самомъ, тамъ притаиться, точно хотѣлъ затормозить и выскользнуть изъ бессмысленной жизни, несущей меня. Въ это время въ концѣ каменной галлерей, гдѣ я находился, появился старѣйшій изъ воспитателей — имени его не помню, — толстый, потный, съ мохнатой черной грудью, — отправлялся купаться. Еще издали крикнувъ мнѣ голосомъ, преувеличеннымъ акустикой, чтобы я шелъ въ садъ, онъ быстро приблизился, взмахнулъ полотенцемъ. Въ печали, въ разсѣяніи, безчувственно и невинно, — вмѣсто того, чтобы спуститься въ садъ по лѣстницѣ (галлерей находилась въ третьемъ этажѣ), — я, не думая о томъ, что дѣлаю, но въ сущности послушно, даже смиренно, прямо съ подоконника сошелъ на пухлый воздухъ и — ничего не испытавъ особеннаго кромѣ полу ощущенія босоты (хотя былъ обуть), — медленно двинулся, естественнѣйшимъ образомъ ступилъ впередъ, все такъ же разсѣянно посасывая и разгля-

дывая палець, который утромъ занозилъ... но вдругъ необыкновенная, оглушительная тишина вывела меня изъ раздумья, — я увидѣлъ внизу поднятыя ко мнѣ, какъ блѣдныя маргаритки, лица оцѣпенѣвшихъ дѣтей и какъ бы падавшую навзничь гичку, увидѣлъ и кругло остриженные кусты, и еще недолетѣвшее до газона полотенце, увидѣлъ себя самого — мальчика въ розовой рубашкѣ, застывшаго стоямя среди воздуха, — увидѣлъ, обернувшись, въ трехъ воздушныхъ отъ себя шагахъ только что покинутое окно и протянувшего мохнатую руку, въ зловѣщемъ изумленіи — — ».

(Тутъ, къ сожалѣнію, погасъ въ камерѣ свѣтъ, — онъ тушился Радіономъ ровно въ десять).

И снова день открылся гуломъ голосовъ. Родионъ угрюмо распоряжался, ему помогали еще трое служителей. На свиданіе явились вся семья Марфиньки, со всею мебелью. Не такъ, не такъ воображали мы эту долгожданную встрѣчу... Какъ они вваливались! Старый отецъ Марфиньки, — огромная лысая голова, мѣшки подъ глазами, каучуковый стукъ черной трости; братья Марфиньки, — близнецы, совершенно схожіе, но одинъ съ золотыми усами, а другой съ смоляными; дѣдъ и бабка Марфиньки по матери, — такіе старые, что уже просвѣчивали; три бойкія кузины, которыхъ, однако, въ послѣднюю минуту почему-то не пропустили; Марфинькины дѣти — хромой Диомедонъ и болѣзненно полненькая Полина; наконецъ, сама Марфинька, въ своемъ выходномъ черномъ платьѣ, съ бархаткой вокругъ бѣлой холодной шеи и зеркаломъ въ рукѣ; при ней неотступно находился очень корректный молодой человѣкъ съ безукоризненнымъ профилемъ.

Тестъ, опираясь на трость, сѣлъ въ прибывшее вмѣстѣ съ нимъ кожаное кресло, поставилъ съ усиліемъ толстую замшевую ногу на скамеечку и, злобно качая головой, изъ подъ тяжелыхъ вѣкъ уставился на Цинцинната, котораго охватило знакомое мутное чувство при видѣ бранденбурговъ,

украшающихъ теплую куртку тества, морщинъ около его рта, выражающихъ какъ бы вѣчное отвращеніе, и багроваго пятна на жилистомъ вискѣ, со вздутіемъ вродѣ крупной изюмины на самой жилѣ.

Дѣдъ и бабка (онъ — дрожащій, ошипанный, въ заплатанныхъ брючкахъ; она — стриженная, съ бѣлымъ бобрикомъ, и такая худенькая, что могла бы натянуть на себя шелковый чехолъ зонтика,) расположились рядышкомъ на двухъ одинаковыхъ стульяхъ съ высокими спинками; дѣдъ не выпускалъ изъ маленькихъ волосатыхъ рукъ громоздкаго, въ золоченой рамѣ, портрета своей матери, — туманной молодой женщины, державшей въ свою очередь какой-то портретъ.

Между тѣмъ все продолжали прибывать мебель, утварь, даже отдѣльныя части стѣнъ. Сіяль широкій зеркальный шкафъ, явившійся со своимъ личнымъ отраженіемъ (а именно: уголокъ супружеской спальни, — полоса солнца на полу, оброченная перчатка и открытая въ глубинѣ дверь). Вкатили невеселый съ ортопедическими ухищреніями велосипедикъ. На столикѣ съ инкрустаціями лежалъ уже десять лѣтъ плоскій гранатовый флаконъ и шпилька. Марифинька сѣла на свою черную, вытканную розами, кушетку.

«Горе, горе!» — провозгласилъ тестъ и стукнулъ тростью. Старички испуганно улыбнулись. «Папенька, оставьте, вѣдь тысячу разъ пересказано», — тихо проговорила Марфинька и зябко повела плечомъ. Ея молодой человекъ подаль ей бахромчатую шаль, но она, нѣжно усмѣхнувшись однимъ уголкомъ тонкихъ губъ, отвела его чуткую руку. («Я первымъ дѣломъ смотрю мужчинѣ на руки»). Онъ былъ въ шикарній черной формѣ телеграфнаго служащаго и надушенъ фіалкой.

«Горе!» — съ силой повторилъ тесть и началъ подробно и смачно проклинать Цинциннату. Взглядъ Цинцинната увело зеленое въ бѣлую горошинку платье Полины: рыженькая, косенькая, въ очкахъ, не смѣхъ возбуждающая, а грусть этими горошинками и круглотой, тупо передвигая толстыя ножки въ коричневыхъ шерстяныхъ чулкахъ и сапожкахъ на пуговкахъ, она подходила къ присутствующимъ и словно cadaго изучала, серьезно и молчаливо глядя своими маленькими темными глазами, которые сходились за переносицей. Бѣдняжка была обвязана салфеткой, — забыли, видно, снять послѣ завтрака.

Тесть перевелъ духъ, опять стукнулъ тростью, и тогда Цинциннать сказалъ : «Да, я васъ слушаю».

«Молчать, грубиянъ, — крикнулъ тотъ, — я вправѣ ждать отъ тебя, — хотя бы сегодня, когда ты стоишь на порогѣ смерти, — немножко почтительности. Ухитрится угодить на плаху... Изволь мнѣ объяснить, какъ ты могъ, какъ смѣлъ»...

Марфинька что-то тихо спросила у своего молодого человѣка, который осторожно возился, шаря вокругъ себя и подъ собой на кушеткѣ; «нѣтъ, нѣтъ, ничего, — отвѣтилъ онъ также тихо; — я должно быть ее по дорогѣ — Ничего, найдется... А скажите, вамъ навѣрное не холодно?» Марфинька, отрицательно качая головой, опустила мягкую ладонь къ нему на кисть; и, тотчасъ отнявъ руку, поправила на колѣняхъ платье и шипящимъ шопотомъ позвала сына, который приставалъ къ своимъ дядьямъ, отталкивавшимъ его, — онъ имъ мѣшалъ слушать. Диомедонъ, въ сѣрой блузѣ съ резинкой на бедрахъ, весь искривляясь, съ ритмическимъ выкрутомъ, довольно все же проворно прошелъ разстояніе отъ нихъ къ матери. Лѣвая нога была у него здоровая, румяная; правая же

походила на ружье въ сложномъ своемъ снаря-
дѣ: стволъ, ремни. Круглые каріе глаза и рѣдкія
брови были материнскіе, но нижняя часть лица,
бульдожьи брыльца — это было, конечно, чужое.
«Садись сюда», — сказала вполголоса Марфинь-
ка и быстрымъ хлопкомъ задержала стекавшее
съ кушетки ручное зеркало.

«Ты мнѣ отвѣть, — продолжалъ тесть, — какъ
ты смѣлъ, ты, счастливый семьянинъ, — прекрас-
ная обстановка, чудныя дѣтишки, любящая же-
на, — какъ ты смѣлъ не принять во вниманіе,
какъ не одумался, злодѣй? Мнѣ сдается иногда,
что я просто-напросто старый болванъ и ничего
не понимаю, — потому что иначе надобно
допустить такую бездну мерзости... Молчать!»
— взревѣлъ онъ, — и старички опять вздрогнули
и улыгнулись.

Черная кошка, потягиваясь, напрягая заднія
лапки, бокомъ потерлась о ногу Цинцинната, по-
томъ очутилась на буфетѣ, проводившемъ ее гла-
зами, и оттуда беззвучно прыгнула на плечо къ ад-
вокату, который, только что на цыпочкахъ войдя,
сидѣлъ въ углу на плюшевомъ пуфѣ, — очень былъ
простуженъ, и, поверхъ готоваго для употребле-
нія носового платка, оглядывалъ присутствую-
щихъ и различные предметы домашняго обихода,
придававшіе такой видъ камерѣ, точно тутъ проис-
ходилъ аукціонъ; кошка испугала его, онъ судорожно
ее скинулъ.

Тесть влокоталъ, множилъ проклятія и уже
начиналъ хрипѣть. Марфинька прикрыла рукой
глаза, ея молодой человѣкъ смотрѣлъ на нее,
играя желваками скулъ. На диванчикѣ съ изог-
нутымъ прислономъ сидѣли братья Марфиньки;
брюнетъ, весь въ желтомъ, съ открытымъ воро-
томъ, держалъ трубку нотной бумаги еще безъ

ночь, — быть однимъ изъ первыхъ пѣвцовъ города; его братъ, въ лазоревыхъ шароварахъ, щеголь и острякъ, принесъ подарокъ зятю, — вазу съ ярко сдѣланными изъ воска фруктами. Кромѣ того, онъ на рукавѣ устроилъ себѣ креповую повязку и, довя взглядъ Цинцинната, указывалъ на нее пальцемъ.

Тестъ на вершинѣ краснорѣчиваго гнѣва вдругъ задохнулся и такъ двинулъ кресломъ, что тихонькая Полина, стоявшая рядомъ и глядѣвшая ему въ ротъ, повалилась назадъ, за кресло, гдѣ и осталась лежать, надѣясь, что никто не замѣтитъ. Тестъ началъ съ трескомъ вскрывать папирную коробку. Всѣ молчали.

Примятые звуки постепенно начинали расправляться. Братъ Марфиньки, брюнеть, прочистилъ горло и пропѣлъ вполголоса: «Mali è trano t'amesti...» — оскѣся и посмотрѣлъ на брата, который сдѣлалъ страшные глаза. Адвокатъ, чему-то улыбаясь, опять принялся за платокъ. Марфинька на кушеткѣ перешептывалась со своимъ кавалеромъ, который упрашивалъ ее накинуть шаль, — тюремный воздухъ былъ сыроватъ. Они говорили на вы, но, съ какимъ грузомъ нѣжности проплывало это «вы» на горизонтѣ ихъ едва удовимой бесѣды... Старичокъ ужасно дрожа, всталъ со стула, передалъ портретъ старушкѣ и, заслоня дрожавшее, какъ онъ самъ, пламя, подошелъ къ своему зятю, а Цинциннатову тестю, и хотѣлъ ему — Но пламя потухло, и тотъ сердито поморщился:

Надоѣли, право, со своей дурацкой зажигалкой», — сказалъ онъ угрюмо, но уже безъ гнѣва, — и тогда воздухъ совсѣмъ оживился, и сразу заговорили всѣ. «Mali è trano t'amesti...», полнымъ голосомъ пропѣлъ Марфинькинъ братъ, «Диомедонъ, оставь моментально кошку, — сказала Мар-

финька, — позавчера ты уже одну задушилъ, нельзя же каждый день. Отнимите, пожалуйста, у него, Викторъ, милый». Пользуясь общимъ оживленіемъ, Полина выползла изъ-за кресла и тихонько встала. Адвокатъ подошелъ къ Цинциннатову тестю и далъ ему огня.

«Возьми-ка слово «ропотъ», — говорилъ Цинциннату его шурина, острякъ, — и прочти обратно. А? Смѣшно получается? Да, братъ, — втяпался ты въ исторію. Въ самомъ дѣлѣ, какъ это тебя угораздило?»

Между тѣмъ дверь незамѣтно отворилась. На порогѣ оба одинаково держа руки за спиной, стояли м-сье Пьеръ и директоръ — и тихо, деликатно, двигая только зрачками, осматривали общество. Смотрѣли они такъ съ минуту, прежде чѣмъ удалиться.

«Знаешь что, — жарко дыша, говорилъ шурина — послушайся друга муругаго. Покайся, Цинциннатикъ. Ну, сдѣлай одолженіе. Авось еще простятъ? А? Подумай, какъ это неприятно, когда башку рубятъ. Что тебѣ стоить? Ну, покайся, — не будь остолопомъ».

«Мое почтеніе, мое почтеніе, мое почтеніе, — сказалъ адвокатъ, подходя. — Не цѣлуйте меня, я еще сильно простужень. О чемъ разговоръ? Чѣмъ могу быть полезенъ?»

«Дайте мнѣ пройти, — прошептала Цинциннать, — я долженъ два слова женѣ...»

«Теперь, милѣйшій, обсудимъ вопросъ матеріальный, — сказалъ освѣжившійся тестъ, протягивая такъ палку, что Цинциннать на нее наскочилъ. — Постой, постой же, я съ тобою говорю!»

Цинциннать прошелъ дальше; надо было обогнуть большой столъ, накрытый на десять персонъ, и затѣмъ протиснуться между ширмой и

шкапомъ для того, чтобы добраться до Марфиньки, прилегшей на кушеткѣ. Молодой человѣкъ шалью прикрылъ ей ноги. Цинциннатъ уже почти добрался, но вдругъ раздался злобный взвизгъ Діомедона. Онъ оглянулся и увидѣлъ Эммочку, неизвѣстно какъ попавшую сюда и теперь дразнившую мальчика: подражая его хромотѣ, она припадала на одну ногу со сложными ужимками. Цинциннатъ поймалъ ее за голое предплечье, но она вырвалась, побѣжала; за ней спѣшила, переваливаясь, Полина въ тихомъ экстазѣ любопытства.

Марфинька повернулась къ нему. Молодой человѣкъ очень корректно всталъ. «Марфинька, на два слова, умоляю тебя», — скороговоркой произнесъ Цинциннатъ, споткнулся о подушку на полу и недовко сѣлъ на край кушетки, запахиваясь въ свой пепломъ запачканный халатъ. «Легкая мигрень, — сказалъ молодой человѣкъ. — Оно и понятно. Ей вредны такія волненія». «Вы правы, — сказалъ Цинциннатъ. — Да, вы правы. Я хочу васъ попросить... мнѣ нужно наединѣ...» «Позвольте, сударь», — раздался голосъ Родіона возлѣ него. Цинциннатъ всталъ, Родіонъ и другой служитель взялись, глядя другъ другу въ глаза, за кушетку, на которой полуелжала Марфинька, крикнули, подняли и понесли къ выходу. ««До свиданья, до свиданья», — по-дѣтски кричала Марфинька, покачиваясь въ ладъ съ шагомъ носильщиковъ, но вдругъ зажмурилась и закрыла лицо. Ея кавалеръ озабоченно шелъ сзади, неся поднятые съ полу черную шаль, букетъ, свою фуражку, единственную перчатку. Кругомъ была суета. Братья убирали посуду въ сундукъ. Ихъ отецъ астматически дыша, одолѣвалъ многостворчатую ширму. Адвокатъ всѣмъ предлагалъ

пространный листъ оберточной бумаги, неизвѣстно гдѣ имъ добытый; его видѣли безуспѣшно пытающимся завернуть въ него чанъ съ блѣдно-оранжевой рыбкой въ мутной водѣ. Среди суеты широкой шкапъ со своимъ личнымъ отраженіемъ стоялъ, какъ брюхатая женщина, бережно держа и отворачивая зеркальное чрево, чтобы не задѣли. Его наклонили назадъ и, шатаясь, унесли. Къ Цинциннату подходили прощаться. «Ну-съ, не поминай лихомъ», — сказала тестъ и съ холодной учтивостью поцѣловала Цинциннату руку, какъ того требовалъ обычай. Бѣлокурый братъ посадилъ черняваго къ себѣ на плечи, и въ такомъ положеніи они съ Цинциннатомъ простились и ушли, какъ живая гора. Дѣдъ съ бабкой, вздрагивая, кланялись и поддерживали туманный портретъ. Служители все продолжали выносить мебель. Подошли дѣти: Полина, серьезная, поднимала лицо, а Диомедонъ, напротивъ, смотрѣлъ въ полъ. Ихъ увелъ, держа обоихъ за руки, адвокатъ. Последней подлетѣла Эммочка: блѣдная, заплаканная, съ розовымъ носомъ и трепещущимъ мокрымъ ртомъ, — она молчала, но вдругъ поднялась на слегка хрустнувшихъ носкахъ, обвинивъ горячія руки вокругъ его шеи, — неразборчиво зашептала что-то и громко всхлипнула. Родіонъ схватилъ ее за кисть, — судя по его бормотанію, онъ звалъ ее давно и теперь рѣшительно потащилъ къ выходу. Она же, изогнувшись, отклонивъ и обернувъ къ Цинциннату голову со струящимися волосами и протянувъ къ нему ладонью къверху очаровательную руку, съ видомъ балетной плѣнницы, но съ тѣнью настоящего отчаянія, нехотя слѣдовала за влачившимъ ее Родіономъ, — глаза у нея закатывались, бридочка сползла съ плеча, — и вотъ онъ размашисто, какъ изъ ведра воду, выплеснулъ ее въ коридоръ;

все еще бормоча, вернулся съ совкомъ, чтобы подобрать трупъ кошки, плоско лежавшій подъ стуломъ. Дверь съ грохотомъ захлопнулась. Трудно было теперь повѣрить, что въ этой камерѣ только что —.

«Когда волченокъ ближе познакомится съ моими взглядами, онъ перестанетъ меня дичиться. Кое-что, впрочемъ, уже достигнуто, и я сердечно этому радъ», — говорилъ м-сье Пьеръ, сидя по своему обыкновенію бочкомъ къ столу, съ плотно скрещенными жирными ляжками, и беря одной рукой беззвучные аккорды на клеенкой покрытомъ столѣ. Цинциннатъ, подпирая голову, лежалъ на койкѣ.

«Мы сейчасъ одни, а на дворѣ дождь, — продолжалъ м-сье Пьеръ. — Такая погода благопріятствуетъ задушевнымъ шушуканіямъ. Давайте разъ навсегда выяснимъ... У меня создалось впечатлѣніе, что васъ удивляетъ, даже коробитъ, отношеніе нашего начальства ко мнѣ; выходитъ такъ, будто я на положеніи особомъ, — нѣтъ, нѣтъ, не возражайте, — давайте ужъ на чистоту, коли на то пошло. Позвольте же мнѣ сказать вамъ двѣ вещи. Вы знаете нашего милаго директора (кстати: волченокъ къ нему не совсѣмъ справедливъ, но объ этомъ послѣ....), вы знаете, какъ онъ впечатлителенъ, какъ пылокъ, какъ увлекается всякой новинкой, — думаю, что и вами онъ увлекался въ первые дни, — такъ что пассія, которой онъ теперь ко мнѣ воспылалъ, не должна васъ смущать. Не будемъ такъ ревнивы, другъ мой. Во-вторыхъ,

какъ это ни странно, но повидимому вамъ до сихъ поръ неизвѣстно, за что я угодилъ сюда, — а вотъ, когда я вамъ скажу, вы многое поймете. Простите, — что это у васъ на шеѣ, — вотъ тутъ, тутъ, — да, тутъ».

«Гдѣ?» — машинально спросилъ Цинциннать, ощупывая себѣ шейные позвонки.

М-сье Пьеръ подошелъ къ нему и сѣлъ на край койки.

«Вотъ тутъ, — сказалъ онъ, — но я теперь вижу, — это просто тѣнь такъ падала. Мнѣ показалось — какая-то маленькая опухоль. Вы что-то неловко двигаете головой. Болитъ? Простудили?»

«Ахъ, не приставайте ко мнѣ, прошу васъ», — скорбно сказалъ Цинциннать.

«Нѣтъ, постойте. У меня руки чистыя, позвольте мнѣ тутъ прощупать. Какъ будто все-таки... Вотъ тутъ не болитъ? А тутъ?»

Маленькой, но мускулистой рукой онъ быстро трогалъ Цинциннату за шею, внимательно осматривая ее и съ легкимъ присвистомъ дыша черезъ носъ.

«Нѣтъ, ничего. Все у васъ въ исправности, — сказалъ онъ, наконецъ, отодвигаясь и хлопая пациента по загривку. — Только ужасно она у васъ тоненькая, — но такъ все нормально, а то знаете иногда случается — — Покажите языкъ. Языкъ — зеркало желудка. Накройтесь, накройтесь, тутъ прохладно. О чемъ мы бесѣдовали? Напомните мнѣ».

«Если вы бы дѣйствительно желали мнѣ блага, — сказалъ Цинциннать, — то оставили бы меня въ покоѣ. Уйдите, прошу васъ».

«Неужели вы не хотите меня выслушать, — возразилъ съ улыбкой м-сье Пьеръ, — неужели вы такъ упрямо вѣрите въ непогрѣшимость своихъ

выводовъ, — неизвѣстныхъ мнѣ вдобавокъ, — за мѣтье это, неизвѣстныхъ».

Цинциннатъ молчалъ, пригорюнившись.

«Такъ позвольте рассказать, — съ нѣкоторою торжественностью продолжалъ м-сье Пьеръ, — какого рода совершенно мною преступленіе. Меня обвинили, — справедливо или нѣтъ, это другой вопросъ, — меня обвинили... Въ чемъ же, какъ вы полагаете?»

«Да ужъ скажите», — проговорилъ съ вялой усмѣшкой Цинциннатъ.

«Вы будете потрясены. Меня обвинили въ попыткѣ... Ахъ, неблагодарный, недовѣрчивый другъ... Меня обвинили въ попыткѣ помочь вамъ бѣжать отсюда».

«Это правда?» — спросилъ Цинциннатъ.

«Я никогда не лгу, — внушительно сказалъ м-сье Пьеръ. — Можетъ быть, нужно иногда лгать, — это другое дѣло, — и, можетъ быть, такая щепетильная правдивость глупа и не приноситъ въ концѣ концовъ никакой пользы, — допустимъ. Но фактъ остается фактомъ: я никогда не лгу. Сюда, голубчикъ мой, я попалъ изъ-за васъ. Меня взяли ночью... Гдѣ? Скажемъ въ Вышнеградѣ. Да, — я вышнеградецъ. Соделомни, плодовые сады. Если вы когда-нибудь пожелали бы пріѣхать меня навѣстить, угощу васъ нашими вышнями, — не отвѣчаю за каламбуръ, — такъ у насъ въ городскомъ гербѣ. Тамъ — не въ гербѣ, а въ острогѣ — вашъ покорный слуга просидѣлъ трое сутокъ. Затѣмъ экстренный судъ. Затѣмъ — перевели сюда».

«Вы, значитъ, хотѣли меня спасти...» — задумчиво произнесъ Цинциннатъ.

«Хотѣлъ ли я или не хотѣлъ — мое дѣло, другъ сердечный, тараканъ запечный. Во всякомъ случаѣ, меня въ этомъ обвинили, — доносчики,

знаете, все публика молодая, горячая, и вотъ: «я здѣсь передъ вами стою въ упоеньѣ...» — помните романсъ? Главной удилкой послужилъ какой-то планъ сей крѣпости съ моими будто-бы помѣтками. Я видите ли, будто бы продумалъ въ мельчайшихъ деталяхъ идею вашего бѣгства, таракаша».

«Будто бы или — ?» — спросилъ Цинциннать.

«Какое это наивное, прелестное существо! — осклабился м-сье Пьеръ, показывая многочисленные зубы. — У него все такъ просто, — какъ, увы, не бываетъ въ жизни!»

«Но хотѣлось бы знать», — сказалъ Цинциннать.

«Что? Правы ли были мои судьи? Дѣйстви-тельно ли я собирался васъ спасти? Эхъ вы...»

«Значить правда?» — прошепталъ Цинциннать.

М-сье Пьеръ всталъ и заходилъ по камерѣ. «Оставимъ это, — сказалъ онъ со вздохомъ, — рѣшайте сами, недовѣрчивый другъ. Такъ ли, иначе ли, — но сюда я попалъ изъ-за васъ. Болѣе того: мы и на эшафотъ взойдемъ вмѣстѣ».

Онъ ходилъ по камерѣ, тихо, упруго ступая, подрагивая мягкими частями тѣла, обхваченнаго казенной пижамкой, — и Цинциннать съ тяжелымъ унылымъ вниманіемъ слѣдилъ за каждымъ шагомъ проворнаго толстячка.

«Смѣха ради, повѣрю, — сказалъ, наконецъ, Цинциннать, — посмотримъ, что изъ этого получится. Вы слышите, — я вамъ вѣрю. И даже, для вящей правдободоности васъ благодарю».

«Ахъ, зачѣмъ, это уже лишнее... — проговорилъ м-сье Пьеръ и опять сѣлъ у стола. — Просто мнѣ хотѣлось, чтобы вы были въ курсѣ... Вотъ и прекрасно. Теперь намъ обоимъ легче, правда? Не знаю, какъ вамъ, но мнѣ хочется плакать. И

это — хорошее чувство. Плачьте, не удерживайте этихъ здоровыхъ слезъ».

«Какъ тутъ ужасно», — осторожно сказала Цинциннать.

«Ничего не ужасно. Кстати, я давно хотѣлъ васъ пожурить за ваше отношеніе къ здѣшной жизни. Нѣтъ, нѣтъ, не отмахивайтесь, разрѣшите мнѣ на правахъ дружбы... Вы несправедливы ни къ доброму нашему Родіону, ни тѣмъ болѣе къ господину директору. Пускай онъ человѣкъ не очень умный, нѣсколько напыщенный, вѣтроватый; — при этомъ любить поговорить, — все такъ, мнѣ самому бываетъ не до него, и я, разумѣется, не могу съ нимъ дѣлиться сокровенными думами, какъ съ вами дѣлюсь, — особенно когда на душѣ кошки, простите за выраженіе, скребутся. Но каковы бы ни были его недостатки, — онъ человѣкъ прямой, честный и добрый. Да, рѣдкой доброты, — не спорьте, — я не говорилъ бы, кабы не зналъ, а я никогда не говорю наобумъ, и я опытный, лучше знаю жизнь и людей, чѣмъ вы. Вотъ мнѣ и больно бываетъ смотрѣть, съ какой жестокой холодностью, съ какимъ надменнымъ презрѣніемъ вы отталкиваете Родрига Ивановича. Я у него въ главахъ иногда читаю такую муку... Что же касается Родіона, то какъ это вы, такой умный, не умѣете разглядѣть сквозь его напускную грубоватость всю умильную благодать этого взрослога ребенка. Ахъ, я понимаю, что вы нервны, что вамъ трудно безъ женщины, — а все-таки, Цинциннать, — вы меня простите, но нехорошо, нехорошо... И, вообще, вы людей обижаете... Едва притрагиваетесь къ замѣчательнымъ обѣдамъ, которые мы тутъ получаемъ. Ладно, пускай они вамъ не нравятся, — повѣрьте, что я тоже кое-что смыслю въ гастрономіи, — но вы издѣваетесь надъ ними, — а вѣдь

кто-то ихъ стряпаль, кто-то старался... Я понимаю, что тутъ иногда бываетъ скучно, что хочется и погулять и пошалить, — но почему думать только о себѣ, о своихъ хотѣніяхъ, почему вы ни разу даже не улыбнулись на старательныя шуточки милаго, трогательнаго Родрига Ивановича?.. Можетъ быть, онъ потомъ плачетъ, ночей не спитъ, вспоминая, какъ вы реагировали...»

«Защита во всякомъ случаѣ остроумная, — сказала Цинциннать, — но я въ куклахъ знаю толкъ. Не уступлю».

«Напрасно, — обиженно сказалъ м-сье Пьеръ. — Это вы еще по молодости лѣтъ, — добавилъ онъ послѣ молчанія. — Нѣтъ, нѣтъ, нельзя быть такимъ несправедливымъ...»

«А, скажите, — спросилъ Цинциннать, — вы тоже пребываете въ неизвѣстности? Роковой мужикъ еще не пріѣхалъ? Рубка еще не завтра?»

«Вы бы такихъ словъ лучше не употребляли, — конфиденціально замѣтилъ м-сье Пьеръ. — Особенно съ такой интонаціей... Въ этомъ есть что-то вульгарное, недостойное прядочнаго челоуѣка. Какъ это можно выговорить, — удивляюсь вамъ»...

«А все-таки — когда? — спросилъ Цинциннать».

«Своевременно, — уклончиво отвѣтилъ м-сье Пьеръ, — что за глупое любопытство? И вообще... Нѣтъ, вамъ еще многому надобно научиться, такъ нельзя. Эта заносчивость, эта предвзятость...»

«Но какъ они тянутъ... — сонно проговорилъ Цинциннать. — Привыкаешь, конечно... Изю дня въ день держишь душу наготовѣ, — а вѣдь возьмутъ врасплохъ. Такъ прошло десять дней, и я не свихнулся. Ну и надежда какая-то... Неясная, какъ въ водѣ, — но тѣмъ привлекательнѣе. Вы говорите о бѣгствѣ... Я думаю, я догадываюсь, что

еще кто-то объ этомъ печется... Какіе-то намеренія... Но что, если это обманъ, складка матеріи, кажущаяся человѣческимъ лицомъ...»

Онъ остановился, вздохнувъ.

«Нѣтъ, это любопытно, — сказалъ м-сье Пьеръ, — какія же это надежды, и кто этотъ спаситель?»

«Воображеніе, — отвѣчалъ Цинциннатъ.

— А вамъ бѣжать хочется?»

«Какъ такъ — бѣжать? Куда?» — удивился м-сье Пьеръ.

Цинциннатъ опять вздохнулъ:

«Да не все ли равно — куда. Мы бы съ вами вмѣстѣ... Но я не знаю, можете ли вы при вашемъ тѣлосложеніи быстро бѣжать? Ваши ноги...»

«Ну, это вы того, заврались, — ерзая на стулѣ, проговорилъ м-сье Пьеръ. — Это въ дѣтскихъ сказкахъ бѣгутъ изъ темницы. А замѣчанія насчетъ моей фигуры можете оставить при себѣ».

«Спать хочется», — сказалъ Цинциннатъ.

М-сье Пьеръ закаталъ правый рукавъ. Медькуда татуировка. Подъ удивительно бѣлой кожей мышца переливалась, какъ толстое круглое животное. Онъ крѣпко сталь, схватилъ одной рукой стулъ, перевернулъ его и началъ медленно поднимать. Качаясь отъ напряженія, онъ подержалъ его высоко надъ головой и медленно опустилъ. Это было еще только вступленіе.

Незамѣтно дыша, онъ долго, тщательно вытиралъ руки краснымъ платочкомъ, покамѣстъ паукъ, какъ меньшей въ цирковой семьѣ, продѣлывалъ нетрудный маленькій трюкъ надъ паутиной.

Бросивъ ему платокъ, м-сье Пьеръ вскричалъ

по-французски и оказался стоящимъ на рукахъ. Его круглая голова понемножку наливалась красивой розовой кровью; лѣвая штанина спустилась, обнажая щиколотку; перевернутые глаза, — какъ у всякаго въ такой позитурѣ, — стали похожи на глаза спрута.

«Ну что?» — спросилъ онъ, снова вспрянувъ и приводя себя въ порядокъ.

Изъ коридора донесся гулъ рукоплесканій — и потомъ, отдѣльно, на ходу, расхлябанно, захопалъ клоунъ, но бацнулся о барьеръ.

«Ну что? — повторилъ м-сье Пьеръ, — силушка есть? Ловкость налицо? Али вамъ этого еще недостаточно?»

М-сье Пьеръ однимъ прыжкомъ вскочилъ на столъ, всталъ на руки и зубами схватился за спинку стула. Музыка замерла. М-сье Пьеръ поднималъ крѣпко закушенный стулъ, вздрагивали натуженные мускулы, да скрипѣла челюсть.

Тихо отпахнулась дверь, и — въ ботфортахъ, съ бичомъ, напудренный и ярко, до сиреневой слѣпоты, освѣщенный, вошелъ директоръ цирка. «Сенсація! Міровой номеръ!» — прошептала онъ и, снявъ цилиндръ, сѣлъ подлѣ Цинцинната.

Что-то хрустнуло, и м-сье Пьеръ, выпустивъ изо рта стулъ, перекувырнулся и очутился опять на полу. Но повидимому не все обстояло благополучно. Онъ тотчасъ прикрылъ ротъ платкомъ, быстро посмотрѣлъ подъ столъ, потомъ на стулъ, вдругъ увидѣлъ и съ глухимъ проклятіемъ попытался сорвать со спинки стула впившуюся въ нее вставную челюсть на шарнирахъ. Великолѣпно оскаленная, она держалась мертвой хваткой. Тогда, не потерявшись, м-сье Пьеръ обнялъ стулъ и ушелъ съ нимъ вмѣстѣ.

Ничего не замѣтившій Родригъ Ивановичъ бѣшено апплодировалъ. Арена, однако, оставалась пуста. Онъ подозрительно глянулъ на Цинцинната, похлопалъ еще, но безъ прежняго жара, вздрогнулъ и съ разстроеннымъ видомъ покинулъ ложу.

На томъ представленіе и кончилось.

Теперь газетъ въ камеру не доставлялось: замѣтивъ, что изъ нихъ вырѣзается все, могущее касаться экзекуціи, Цинциннатъ самъ отказался отъ нихъ. Утренній завтракъ упростился: вмѣсто шоколада — хотя бы слабаго — давали брандахлысть съ флотиліей чаинокъ; гренокъ же было не раскусить. Родіонъ не скрывалъ, что обслуживаніе молчаливо-привередливаго узника наскучило ему.

За всѣмъ этимъ онъ какъ бы нарочно возился въ камерѣ все дольше и дольше. Его жарко-рыжая бородища, бессмысленная синева глазъ, кожаный фартукъ, руки, подобныя клешнямъ, — все это повторно слагалось въ такое гнетущее, нудное впечатлѣніе, что Цинциннатъ отворачивался къ стѣнѣ, откуда происходила уборка.

Такъ было и нынче, — и только возвращеніе стула, съ глубокими слѣдами бульдожьихъ зубовъ на верхнемъ краѣ прямой спинки, послужило особой мѣткой для начала этого дня. Вмѣстѣ со стуломъ Родіонъ принесъ отъ м-сье Пьера записку, — барашкомъ завитой почеркъ, лѣпота знаковъ препинанія, подпись, какъ танецъ съ покрываломъ. Въ шутливыхъ и ласковыхъ словахъ сосѣдъ благодарилъ за вчерашнюю дружескую бесѣду и выражалъ надежду, что она вскорѣ повторится.

«Позвольте васъ завѣрить, — такъ кончалась записка, — что физически я очень, очень силенъ (дважды, по линейкѣ, подчеркнуто), и если вы въ этомъ еще не убѣдились, буду имѣть честь какъ-нибудь показать вамъ еще нѣкоторые интересные (подчеркнуто) примѣры ловкости и поразительнаго мускульнаго развитія».

Затѣмъ три часа сряду, съ незамѣтными провалами печальнаго оцѣпенѣнія, Цинциннать, то пощипывая усы, то листая книгу, ходилъ по камерѣ. Онъ теперь изучилъ ее досконально, — зналъ ее гораздо лучше, чѣмъ, скажемъ, комнату, гдѣ прожилъ много лѣтъ.

Со стѣнами дѣло обстояло такъ: ихъ было неизмѣнно четыре; онѣ были сплошь выкрашены въ желтый цвѣтъ; но, будучи въ тѣни, основной тонъ казался темно-гладкимъ, глинянымъ, что-ли, по сравненію съ тѣмъ переменнымъ мѣстомъ, гдѣ дневало ярко-охряное отраженіе окна: тутъ, на свѣту, были отчетливо замѣтны всѣ пупырки густой, желтой краски, — даже волнистый заворотъ бороздокъ отъ дружно проѣхавшихся волосковъ кисти, — и была знакомая царапина, до которой этотъ драгоценный параллелограмъ свѣта доходилъ въ десять часовъ утра.

Отъ дикаго каменнаго пола поднимался ползучій, хватающій за пятки, холодокъ; недоразвитое, злое, маленькое эхо обитало въ какой-то части слегка вогнутаго потолка, съ лампочкой (окруженной рѣшеткой) посрединѣ, — то-есть нѣтъ, не совсѣмъ посрединѣ: неправильность, мучительно раздражавшая глазъ, — и въ этомъ смыслѣ не менѣе мучительна была неудавшаяся попытка закрасить желѣзную дверь.

Изъ трехъ представителей мебели, — койки, стола, стула, лишь послѣдній могъ быть передви-

гаемъ. Передвигался и паукъ. Вверху, тамъ, гдѣ начиналась пологая впадина окна, упитанный черный звѣрекъ нашелъ опорныя точки для перво-классной паутины съ той же смѣтливостью, которую выказывала Марфинька, когда въ непригоднѣйшемъ съ виду углу находила, гдѣ и какъ развѣсить бѣлье для сушки. Такъ сложивъ передъ собою лапы, такъ что торчали врозь мохнатые локти, онъ круглыми карими глазами глядѣлъ на руку съ карандашомъ, тянувшимся къ нему, и начиналъ пятиться, не спуская съ нея глазъ. Зато съ большой охотой бралъ кончиками лапъ изъ громадныхъ пальцевъ Родіона муху или мотылька, — и вотъ сейчасъ, на примѣръ, на юго-западѣ паутины висѣло сиротливое бабочкино крыло, румяное, съ шелковистой тѣнью и съ синими ромбиками по зубчатому краю. Оно едва-едва шевелилось на тонкомъ сквознякѣ.

Надписи на стѣнахъ были теперь замазаны. Исчезло и распisanіе правилъ. Унесенъ былъ — а можетъ быть разбитъ — классическій кувшинъ съ темной пещерной водой на гулкомъ донцѣ. Голо, грозно и холодно было въ этомъ помѣщеніи, гдѣ свойство «тюремности» подавлялось безстрастіемъ — канцелярской, больничной или какой другой — комнаты для ожидающихъ, когда дѣло уже къ вечеру, и слышно только жужжаніе въ ушахъ... причемъ ужасъ этого ожиданія былъ какъ-то сопряженъ съ неправильно найденнымъ центромъ потолка.

На столѣ, покрытомъ съ нѣкоторыхъ поръ клѣтчатой клеенкой, лежали, въ сапожно-черныхъ переплетахъ, библиотечные томы. Карандашъ, утратившій стройность и сильно искусанный, покоился на мельницей сложенныхъ, стремительно исписанныхъ листахъ. Тутъ же валялось письмо

къ Марфинькѣ, оконченное Цинциннатомъ еще наканунѣ, то-есть въ день послѣ свиданія; но онъ все не могъ рѣшиться отослать его, а потому далъ ему полежать, точно отъ самаго предмета ждалъ того соарѣванія, котораго никакъ не достигала безвольная, нуждавшаяся въ другомъ климатѣ, мысль.

Рѣчь будетъ сейчасъ о драгоцѣнности Цинцинната; о его плотской неполнотѣ; о томъ, что главная его часть находилась совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ, а тутъ, недоумѣвая, блуждала лишь незначительная доля его, — Цинциннатъ бѣдный, смутный, Цинциннатъ сравнительно глупый, — какъ бываешь во снѣ довѣрчивъ, слабъ и глупъ. Но и во снѣ — все равно, все равно — настоящая его жизнь слишкомъ сквозила.

Прозрачно поблѣвшее лицо Цинцинната, съ пушкомъ на впалыхъ щекахъ и усами такой нѣжности волосяной субстанціи, что это, казалось, растрепавшійся надъ губой солнечный свѣтъ; небольшое и еще молодое, не взирая на всѣ терзанія, лицо Цинцинната, со скользящими, непостояннаго оттѣнка, слегка какъ бы призрачными, глазами, — было по выраженію своему совершенно у насъ недопустимо, — особенно теперь, когда онъ пересталъ таиться. Открытая сорочка, распахивающійся черный халатикъ, слишкомъ большія туфли на тонкихъ ногахъ, философская ермолка на макушкѣ и легкое шеведеніе (откуда то все-таки былъ сквознякъ!) прозрачныхъ волосъ на вискахъ — дополняли этотъ образъ, всю непристойность котораго трудно словами выразить, — она складывалась изъ тысячи едва примѣтныхъ, пересѣкающихся мелочей, — изъ свѣтлыхъ очертаній какъ бы не совсѣмъ дорисованныхъ но мастеромъ изъ мастеровъ тронутыхъ губъ, изъ порхаю-

шаго движенія пустыхъ, еще не подтушеванныхъ рукъ, изъ разбѣгающихся и сходящихся вновь лучей въ дышащихъ глазахъ... но и это все разобранное и разсмотрѣнное, еще не могло истолковать Цинцинната: это было такъ, словно одной стороною своего существа онъ неуловимо переходилъ въ другую плоскость, какъ вся сложность древесной листвы переходитъ изъ тѣни въ блескъ, такъ что не разберешь, гдѣ начинается погруженіе въ трепеть другой стихіи. Казалось, что вотъ-вотъ, въ своемъ передвиженіи по ограниченному пространству кое-какъ выдуманной камеры, Цинцинната такъ ступить, что естественно и безъ усилія проскользнетъ за кулису воздуха, въ какую-то воздушную свѣтовую щель, — и уйдетъ туда съ той же непринужденной гладкостью, съ какой передвигается по всѣмъ предметамъ и вдругъ уходитъ какъ бы за воздухъ, въ другую глубину, бѣгущій отблескъ поворачиваемаго зеркала. При этомъ все въ немъ дышало тонкой, сонной, — но въ сущности необыкновенно сильной, горячей и своебытной жизнью: голубья, какъ самое голубое, пульсировали жилки, чистая, хрустальная слюна увлажняла губы, трепетала кожа на щекахъ, на лбу, окаймленномъ раствореннымъ свѣтомъ... и такъ это все дразнило, что наблюдателю хотѣлось тутъ же разъять, искромсать, уничтожить, нагло ускользящую плоть и все то, что подразумевалось ею, что невнятно выражала она собой, все то невозможное, вольное, ослѣпительное, — довольно, довольно, — не ходи больше, лягъ на койку, Цинцинната, такъ, чтобы не возбуждать не раздражать, — и дѣйствительно, почувствовавъ хищный порывъ взгляда сквозь дверь, Цинцинната ложился или садился за столъ, раскрывалъ книгу.

Книги, чернѣвшія на столѣ, были вотъ какія:

во-первыхъ, современный романъ, который Цинциннатъ въ бытность свою на свободѣ прочиталъ не удосужился; во-вторыхъ, одна изъ тѣхъ безъ числа издаваемыхъ хрестоматій, въ которыхъ собраны сжатая передѣлки и выдержки изъ древней литературы; въ-третьихъ, переплетенные номера стараго журнала; въ-четвертыхъ, нѣсколько потрепанныхъ томиковъ плотненькаго труда на непонятномъ языкѣ, принесенныхъ по ошибкѣ, — онъ этого не заказывалъ.

Романъ былъ знаменитый «Quercus», и Цинциннатъ прочелъ изъ него уже добрую треть: около тысячи страницъ. Героемъ романа былъ дубъ. Романъ былъ біографіей дуба. Тамъ, гдѣ Цинциннатъ остановился, дубу шелъ третій вѣкъ; простой расчетъ подсказывалъ, что къ концу книги онъ достигнетъ по крайней мѣрѣ возраста шестистолѣтняго.

Идея романа считалась вершиной современнаго мышленія. Пользуясь постепеннымъ развитіемъ дерева (одиоко и мощно росшаго у спуска въ горный долъ, гдѣ вѣчно шумѣли воды), авторъ чередой разворачивалъ всѣ тѣ историческія событія, — или тѣни событій — коихъ дубъ могъ быть свидѣтелемъ; то это былъ діалогъ между воинами, сошедшими съ коней — изабелловой масти и въ яблокахъ, — дабы отдохнуть подъ свѣжей сѣнью благородной листвы; то привалъ разбойниковъ и пѣснь простоволосой бѣглянки; то — подъ синимъ зигзагомъ грозы поспѣшныи проѣздъ вельможи, спасающагося отъ царскаго гнѣва; то на плащѣ трупъ, какъ будто еще трепещущій — отъ движенія лиственной тѣни; то — мимолетная драма въ средѣ поселянъ. Былъ въ полторы страницы параграфъ, въ которомъ всѣ слова начинались на п.

Авторъ, казалось, сидитъ со своимъ аппаратомъ гдѣ-то въ вышнихъ вѣтвяхъ Queercus'a — высматривая и довя добычу. Приходили и уходили различные образы жизни, на мигъ задерживаясь среди зеленыхъ бликовъ. Естественные же промежутки бездѣйствія заполнялись учеными описаніями самаго дуба, съ точки зрѣнія дендрологіи, орнитологіи, колеоптерологіи, мифологіи, — или описаніями популярными, съ участіемъ народнаго юмора. Приводился, между прочимъ, подробный списокъ всѣхъ вензедей на корѣ съ ихъ толкованіемъ. Наконецъ немало вниманія удѣлялось музыкѣ водъ, палитрѣ зорь и поведенію погоды.

Цинциннать почиталь, отложилъ. Это произведеніе было безспорно лучшее, что создало его время, — однако же онъ одолѣвалъ страницы съ тоской, безпрестанно потопля повѣсть волной собственной мысли: на что мнѣ это далекое, ложное, мертвое, — мнѣ, готовящемуся умереть? Или же начиналъ представлять себѣ, какъ авторъ, человѣкъ еще молодой, живущій, говорятъ, на островѣ въ Сѣверномъ, что-ли, морѣ, самъ будетъ умирать, — и это было какъ-то смѣшно, — что вотъ когда-нибудь непременно умретъ авторъ, — а смѣшно было потому, что единственнымъ тутъ настоящимъ, реально несомнѣннымъ, была всего лишь смерть, — неизбежность физической смерти автора.

Свѣтъ мѣнялъ мѣсто на стѣнѣ. Являлся Родіонъ съ тѣмъ, что онъ называлъ фриштыкъ. Опять бабочкино крыло скользило у него въ пальцахъ, оставляя на нихъ цвѣтную пудру.

«Неужели онъ все еще не пріѣхаль?» — спросилъ Цинциннать, задавая уже не впервые этотъ

вопросъ, сильно сердившій Родіона, который и теперь не отвѣтилъ ничего.

«А свиданія больше не дадутъ?» — спросилъ Цинциннать.

Въ ожиданіи обычной изжоги, онъ прилегъ на койку и, повернувшись къ стѣнѣ, долго-долго помогаль образоваться на ней рисункамъ, покладисто составявшимся изъ бугорковъ доснившейся краски и кругленькихъ ихъ тѣней; находилъ, напимѣръ, крохотный профилъ съ большимъ мышымъ ухомъ; потомъ терялъ и уже не могъ возстановить. Отъ этой вохры тянуло могилдой, она была прыщевата, ужасна, но все-таки взгляды продолжалъ выбирать и соображать нужныя пушпырки, — такъ недоставало, такъ жаждалось хотя бы едва намѣченныхъ человѣческихъ чертъ. Наконецъ онъ повернулся, легъ навзничъ и съ тѣмъ же вниманіемъ сталъ разсматривать тѣни и трещины на потолкѣ.

«А въ общемъ они, кажется, доканалы меня, — подумаль Цинциннать. — Я такъ размякъ, что это можно будетъ сдѣлать фруктовымъ ножомъ».

Нѣсколько времени онъ сидѣлъ на краю койки, зажавъ руки между колѣнями, сутулясь. Испустивъ дрожащій вздохъ, пошелъ снова бродить. Интересно, все-таки, на какомъ это языкѣ. Медкій, густой, узористый наборъ, съ какими-то точками и живчиками внутри серпчатыхъ буквъ, былъ, пожалуй, восточный, — напоминалъ, чѣмъ-то надписи на музейныхъ кинжалахъ. Томики такіе старыя, пасмурныя странички... иная въ желтыхъ подтекахъ...

Часы пробилы семь, и вскорѣ явился Родіонъ съ обѣдомъ.

«Онъ навѣрное еще не приѣхаль?» — спросилъ Цинциннать.

Родионъ было ушелъ, но на порогъ обернулся:
«Стыдъ и страмъ, — проговорилъ онъ, всхлипнувъ, — денноночно груши окалачиваете... кормишь васъ тутъ, холишь, самъ на ногахъ не стоишь, а вы только и знаете, что съ неумными вопросами лѣзть. Тьфу, безсовѣстный...»

Время, ровно жужжа, продолжало течь. Въ камерѣ воздухъ потемнѣлъ, и когда онъ уже былъ совсѣмъ слѣпой и вялый, дѣловито зажегся свѣтъ посрединѣ потолка, — нѣтъ, какъ разъ то и не посрединѣ, — мучительное напоминаніе. Цинциннатъ раздѣлся и легъ въ постель съ Queegs-s'омъ. Авторъ уже добирался до цивилизованныхъ эпохъ, — судя по разговору трехъ веселыхъ путниковъ, Тита, Пуда и Вѣчнаго Жида, тянувшихъ изъ фляжекъ вино на прохладномъ мху подъ чернымъ вечернимъ дубомъ.

«Неужели никто не спасеть?» — вдругъ громко спросилъ Цинциннатъ и присѣлъ на постели (руки бѣдняка, показывающаго, что у него ничего нѣтъ).

«Неужели никто», — повторилъ Цинциннатъ, глядя на безпощадную желтизну стѣнъ и все такъ же держа пустыя ладони.

Сквознякъ обратился въ дубравное дуновение. Упалъ, подпрыгнулъ и покатился по одѣялу сорвавшійся съ дремучихъ тѣней, разросшихся наверху, крупный, вдвое крупнѣе, чѣмъ въ натурѣ, на славу выкрашенный въ блестящій желтоватый цвѣтъ, отполированный п плотно, какъ яйцо, сидѣвшій въ своей пробковой чашкѣ, бутафорской жолудь.

Онъ проснулся отъ глухого постукиванія, свербѣжа, что-то гдѣ-то осыпалось. Такъ, уснувъ съ вечера здоровымъ, просыпаешься за полночь въ жару. Онъ довольно долго слушалъ эти звуки, — турупъ, турупъ, тэкъ, тэкъ, тэкъ, — безъ мысли объ ихъ значеніи, а просто такъ, — потому что они разбудили его, и потому что слуху ничего другого не оставалось дѣлать. Турупъ, стукъ, скребеть, сыпь-сыпь-сыпь-сыпь. Гдѣ? Справа? Слева? Цинциннатъ приподнялся.

Онъ слушалъ, — вся голова обратилась въ слухъ, все тѣло въ тугое сердце; онъ слушалъ и уже со смысломъ разбирался въ нѣкоторыхъ признакахъ: слабый настой темноты въ камерѣ... темное оѣло на дно... За рѣшеткой окна — сѣрый полусвѣтъ: значить — три, половина четвертаго... Замерзшіе сторожа спять... Звуки идутъ откуда-то снизу, — нѣтъ, пожалуй, сверху, нѣтъ, все-таки снизу, — точно за стѣной, на уровнѣ пола, скребется желѣзными когтями большая мышь.

Особенно волновала Цинцинната сосредоточенная увѣренность звуковъ, настойчивая серьезность, съ которой они преслѣдовали въ тишинѣ крѣпостной ночи — быть можетъ еще далекую, — но несомнѣнно достижимую цѣль. Сдерживая дыханіе, онъ, съ призрачной легкостью, какъ листъ папи-

росной бумаги, соскользнуть... и на цыпочкахъ, по липкому, цѣпкому... къ тому углу, откуда, какъ будто... какъ-будто... но, подойдя, понялъ, что ошибся, — стукъ былъ правѣе и выше; онъ двинулся — и опять спутался, попавшись на томъ слуховомъ обманѣ, когда звукъ, проходя голову наискось, второпяхъ обслуживается не тѣмъ ухомъ.

Неловко переступивъ, Цинциннать задѣлъ поднось, стоявшій у стѣны на полу: «Цинциннать!» — сказалъ поднось укоризненно, — и тогда стукъ пріостановился съ рѣзкой внезапностью, въ которой была для слушателя отраднѣйшая разумность — и, неподвижно стоя у стѣны, большимъ пальцемъ ноги придавливая дожечку на поднось и склонивъ отверстую, полую голову, Цинциннать чувствовалъ, что неизвѣстный копальщикъ тоже стынетъ и слушаетъ, какъ и онъ.

Полминуты спустя, тише, сдержаннѣе, но еще выразительнѣе, еще умнѣе, возобновились звуки. Поворачиваясь и медленно сдвигая ступню съ цинка, Цинциннать попробовалъ снова опредѣлить ихъ положеніе: справа, ежели стать лицомъ къ двери, — да, справа, — и во всякомъ случаѣ еще далеко... вотъ все, что послѣ долгаго прислушиванія ему удалось заключить. Двинувшись, наконецъ, обратно къ койкѣ, за туфлями, — а то босикомъ становилось невмочь, — онъ въ туманѣ вспугнулъ громконогій стулъ, никогда не ночевавшій на томъ же мѣстѣ, — и опять звуки оборвались, — на сей разъ окончательно, то-есть можетъ быть они бы и продолжались послѣ осторожнаго перерыва, но утро уже входило въ силу, и Цинциннать видѣлъ — глазами привычнаго представленія, — какъ на своемъ табуретѣ въ коридорѣ, весь дымясь отъ сырости и разѣвая ярко-красный ротъ, потягивается Родіонъ.

Все утро Цинциннать прислушивался да прикидывалъ, чѣмъ бы и какъ изъяснить свое отношеніе къ звукамъ въ случаѣ ихъ повторенія. На дворѣ разыгралась — просто, но со вкусомъ, поставленная — лѣтняя гроза, въ камерѣ было темно, какъ вечеромъ, слышался громъ, то крупный, круглый, то колкій, трескучій, и молнія въ неожиданныхъ мѣстахъ печатала отраженіе рѣшетки. Въ полдень явился Родригъ Ивановичъ.

«Къ вамъ пришли, — сказалъ онъ, — но я сперва хотѣлъ узнать — — »

«Кто?» — спросилъ Цинциннать, одновременно подумавъ: только бы не теперь... (то-есть только бы не теперь возобновился стукъ).

«Видите ли, какая штукаенція, — сказалъ директоръ, — я неувѣренъ, желаете ли вы... Дѣло въ томъ, что это ваша мать, — *votre mère, parasite*!».

«Мать?» — переспросилъ Цинциннать.

«Ну да, — мать, мамаша, мамахень, — словомъ, женщина, родившая васъ. Принять? Рѣшает скорѣй!».

«... Видалъ всего разъ въ жизни, — сказалъ Цинциннать, — и, право, никакихъ чувствъ... нѣтъ, нѣтъ, не стоитъ, не надо, это ни къ чему».

«Какъ хотите», — сказалъ директоръ и вышелъ.

Черезъ минуту, любезно воркуя, онъ ввелъ маленькую, въ черномъ макинтошѣ, Цецилію Ц. «Я васъ оставлю вдвоемъ, — добавилъ онъ добродушно; — хотя это противъ нашихъ правилъ, но бываютъ положенія... исключенія, ... мать и сынъ.. преклоняюсь...»

Exit, пятась, какъ придворный.

Въ блестящемъ, черномъ своемъ макинтошѣ и въ такой же непромокаемой шляпѣ съ опущенными полями (придававшихъ ей что-то штормово-

рыбачье), Цецилія Ц. осталась стоять посреди камеры, яснымъ взоромъ глядя на сына; разстегнулась; шумно втянула сопельку и сказала скорымъ, дробнымъ своимъ говоркомъ: «Грозища, грязище, думала, никогда не долѣзу, навстрѣчу по дорогѣ потоки, потопы...»

«Садитесь, — сказалъ Цинциннатъ, — не стойте такъ».

«Что - что, а у васъ тутъ тихо, — продолжала она, все потягивая носомъ и крѣпко, какъ теркой, проводя пальцемъ подъ нимъ, такъ что его розовый кончикъ морщился и вилялъ. — Одно можно сказать — тихо и довольно чисто. У насъ, между прочимъ, въ пріютѣ нѣту отдѣльныхъ палатъ такого размѣра. Ахъ, постель, — миленькій мой — въ какомъ у васъ видѣ постель!»

Она плюхнула свой профессиональный саквояжикъ, проворно стянула черныя нитяныя перчатки съ маленькихъ подвижныхъ рукъ — и, низко наклонившись надъ койкой, принялась стелить, стелясь какъ бы сама, постель наново. Черная спина съ тюленьимъ гляncемъ, поясокъ, заштопаннныя чулки.

«Вотъ такъ-то лучше», — сказала она, разогнувшись, — и затѣмъ, на мгновеніе подбоченясь, покосилась на загроможденный книгами столъ.

Она была моложава, и всѣ ея черты подавали примѣръ цинциннатовымъ, по-своему слѣдовавшимъ ему; Цинциннатъ самъ смутно чувствовалъ это сходство, смотря на ея востроносое личико, на покатый блескъ прозрачныхъ глазъ. Посрединѣ довольно открытой груди краснѣлся отъ душики внизъ треугольникъ веснушчатого загара, — но, вообще, кожа была все та же, изъ которой нѣкогда выкроенъ былъ отрѣзокъ, пошедшій на Цин-

цинната, — блѣдная, тонкая, въ небснаго цвѣта прожилкахъ.

«Ай-я-яй, тутъ тоже слѣдовало бы...» — пролепетала она и быстро, какъ все, что дѣлала, взялась за книги, складывая ихъ кучками. Мимходомъ заинтересовавшись картинкой въ раскрытомъ журналѣ, она достала изъ кармана макинтоша бобовидный футляръ и, опустивъ углы рта, надѣла пенснэ. «Двадцать шестой годъ, — проговорила она, усмѣхнувшись, — какая старина, просто не вѣрится».

(...двѣ фотографіи: на одной бѣлозубый президентъ на вокзалѣ въ Манчестерѣ пожимаетъ руку умащенной лѣтами правнучкѣ послѣдняго изобрѣтателя; на другой — двуглавый теленокъ, родившійся въ деревнѣ на Дунаѣ...)

Она безпричинно вздохнула, отодвинула книжку, столкнула карандашъ, не успѣла поймать и произнесла: упсѣ!

«Оставьте, — сказалъ Цинциннать, — тутъ не можетъ быть безпорядка, тутъ можетъ быть только перемѣщеніе».

«Вотъ — я вамъ принесла (вытянула, вытягивая и подкладку, фунтикъ изъ кармана пальто). Вотъ. Конфетокъ. Сосите на здоровьице».

Сѣла и надула щеки.

«Лѣзла, долѣзла и устала», — сказала она, нарочито пыхтя, а потомъ застыла, глядя со смутнымъ вождедѣніемъ на паутину вверху.

«Зачѣмъ вы пришли? — спросилъ Цинциннать, шагая по камерѣ. — Ни вамъ этого не нужно, ни мнѣ. Зачѣмъ? Вѣдь это дурно и неинтересно. Я же отлично вижу, что вы такая же пародія, какъ всѣ, какъ все. И если меня угощаютъ такой ловкой пародіей на мать... Но представьте себѣ, напри- мѣръ, что я возложилъ надежду на какой-нибудь

далекій звукъ, какъ же мнѣ вѣрить въ него, если даже вы обманъ. Вы бы еще сказали: гостинцевъ. И почему у васъ макинтошъ мокрый, а башмачки сухіе, — вѣдь это небрежность. Передайте бутафору».

Она — послѣшно и виновато: «Да я же была въ калошахъ, внизу въ канцеляріи оставила, честное слово...»

«Ахъ, полно, полно. Только не пускайтесь въ объясненія. Играйте свою роль, — побольше лепета, побольше безопасности, — и ничего, — сойдетъ».

«Я пришла, потому что я ваша мать», — проговорила она тихо, и Цинциннать разсмѣялся: «Нѣтъ, нѣтъ, не сбивайтесь на фарсъ. Помните, что тутъ драма. Смѣшное смѣшнымъ — но все-таки не слѣдуетъ слишкомъ удаляться отъ вокзала: драма можетъ уйти. Вы бы лучше... да, вотъ что, повторите, повторите мнѣ, пожалуй, преданіе о моемъ отцѣ. Неужели онъ такъ-таки исчезъ въ темнотѣ ночи, и вы никогда не узнали, ни кто онъ, ни откуда — это странно...»

«Только голосъ, — лица не видала», — отвѣтила она все такъ же тихо.

«Во, во, подыгрывайте мнѣ, я думаю мы его сдѣлаемъ странникомъ, бѣглымъ матросомъ», — съ тоской продолжалъ Цинциннать, прищелкивая пальцами и шагая, шагая: «иди дѣснымъ разбойникомъ, гастролирующимъ въ паркѣ. Или загулявшимъ ремесленникомъ, плотникомъ... Ну, скорѣй, придумайте что-нибудь».

«Вы не понимаете, — воскликнула она, — (въ волненіи встала и тотчасъ сѣла опять), — да, я не знаю, кто онъ былъ, — бродяга, бѣглець, да все возможно... Но какъ это вы не понимаете... да, — былъ праздникъ, было въ паркѣ темно, и была я

дѣвченкой , — но вѣдь не въ томъ дѣло. Вѣдь обмануться нельзя! Человѣкъ, который сжигается живьемъ, знаетъ небось, что онъ не купается у насъ въ Стропи. То-есть я хочу сказать: нельзя, нельзя ошибиться... Ахъ, какъ же вы не понимаете!»

«Чего не понимаю?»

«Ахъ, Цинциннать, онъ — тоже...»

«Что — тоже?»

«Онъ тоже, какъ вы, Цинциннать...»

Она совсѣмъ опустила лицо, уронила пенснэ въ горсточку.

Пауза.

«Откуда вамъ это извѣстно, — хмуро спросилъ Цинциннать, — какъ это можно такъ сразу замѣтить...»

«Больше вамъ ничего не скажу», — произнесла она, не поднимая глазъ.

Цинциннать сѣлъ на койку и задумался. Его мать высморкалась съ необыкновеннымъ мѣднымъ звукомъ, котораго трудно было ожидать отъ такой маленькой женщины, и посмотрѣла навверхъ на впадину окна. Небо, видимо, прояснилось, чувствовалось близкое присутствіе синевы, солнце провело по стѣнѣ свою полосу, то блѣднѣвшую, то разгоравшуюся опять.

«Сейчасъ васильки во ржи, — быстро заговорила она, — и все такъ чудно, облака бѣгутъ, все такъ безпокойно и свѣтло. Я живу далеко отсюда, въ Докторскомъ, — и когда пріѣзжаю къ вамъ въ городъ, когда ѣду полями, въ старомъ шарабанчикѣ, и вижу, какъ блеститъ Стропь, и вижу этотъ холмъ съ крѣпостью и все, — мнѣ всегда кажется, что повторяется, повторяется какая-то замѣчательная исторія, которую все не успѣваю или не умѣю понять, — и все-жъ-таки кто-то мнѣ

ее повторяетъ — съ такимъ терпѣніемъ! Я работаю цѣлый день въ нашемъ пріютѣ, мнѣ все треньтрава, у меня любовники, я обожаю ледяной лимонадъ, но бросаю курить, потому что расширение аорты, — и вотъ я сижу у васъ, — я сижу у васъ и не знаю, почему сижу, и почему реву, и почему это рассказываю, и мнѣ теперь будетъ жарко переть внизъ въ этомъ пальто и шерстяномъ платьѣ, солнце будетъ совершенно бѣшенное послѣ такой грозы...

«Нѣтъ, вы все-таки только пародія», — прошептала Цинциннать.

Она вопросительно улыбнулась.

«Какъ этотъ паукъ, какъ эта рѣшетка, какъ этотъ бой часовъ, — прошептала Цинциннать.

«Вотъ какъ», — сказала она и снова высморкалась.

«Да, вотъ значить какъ», — повторила она.

Оба молчали, не глядя другъ на друга, между тѣмъ какъ съ бессмысленной гудкостью били часы.

«Вы обратите вниманіе, когда выйдете, — сказалъ Цинциннать, — на часы въ коридорѣ. Это — пустой циферблатъ, но зато каждые полчаса сторожъ смываетъ старую стрѣлку и мажуетъ новую, — вотъ такъ и живешь по крашеному времени, а звонъ производитъ часовой, почему онъ такъ и зовется.

«А вы не шутите — сказала Цецилія Ц., — бываютъ, знаете, удивительныя уловки. Вотъ, я помню: когда была ребенкомъ, въ модѣ были, — ахъ, не только у ребятъ, но и у взрослыхъ, — такія штуки, назывались «нѣтки», — и къ нимъ полагалось, значить, особое зеркало, мало что кривое — абсолютно искаженное, ничего нельзя понять, провалы, путаница, все скользитъ въ гла-

ѣ

захъ, но его кривизна была неспроста, а какъ разъ такъ пригнана... Или, скорѣе, къ его кривизнѣ были такъ подобраны... Нѣтъ, постоите, я плохо объясняю. Однимъ словомъ, у васъ было такое вотъ дикое зеркало и цѣлая коллекція разныхъ нѣтокъ, т.-е. абсолютно нелѣпыхъ предметовъ: всякія такія безформенныя, пестрыя, въ дыркахъ, въ пятнахъ, рябыя, шишковатыя штуки, вродѣ какихъ-то ископаемыхъ, — но зеркало, которое обыкновенные предметы абсолютно искажало, теперь, значить, получало настоящую пищу, то-есть, когда вы такой непонятный и уродливый предметъ ставили такъ, что онъ отражался въ непонятномъ и уродливомъ зеркалѣ, получалось замѣчательно; нѣтъ на нѣтъ давало да, все возстанавливалось, все было хорошо, — и вотъ изъ безформенной пестряди, получался въ зеркалѣ чудный стройный образъ: цвѣты, корабль, фигура, какой-нибудь пейзажъ. Можно было — на заказъ — даже собственный портретъ, то-есть вамъ давали какую-то кошмарную кашу, а это и были вы, но ключъ отъ васъ былъ у зеркала. Ахъ, я помню, какъ было весело и немного жутко — вдругъ ничего не получится! — брать въ руку вотъ такую новую непонятную нѣтку и приближать къ зеркалу, и видѣть въ немъ, какъ твоя рука совершенно разлагается, но зато какъ бессмысленная нѣтка складывается въ прелестную картину, ясную, ясную...»

«Зачѣмъ вы все это мнѣ рассказываете?» — спросилъ Цинциннатъ.

Она молчала.

«Зачѣмъ все это? Неужели вамъ неизвѣстно, что на дняхъ, завтра, можетъ быть — — »

Онъ вдругъ замѣтилъ выраженіе глазъ Цециліи Ц., — мгновенное, о, мгновенное, — но было такъ, словно проступило нѣчто, настоящее, несом-

нѣнное (въ этомъ мѣрѣ, гдѣ все было подѣ сомнѣніемъ), словно завернулся краешекъ этой ужасной жизни, и сверкнула на мигъ подкладка. Во взглядѣ его матери Цинциннать внезапно удовиль ту послѣднюю, вѣрную, все объясняющую и ото всего охраняющую точку, которую онъ и въ себѣ умѣлъ нащупать. О чемъ именно вопила сейчасъ эта точка? О, неважно о чемъ, пускай — ужась, жалость... Но скажемъ лучше: она сама по себѣ, эта точка, выражала такую бурю истины, что душа Цинцинната не могла не взыграть. Мгновеніе накренилось и пронеслось. Цецилія Ц. встала, дѣлая невѣроятный маленькій жестъ, а именно разставляя руки съ протянутыми указательными пальцами, какъ бы показывая размѣръ, — длину, скажемъ, младенца... Потомъ сразу засуетилась, подняла съ полу черный, толстенный, на таксичьихъ лапкахъ саквояжъ, поправила клапанъ кармана.

«Ну вотъ, — сказала она, прежнимъ лепечущимъ говоркомъ, — посидѣла и пойду. Кушайте мои конфетки. Засидѣлась. Пойду, мнѣ пора».

«О да, пора!» — съ грозной веселостью грянулъ Родригъ Ивановичъ, широко отворяя дверь.

Наклонивъ голову, она скользнула вонъ. Цинциннать, дрожа, шагнулъ было впередъ...

«Не беспокойтесь, — сказалъ директоръ, поднявъ ладонь, — эта акушерочка совершенно намъ не опасна. Назадъ!»

«Но я все-таки — — » началъ Цинциннать.

«Арьеръ!» — заоралъ Родригъ Ивановичъ.

Изъ глубины коридора, между тѣмъ, появилась плотная, волосатая фигурка м-сье Пьера. Онъ шелъ, пріятно улыбаясь издали, чуть сдерживая, однако, шагъ, чуть бѣгая глазами, какъ люди, которые попадаютъ на скандалъ, но не хотятъ

это подчеркивать, и несъ шашечницу передъ собой, ящичекъ, полишинеля подмышкой, еще что-то...

«Гости были? — вѣжливо справился онъ у Цинцинната, когда директоръ оставилъ ихъ въ камерѣ однихъ. — Матушка ваша? Такъ-съ, такъ-съ. А тесрь я, бѣдненькій, слабенькій м-сье Пьеръ, пришелъ васъ поразвлечь и самъ поразвечься. Смотрите, какъ онъ на васъ смотритъ. Поклонись дядѣ. Правда, уморительный? Ну, сиди прямо, тезка. А я принесъ вамъ еще много забавнаго. Хотите сперва въ шахматы? Али въ картишки? Въ якорекъ умѣете? Знатная игра! Давайте, я васъ научу!»

Ждалъ, ждалъ, и вотъ — въ мертвѣйшій часъ ночи сызнава заработали звуки. Одинъ въ темнотѣ, Цинциннать улыбнулся. Я вполне готовъ допустить, что и они — обманъ, но такъ въ нихъ вѣрю сейчасъ, что ихъ заражаю истиной.

Были они еще тверже и точнѣе, чѣмъ прошлой ночью; не таяли сослѣпу; какъ сомнѣваться въ ихъ приближающемся, поступательномъ движеніи? Скромность ихъ! Умъ! Тайнственное, расчетливое упрямство! Обыкновенной-ли киркой или какимъ-нибудь чудаковатымъ орудіемъ (изъ амальгамы негоднѣйшаго вещества и всеильной человѣческой воли), — но кто-то какъ-то — это было ясно — пробивалъ себѣ ходъ.

Стояла холодная ночь; сѣрый, сальный отблескъ луны, дѣлясь на клѣтки, ложился по внутренней стѣнкѣ оконной пади; вся крѣпость ощущалась, какъ налитая густымъ мракомъ внутри и вылощенная луной снаружи, съ черными изломами тѣней, которыя сползали по скалистымъ скатамъ и безшумно рушились во рвы; да, — стояла безстрастная, каменная ночь, — но въ ней, въ глухомъ ея лонѣ, подтачивая ея мощь, пробивалось нѣчто совершенно чуждое ея составу и строю. Или это старья, романтическія бредни, Цинциннать?

Онъ взялъ покорный стулъ и покрѣпче уда-

рилъ имъ въ полъ, потомъ нѣсколько разъ въ стѣну, — стараясь, хотя бы посредствомъ ритма, придать стуку смыслъ. И дѣйствительно: пробирающійся сквозь ночь сначала сталъ, какъ бы соображая — враждебны-ли или нѣтъ встрѣчные стуки, — и вдругъ возобновилъ свою работу съ такой ликующей живостью звука, которая доказывала Цинциннату, что его откликъ понятъ.

Онъ убѣдился, — да, это именно къ нему идутъ, его хотятъ спасти, — и, продолжая постукивать въ наиболѣе болѣзненные мѣста камня, онъ вызывалъ — въ другомъ діапазонѣ и ключѣ — полнѣе, сложнѣе, слаще, — повтореніе тѣхъ нехитрыхъ ритмовъ, которые онъ предлагалъ.

Онъ уже подумывалъ о томъ, какъ наладить азбуку, когда замѣтилъ, что не мѣсяцъ, а другой, непрощенный, свѣтъ разбавляетъ потемки, — и не успѣлъ онъ замѣтить это, какъ звуки втянулись. Напоследокъ довольно долго что-то сыпалось, но и это постепенно смолкло, — и странно было представить себѣ, что такъ недавно ночная тишь нарушалась жадной, жаркой, пронирливой жизнью, вплотную приноживающейся и придавленнымъ щипцомъ храпящей — и снова роющей съ остервенѣніемъ, какъ песъ, добирающійся до барсука.

Черезъ зыбкую дремоту онъ видѣлъ, какъ входилъ Родіонъ, — и было уже за полдень, когда совсѣмъ проснулся — и, какъ всегда, подумалъ прежде всего о томъ, что конецъ еще не сегодня, а вѣдь могло быть и сегодня, какъ можетъ и завтра быть, но завтра еще далеко.

Весь день онъ внималъ гудѣнію въ ушахъ, уминая себѣ руки, тихо здороваясь съ самимъ собой; ходилъ вокругъ стола, гдѣ бѣлѣлось все еще неотправленное письмо; а не то воображалъ опять

мгновенный, захватывающий духъ, — какъ перерывъ въ этой жизни, — взгляды вчерашней гостии, или слушалъ про себя шорохъ Эммочки. Что-жь, пей эту бурду надежды, мутную, сладкую жижу, надежды мои не сбылись, я вѣдь думалъ, что хоть теперь, хоть тутъ, гдѣ одиночество въ такомъ почетѣ, оно распадется лишь на-двое, на тебя и на меня, а не размножится, какъ оно размножилось — шумно, мелко, недѣло, я даже не могъ къ тебѣ подойти, твой страшный отецъ едва не перешибъ мнѣ ноги клюкой, поэтому пишу, это — послѣдняя попытка объяснить тебѣ, что происходитъ, Марфинька, сдѣлай необычайное усиліе и пойми, пускай сквозь туманъ, пускай уголкомъ мозга, но пойми, что происходитъ, Марфинька, пойми, что меня будутъ убивать, неужели такъ трудно, я у тебя не прошу долгихъ вдовьихъ воздыханій, траурныхъ лилій, но молю тебя, мнѣ такъ нужно — сейчасъ, сегодня, — чтобы ты, какъ дитя, испугалась, что вотъ со мной хотять дѣлать страшное, мерзкое, отъ чего тошнить, и такъ орешь посреди ночи, что даже когда уже слышишь нянино приближеніе, — «тише, тише», — все еще продолжаешь орать, вотъ какъ тебѣ должно страшно стать, Марфинька, даромъ что мало любишь меня, но ты должна понять, хотя бы на мгновеніе, а потомъ можешь опять заснуть. Какъ мнѣ расшевелить тебя? Ахъ, наша съ тобой жизнь была ужасна, ужасна, и не этимъ расшевелю, я очень старался вначалѣ, но ты знаешь, — темпъ былъ у насъ разный, и я сразу отсталъ. Скажи мнѣ, сколько рукъ мяло мякоть, которой обросла такъ щедро твоя твердая, горькая, маленькая душа? Да, снова, какъ привидѣніе, я возвращаюсь къ твоимъ первымъ измѣнамъ и, воя, гремя цѣплями, плыву сквозь нихъ. Поцѣлуй, которые я под-

глядѣль. Поцѣлуи ваши, которые больше всего походили на какое-то питаніе, сосредоточенное, неопрятное и шумное. Или когда ты, жмурясь, пожирала прыщущій персикъ и потомъ, кончивъ, но еще глотая, еще съ полнымъ ртомъ, канибалка, топырила пальцы, блуждалъ осоловѣлый взглядъ, лоснились воспаленныя губы, дрожалъ подбородокъ, весь въ капляхъ мутнаго сока, сползавшихъ на оголенную грудь, между тѣмъ, какъ пріапъ, питавшій тебя, внезапно поворачивался съ судорожнымъ проклятіемъ, согнутой спиной ко мнѣ, вошедшему въ комнату некстати. «Марфинькѣ всякіе фрунты полезны», — съ какой-то сладко-хлюпающей сыростью въ горлѣ говорила ты, собираясь вся въ одну сырую, сладкую, проклятую складочку, — и если я опять возвращаюсь ко всему этому, такъ для того, чтобы отдѣлаться, выдѣлить изъ себя, очиститься, — и еще для того, чтобы ты знала, чтобы ты знала — — Что? Вѣроятно, я все-таки принимаю тебя за кого-то другого, — думая, что ты поймешь меня, — какъ сумасшедшій принимаетъ зашедшихъ родственниковъ за звѣзды, за логарифмы, за вислозадыхъ гіенъ, — но еще есть безумцы — тѣ неуязвимы! — которые принимаютъ самихъ себя за безумцевъ, — и тутъ замыкается кругъ. Марфинька, въ какомъ то такомъ кругу мы съ тобой вращаемся, — о, если бы ты могла вырваться на мигъ, — потомъ вернешься въ него, обѣщаю тебѣ, многого отъ тебя не требуется, но на мигъ вырвись, и пойми, что меня убиваютъ, что мы окружены куклами, и что ты кукла сама. Я не знаю, почему такъ мучился твоими измѣнами, то-есть вѣрнѣе я то самъ знаю почему, но не знаю тѣхъ словъ, которыя слѣдовало бы подобрать, чтобы ты поняла, почему я такъ мучился. Нѣтъ этихъ словъ въ томъ маломъ размѣ-

рѣ, который ты употребляешь для своихъ ежедневныхъ нуждъ. Но все-таки я опять попытаюсь: «меня убиваютъ!» — такъ, всѣ разомъ, еще: «меня убиваютъ!» — еще разъ: «... убиваютъ!» — я хочу это такъ написать, чтобы ты зажала уши, — свои тонкокожія, обезьяньи уши, которыя ты прячешь подъ прядями чудныхъ женскихъ волосъ, — но я ихъ знаю, я ихъ вижу, я ихъ щиплю, холодненькія, мну ихъ въ своихъ безпокойныхъ пальцахъ, чтобы какъ-нибудь ихъ согрѣть, оживить, очеловѣчить, заставить услышать меня. Марфинька, я хочу, чтобы ты настояла на новомъ свиданіи, и ужъ разумѣется: приди одна, приди одна! Такъ называемая жизнь кончена, передо мною только скользкая плаха, меня изловчились мои тюремщики довести до такого состоянія, что почеркъ мой — видишь — какъ пьяный, — но, ничего, у меня хватить, Марфинька, силы на такой съ тобой разговоръ, какого мы еще никогда не вели, потому-то такъ необходимо, чтобы ты еще разъ пришла, и не думай, что это письмо — подлогъ, это я пишу Цинциннатъ, это плачу я, Цинциннатъ, который собственно ходилъ вокругъ стола, а потомъ, когда Родіонъ принесъ ему обѣдъ, сказалъ:

«Вотъ это письмо. Вотъ это письмо я васъ попрошу... Тутъ адресъ...»

«Вы бы лучше научились, какъ другіе, вязать, — проворчалъ Родіонъ, — и связали бы мнѣ фаршикъ. Писатель! Вѣдь только что видались, — съ жонкой-то».

«Попробую все-таки спросить, — сказалъ Цинциннатъ. — Есть ли тутъ, кромѣ меня и этого довольно навязчиваго Пьера, какіе-нибудь еще заключенные?»

Родіонъ побагровѣлъ, но смолчалъ.

«А мужикъ еще не пріѣхаль?» — спросилъ Цинциннать.

Родіонъ собрался свирѣпо захлопнуть уже визжавшую дверь, но, какъ и вчера, — липко шлепая сафьяновыми туфлями, дрыгая полосатыми тѣлесами, держа въ рукахъ шахматы, карты, бильбокэ...

«Симпатичному Родіону мое нижайшее», — тоненькимъ голосомъ произнесъ м-сье Пьеръ и, не мѣняя шага, дрыгая, шлепая, вошелъ въ камеру.

«Я вижу, — сказалъ онъ, садясь, — что симпатяга понесъ отъ васъ письмо. Вѣрно то, которое вчера лежало тутъ на столѣ? Къ супругѣ? Нѣтъ, нѣтъ — простая дедукція, я не читаю чужихъ писемъ, хотя, правда, оно лежало весьма на виду, пока мы въ якорекъ рѣзались. Хотите нынче въ шахматы?»

Онъ разложилъ шерстянную шашечницу и пухлой рукой со взведеннымъ мизинцемъ разставилъ фигуры, прочно сдѣланныя — по старому арестантскому рецепту — изъ хлѣбнаго мякиша, которому камень могъ позавидовать.

«Самъ я холостъ, но я понимаю, конечно... Впередъ. Я это быстро... Хорошіе игроки никогда много не думаютъ. Впередъ. Вашу супругу я мелькомъ видалъ, — ядреная бабенка, что и говорить, — шея больно хороша, люблю... Э, стойте. Это я маху далъ, разрѣшите переиграть. Такъ-то будетъ правильнѣе. Я большой любитель женщинъ, а ужъ меня какъ онѣ любятъ, подлая, прямо не повѣрите. Вотъ вы писали вашей супругѣ о ея тамъ глазкахъ, губкахъ. Недавно, знаете, я имѣлъ — Почему же я не могу съѣсть? Ахъ, вотъ что. Прытко, прытко. Ну, ладно, — ушелъ. Недавно я имѣлъ половое общеніе съ исключительно здоровой и роскошной особой. Какое получаешь удовольствіе, когда крупная брюнетка — — Это что же? Вотъ

тебѣ разъ. Вы должны предупредить, такъ не годится. Давайте, сыграю иначе. Такъ-съ. Да, роскошная, страстная — а я, знаете, самъ съ усамъ, обладаю такой пружинной, что — ухъ! Вообще говоря, изъ многочисленныхъ соблазновъ жизни, которые, какъ бы играя, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень серьезно, собираюсь постепенно представить вашему вниманію, соблазнъ любви — Нѣтъ, погодите, я еще не рѣшилъ, пойду ли такъ. Да, пойду. Какъ — мать? Почему — мать? Сюда — не могу, сюда — не могу, сюда... Тоже не могу. Позвольте, какъ же раньше стояло? Нѣтъ, еще раньше. Ну, вотъ это другое дѣло. Зѣвокъ. Пошелъ такъ. Да, — красная роза въ зубахъ, черные ажурные чулки по сѣи мѣста и больше ни-че-го, — это я понимаю это высшее... а теперь вмѣсто восторговъ любви — сырой камень, ржавое желѣзо, а впереди... сами знаете, что впереди. Не замѣтилъ. А если такъ? Такъ лучше. Партія все равно — моя, вы дѣлаете ошибку за ошибкой. Пускай она измѣняла вамъ, но вѣдь и вы держали ее въ своихъ объятіяхъ. Когда ко мнѣ обращаются за совѣтами, я всегда говорю: господа, побольше изобрѣтательности. Ничего нѣтъ пріятнѣе, на примѣръ, чѣмъ окружиться зеркалами и смотрѣть, какъ тамъ кипитъ работа, — замѣчательно! А вотъ это вовсе не замѣчательно. Я честное слово думалъ, что пошелъ не сюда, а сюда. Такъ что вы не могли... Назадъ, пожалуйста. Я люблю при этомъ курить сигару и говорить о незначительныхъ вещахъ, и чтобы она тоже говорила, — ничего не подѣлаешь, извѣстная развратность... Да, — тяжело, страшно и обидно сказать всему этому «прости» — и думать, что другіе такіе же молодые и сочные, будутъ продолжать работать, работать... эхъ! не знаю, какъ вы, но я въ смыслѣ ласокъ обожаю

то, что у насъ, у борцовъ, зовется макароны: шлепъ ее по шеѣ, и чѣмъ плотнѣе мяса... Во-первыхъ, могу съѣсть, во-вторыхъ, могу просто уйти; ну, такъ. Пойдите, пойдите, я все-таки еще подумаю. Какой былъ послѣдній ходъ? Поставьте обратно и дайте подумать. Вздоръ, никакого мата нѣтъ. Вы, по-моему, тутъ что-то, извините смошенничали, вотъ это стояло тутъ или тутъ, а не тутъ, я абсолютно увѣренъ. Ну, поставьте, поставьте...»

Онъ какъ бы нечаянно сбилъ нѣсколько фигуръ и, не удержавшись, со стономъ, смѣшаль остальные. Цинциннать сидѣлъ, облокотясь на одну руку; задумчиво копалъ коня, который въ области шеи былъ, казалось, не прочь вернуться въ ту хлѣбную стихію, откуда вышелъ.

«Въ другую игру, въ другую игру, въ шахматы вы не умѣете», — суетливо закричалъ м-сье Пьеръ и развернулъ ярко раскрашенную доску для игры въ гуся. Бросилъ кости — и сразу поднялся съ трехъ на двадцать семь, — но потомъ пришлось спуститься опять, — зато съ двадцати двухъ на сорокъ шесть взвился Цинциннать. Игра тянулась долго. М-сье Пьеръ наливался малиной, топалъ, злился, лѣзъ за костями подъ столъ и выдѣзаль оттуда, держа ихъ на ладони и клянясь, что именно такъ онѣ лежали на полу.

«Почему отъ васъ такъ пахнетъ?» — спросилъ Цинциннать со вздохомъ. Толстенное лицо м-сье Пьера исказилось принужденной улыбкой.

«Это у насъ въ семьѣ, — пояснилъ онъ съ достоинствомъ, — ноги немножко потѣютъ. Пробовалъ квасцами, но ничто не беретъ. Долженъ сказать, что, хотя страдаю этимъ съ дѣтства, и хотя ко всякому страданію принято относиться съ уваженіемъ, еще никто никогда такъ безтактно — —»

«Я дышать не могу», — сказалъ Цинциннать.

Они были еще ближе — и теперь такъ торопились, что грѣшно было ихъ отвлекать выстукиваніемъ вопросовъ. И продолжались они позже чѣмъ вчера, и Цинциннать лежалъ на плитахъ крестомъ, ничкомъ, какъ сраженный солнечнымъ ударомъ, и, потворствуя ряженію чувствъ, ясно, черезъ слухъ видѣлъ потайной ходъ, удлиняющійся съ каждымъ скребомъ, и ощущалъ, словно ему облегчали темную, тѣсную боль въ груди, какъ расшатываются камни, и уже гадалъ, глядя на стѣну, гдѣ-то она дастъ трещину и съ грохотомъ разверзнется.

Еще потрескивало и шуршало, когда пришелъ Родіонъ. За нимъ, въ балетныхъ туфляхъ на босу ногу и шерстяномъ платицѣ въ шотландскую клѣтку, шмыгнула Эммочка и, какъ уже разъ было, спряталась подъ столъ, скрючившись тамъ на корточкахъ, такъ что ея льняные волосы, вьющіеся на концахъ, покрывали ей и лицо, и колѣни, и даже лодыжки. Лишь только Родіонъ удалился, она вспрянула — да прямо къ Цинциннату, сидѣвшему на койкѣ, и, опрокинувъ его, пустилась по немъ карабкаться. Холодные пальцы ея горячихъ голыхъ рукъ впивались въ него, она скалилась, къ переднимъ зубамъ пристала кусочекъ зеленого листа.

«Садись смирно, — сказалъ Цинциннатъ, — я усталъ, всю ночь сомей не очкнулъ, — садись смирно и расскажи мнѣ —»

Эмочка, возясь, уткнулась лбомъ ему въ грудь; изъ подъ ея разсыпавшихся и въ сторону свѣсившихся буклей обнажилась въ заднемъ вырѣзѣ платья верхняя часть спины, со впадиной, мѣнявшейся отъ движеній лопатокъ и вся ровно поросшая бѣлесоватымъ пушкомъ, казавшимся симметрично расчесаннымъ.

Цинциннатъ погладилъ ее по теплой головѣ, стараясь ее приподнять. Схватила его за пальцы и стала ихъ тискать и прижимать къ быстрымъ губамъ.

«Вотъ ластушка, — сонно сказалъ Цинциннатъ — ну, будетъ, будетъ. Расскажи мнѣ — —»

Но ея овладѣлъ порывъ дѣтской буйности. Этотъ мускулистый ребенокъ валялъ Цинцинната, какъ щенка. «Перестань! — крикнулъ Цинциннатъ. — Какъ тебѣ не стыдно!»

«Завтра», — вдругъ сказала она, сжимая его и смотря ему въ переносицу.

«Завтра умру?» — спросилъ Цинциннатъ.

«Нѣтъ спасу, — задумчиво проговорила Эмочка (она сидѣла на немъ верхомъ).

«Вотъ это славно, — сказалъ Цинциннатъ, — спасители отовсюду! Давно бы такъ, а то съ ума сойду. Пожалуйста слѣзь, мнѣ тяжело, жарко».

«Мы убѣжимъ, и вы на мнѣ женитесь».

«Можетъ быть, — когда подрастешь; но только жена у меня уже есть».

«Толстая, старая», — сказала Эмочка.

Она соскочила съ постели и побѣжала вокругъ камеры, какъ бѣгаютъ танцовщицы, крупной рысью, тряся волосами, и потомъ прыгнула, будто

летя, и наконецъ закружилась на мѣстѣ, раскинувъ множество рукъ.

«Скоро опять школа», — сказала она, мгновенно сѣвъ къ Цинциннату на колѣни, — и, тотчасъ все забывъ на свѣтѣ, погрузилась въ новое занятіе: принялась колупать черную продольную корку на блестящей голени, корка уже наполовину была снята, и нѣжно розовѣлъ шрамъ.

Цинциннатъ, щурясь, глядѣлъ на ея склоненный, обведенный пушистой каемкой свѣта, профиль, и дремота долила его.

«Ахъ, Эмочка, помни, помни, что ты обѣщала. Завтра! Скажи мнѣ, какъ ты устроишь?»

«Дайте ухо», — сказала Эмочка.

Обнявъ его за шею одной рукой, она жарко, влажно и совершенно невнятно загудѣла ему въ ухо. «Ничего не слышу», — сказалъ Цинциннатъ.

Нетерпѣливо откинула съ лица волосы и опять приникла.

«Бу... бу... бу...» — гулко бормотала она — и вотъ отскочила, взвилась, — и вотъ уже отдыхала на чуть качавшейся трапеціи, сложивъ и вытянувъ клиномъ носки.

«Я все же очень на это рассчитываю», — сквозь растущую дрему проговорилъ Цинциннатъ; медленно приникъ мокрымъ гудящимъ ухомъ къ подушкѣ.

Засыпая, онъ чувствовалъ, какъ она переѣзжала черезъ него, — и потомъ ему неясно мерещилось, что она иди кто-то другой безъ конца складываетъ какую-то блестящую ткань, беретъ за углы, и складываетъ, и поглаживаетъ ладонью, и складываетъ опять, — и на минуту онъ очнулся отъ визга Эмочки, которую выволакивалъ Родіонъ.

Потомъ ему показалось, что осторожно возобновились завѣтные звуки за стѣной... какъ риско-

ванно! Вѣдь середина дня... но они не могли сдержаться, и тихохонько проталкивались къ нему все ближе, все ближе, — и онъ, испугавшись, что сторожа услышать, началъ ходить, топать, кашлять, напѣвать, — и когда, съ сидьно бьющимся сердцемъ, сѣлъ за столъ, звуковъ уже не было.

А къ вечеру, — какъ теперь завелось, — явился м-сье Пьеръ, въ парчевой тубетейкѣ; непринужденно, по-домашнему, прилегъ на Цинциннатову койку и, пышно раскуривъ длинную пѣнковую трубку съ рѣзнымъ подобіемъ пэри, оперся на локотокъ. Цинциннать сидѣлъ у стола, дожевывая ужинъ, выжививыя черносливъ изъ коричневаго сока.

«Я ихъ сегодня припудрилъ, — бойко сказалъ мсь-е Пьеръ, — такъ что прошу безъ жалобъ и безъ замѣчаній. Давайте продолжимъ, нашъ вчерашній разговоръ. Мы говорили о наслажденіяхъ».

«Наслажденіе любовное, — сказалъ м-сье Пьеръ, — достигается путемъ одного изъ самыхъ красивыхъ и полезныхъ физическихъ упражненій, какія вообще извѣстны. Я сказалъ — достигается, но можетъ быть слово «добывается» или «добыча» было бы еще умѣстнѣе, ибо рѣчь идетъ именно о планомѣрной и упорной добычѣ наслажденія, заложеннаго въ самыхъ нѣдрахъ обрабатываемаго существа. Въ часы досуга работникъ любви сразу поражаетъ наблюдателя соколинымъ выраженіемъ глазъ, веселостью нрава и свѣжимъ цвѣтомъ лица. Обратите также вниманіе на плавность моей походки. Итакъ, мы имѣемъ передъ собой нѣкое явленіе, или рядъ явленій, которыя можно объединить подъ общимъ терминомъ любовнаго или эротическаго наслажденія».

Тутъ, на цыпочкахъ, показывая жестами,

чтобы его не замѣчали, вошелъ директоръ и сѣлъ на табуретъ, который самъ принесъ.

М-сье Пьеръ обратилъ на него взоръ, блестящій доброжелательствомъ.

«Продолжайте, продолжайте, — зашепталъ Родригъ Ивановичъ, — я пришелъ послушать. *Parдон*, одну минуточку, — только поставлю такъ, чтобы можно было къ стѣнѣ прислониться. *Voilà*. Умаялся все-таки, — а вы?»

«Это у васъ съ непривычки, — сказалъ м-сье Пьеръ. — Такъ разрѣшите продолжать. Мы тутъ бесѣдовали, Родригъ Ивановичъ, о наслажденіяхъ жизни и разобрали въ общихъ чертахъ эросъ.»

«Понимаю», — сказалъ директоръ.

«Я слѣдующіе отмѣтилъ пункты... вы извините, коллега, что повторю, но мнѣ хочется, чтобы Родригу Ивановичу тоже было интересно. Я отмѣтилъ, Родригъ Ивановичъ, что мужчинѣ, осужденному на смерть, труднѣе всего забыть женщину, вкусное женское тѣло».

«И лирику лунныхъ ночей», — добавилъ отъ себя Родригъ Ивановичъ, строго взглянувъ на Цинциннату.

«Нѣтъ, вы ужъ не мѣшайте мнѣ развивать тему, захотите, — послѣ скажете. Итакъ, я продолжаю. Кромѣ наслажденій любовныхъ имѣется цѣлый рядъ другихъ, и къ нимъ мы теперь перейдемъ. Вы, вѣроятно, не разъ чувствовали, какъ расширяется грудь въ чудный весенній день, когда наливаются почки, и пернатые пѣвцы оглашаютъ рощи, одѣтые первой клейкой листвою. Первые скромные цвѣтики кокетливо выглядываютъ изъ-подъ травы и какъ будто хотятъ завлечь страстнаго любителя природы, боязливо шепча: «ахъ не надо, не рви насъ, наша жизнь корот-

на». Расширяется и широко дышитъ грудь въ такой день, когда поютъ пташки, и на первыхъ деревьяхъ появляются первые скромные листочки. Все радуется, и все ликуетъ».

«Мастерское описаніе апрѣля», — сказалъ директоръ, тряхнувъ щеками.

«Я думаю, что каждый испыталъ это, — продолжалъ м-сье Пьеръ, — и теперь, когда не сегодня завтра мы всѣ взойдемъ на плаху, незабвенное воспоминаніе такого весенняго дня заставляеть крикнуть: «о, вернись, вернись; дай мнѣ еще разъ пережить тебя». — «Пережить тебя, — повторилъ м-сье Пьеръ, довольно откровенно заглянувъ въ мелко исписанный свиточекъ, который держалъ въ кулакѣ.

«Далѣе, — сказалъ м-сье Пьеръ, — переходимъ къ наслажденіямъ духовнаго порядка. Вспомните, какъ бывало въ грандіозной картинной галлерей или музеѣ, вы останавливались вдругъ и не могли оторвать глазъ отъ какого-нибудь пикантнаго торса, — увы, изъ бронзы или мрамора. Это мы можемъ назвать: наслажденіе искусствомъ, — оно занимаетъ въ жизни не малое мѣсто».

«Еще бы», — сказалъ въ носъ Родригъ Ивановичъ и посмотрѣлъ на Цинцинната.

«Гастрономическія наслажденія, — продолжалъ м-сье Пьеръ. — Смотрите: вотъ — лучшіе сорта фруктовъ свисаютъ съ древесныхъ вѣтвей; вотъ — мясникъ и его помощники влекутъ свинью, кричащую такъ, какъ будто ее рѣжутъ; вотъ — на красивой тарелкѣ солидный кусокъ бѣлаго сала; вотъ — столовое вино, вишневка; вотъ — рыбка, — не знаю, какъ остальные, но я большой охотникъ до леща».

«Одобрѣю», — пробасилъ Родригъ Ивановичъ.

«Этотъ чудный пиръ приходится покинуть».

И еще многое приходится покинуть: праздничную музыку; любимыя вещицы, вродѣ фото-аппарата или трубки; дружескія бесѣды; блаженство отправления естественныхъ надобностей, которое нѣкоторые ставятъ наравнѣ съ блаженствомъ любви; сонъ послѣ обѣда; куреніе... Что еще? Любимыя вещицы, — да, это уже было (опять появилась шпиргалка). Блаженство... и это было. Ну, всякія еще мелочи...»

«Можно кое-что добавить»? — подобострастно спросилъ директоръ, но м-сье Пьеръ покачалъ головой:

«Нѣтъ, вполне достаточно. Мнѣ кажется, что я развернулъ передъ умственнымъ взоромъ коллеги такія дали чувственныхъ царствъ...»

«Я только хотѣлъ насчетъ съѣдобнаго, — замѣтилъ вполголоса директоръ. — Тутъ по-моему можно нѣкоторыя подробности. Напримѣръ, en fait de potage... Молчу, молчу», — испуганно закончилъ онъ, встрѣтивъ взглядъ м-сье Пьера.

«Ну, что-жъ, — обратился м-сье Пьеръ къ Цинциннату, — что вы на это скажете?»

«Въ самомъ дѣлѣ, что мнѣ сказать? — проговорилъ Цинциннатъ. — Сонный, навязчивый вздоръ».

«Неисправимъ!» — воскликнулъ Родригъ Ивановичъ.

«Это онъ такъ нарочно, — сказалъ съ грозной, фарфоровой улыбкой м-сье Пьеръ. — Повѣрьте мнѣ, онъ въ достаточной мѣрѣ чувствуетъ всю предельность описанныхъ мною явленій».

«... Но кое-чего не понимаетъ, — гладко вѣхалъ Родригъ Ивановичъ, — онъ не понимаетъ, что если бы сейчасъ честно призналъ свою блажь, честно призналъ, что любить то же самое, что любимъ мы съ вами, напримѣръ, на первое черепа-

ховый супъ, говорятъ, это стихійно вкусно, то-есть я хочу только замѣтить, что если бы онъ честно призналъ и раскаялся, — да, раскаялся бы, — вотъ моя мысль, — тогда была бы для него нѣкоторая отдаленная — не хочу сказать надежда, но во всякомъ случаѣ...»

«Пропустилъ насчетъ гимнастики, — зашепталъ м-сье Пьеръ, просматривая свою бумажку, — экая досада!»

«Нѣтъ, нѣтъ, прекрасно сказали, прекрасно, — вздохнулъ Родригъ Ивановичъ, — лучше нельзя было. Во мнѣ встрепенулись желанія, которыя дремали десятки лѣтъ. Вы что — еще посидите? Или со мной?»

«Съ вами. Онъ сегодня просто злюка. Даже не смотритъ. Царства ему предлагаешь, а онъ дуется. Мнѣ вѣдь нужно такъ мало, — одно словцо, кивокъ. Ну, ничего не подѣлаешь. Пошли, Родриго».

Вскорѣ послѣ ихъ ухода потухъ свѣтъ, и Цинциннатъ въ темнотѣ перебрался на койку (непріятно, чужой пепель, но больше некуда лечь) и, по всѣмъ хрящикамъ и позвонкамъ выхрустывая длинную тоску, весь вытянулся; вобралъ воздухъ и подержалъ его съ четверть минуты. Можетъ быть: просто каменщики. Чинять. Обманъ слуха: можетъ быть все это происходитъ далеко, далеко (выдохнулъ). Онъ лежалъ на спинѣ, шевеля торчавшими изъ-подъ одѣяла пальцами ногъ и поворачивая лицо то къ невозможному спасенію, то къ неизбежной казни. Свѣтъ вспыхнулъ опять.

Почесывая рыжую грудь подъ рубашкой, явился Родіонъ за табуретомъ. Увидѣвъ искомый предметъ, онъ недолго думая сѣлъ на него, тяжело крикнулъ, громадной ладонью помялъ опущенное лицо и повидимому собрался всхрапнуть.

«Еще не пріѣхалъ?» — спросилъ Цинциннатъ.

Родіонъ немедленно всталъ и вышелъ съ табуретомъ.

Мрикъ — мракъ.

Оттого ли, что со дня суда прошелъ нѣкоторый цѣльный срокъ: двѣ недѣли, — оттого ли, что приближеніе спасательныхъ звуковъ сулило переменъ въ судьбѣ, — но въ эту ночь Цинциннатъ мысленно занимался тѣмъ, что дѣлалъ смотръ часамъ, проведеннымъ въ крѣпости. Невольно уступая соблазну логическаго развитія, невольно (осторожно, Цинциннатъ!) сковывая въ цѣпь то, что было совершенно безопасно въ видѣ отдѣльныхъ, неизвѣстно куда относившихся, звеньевъ, онъ придавалъ смыслъ бессмысленному и жизнь неживому. На фонѣ каменной темноты онъ сейчасъ разрѣшалъ появляться освѣщеннымъ фигурамъ всѣхъ своихъ обычныхъ посѣтителей... впервые, впервые воображеніе его такъ снисходило къ нимъ. Появлялся докучный сосѣдъ-арестантикъ, съ надвнымъ личикомъ, доснящимся, какъ то восковое яблоко, которое на-дняхъ приносилъ балагуръ зять; появлялся адвокатъ, подвижной, поджарый, высвобождающій изъ рукавовъ фрака манжеты; появлялся мрачный библіотекаръ, и въ черномъ, гладкомъ париикѣ дебелый Родригъ Ивановичъ, и Эммочка, и вся Марфинькина семья, и Родіонъ, и другіе, смутные сторожа и солдаты, — и, вызывая ихъ, — пускай не вѣря въ нихъ, но все-таки вызывая, — Цинциннатъ давалъ имъ право на жизнь, содержалъ ихъ, питалъ ихъ собой. Ко всему этому присоединялась ежеминутная возможность возвращенія волнующаго стука, дѣйствующая, какъ разымчивое ожиданіе музыки, — такъ что Цинциннатъ находился въ странномъ, трепетномъ, опасномъ состояніи, — и съ какимъ-то возрастающимъ

торжествомъ били далекіе часы, — и вотъ, выходя изъ мрака, подавая другъ другу руки, смыкались въ кругъ освѣщенныя фигуры — и, слегка напирая вбокъ, и кренясь, и тащась, начинали — сперва тугое, влачащееся — круговое движеніе, которое постепенно выправлялось, легчало, ускорялось, — и вотъ уже пошло, пошло, — и чудовищныя тѣни отъ плечъ и головъ пробѣгали, повторяясь, все шибче по каменнымъ сводамъ, и тотъ неизбѣжный весельчакъ, который въ хороводѣ высоко поднимаетъ ноги, смѣша остальныхъ, болѣе чопорныхъ, отбрасывалъ на стѣны громадные черные углы своихъ безобразныхъ колѣнъ.

Утро прошло тихо, но зато около пяти пополудни начался сокрушительнѣйшій трескъ: тотъ, кто работалъ, рьяно торопился, безстыдно гремя; впрочемъ, не на много приблизился со вчерашняго дня.

Внезапно произошло нѣчто особенное: рухнула будто какая-то внутренняя преграда, и уже теперь звуки проявились съ такой выпуклостью и силой (мгновенно перейдя изъ одного плана въ другой — прямо къ рампѣ), что стало ясно: они вотъ тутъ, сразу за тающей, какъ ледъ, стѣной, и вотъ сейчасъ, сейчасъ прорвутся.

И тогда узникъ рѣшилъ, что пора дѣйствовать. Страшно спѣша, трепеща, но все же стараясь не терять надъ собой власти, онъ досталъ и надѣлъ тѣ резиновые башмаки, тѣ подотняные панталоны и куртку, въ которыхъ былъ, когда его взяли; нашелъ носовой платокъ, два носовыхъ платка, три носовыхъ платка (бѣглое преображеніе ихъ въ тѣ простыни, которыя связываются вмѣстѣ); на всякій случай сунулъ въ карманъ какую-то веревочку съ еще прикрученной къ ней деревянной штучкой для носки пакетовъ (не засовывалась, кончикъ висѣлъ); ринулся къ постели съ цѣлью такъ взбить и покрыть одѣяломъ подушку, чтобы получилось чучело спящаго; не сдѣлавъ этого, а кинулся къ

столу, съ намѣреніемъ захватить написанное; но и тутъ на подпути перемѣнилъ направленіе, ибо отъ побѣдоносной, бѣшеной стукотни мѣшались мысли... Онъ стоялъ, вытянувшись, какъ стрѣла, руки держа по швамъ, когда, въ совершенствѣ воплощая его мечту, желтая стѣна на аршинъ отъ пола дала молніевидную трещину, тотчасъ набрякла, толкаемая снутри, и внезапно съ грохотомъ разверзлась.

Изъ черной дыры въ облакѣ мелкихъ обломковъ выдѣзъ, съ киркой въ рукѣ, весь осыпанный бѣлымъ, весь извивающійся и шлепающійся; какъ толстая рыба въ пыли, весь зыблющійся отъ смѣха, м-сье Пьеръ, и, сразу за нимъ, — но ракомъ, — толстозады, съ прорѣхой, изъ которой торчалъ клокъ сѣрой ваты, безъ сюртука, тоже осыпанный всякой дрянью, тоже помирающій со смѣху, Родригъ Ивановичъ, и, выкатившись изъ дыры, они оба сѣди на полъ и уже безъ удержу затряслись, со всѣми переходами отъ хо-хо-хо до кхи-кхи-кхи и обратно, съ жалобными писканьями въ интервалахъ взрывовъ, — толкая другъ друга, другъ на друга валясь...

«Мы, мы, это мы», — выдавилъ наконецъ м-сье Пьеръ, повернувъ къ Цинциннату мѣловое лицо, причемъ желтый паричекъ его съ комическимъ свистомъ приподнялся и опалъ.

«Это мы», — проговорилъ неожиданнымъ для него фальцетомъ Родригъ Ивановичъ и густо загоготалъ снова, задравъ мягкія ноги въ невозможныхъ гетрахъ эксцентрика.

«Уфъ!» — произнесъ м-сье Пьеръ, вдругъ успокоившись; всталъ съ пола и, обивая ладонь о ладонь, оглянулся на дыру: «Ну и поработали же мы, Родригъ Ивановичъ! Вставайте, голубчикъ, довольно. Какая работа! Что же, теперь можно и

воспользоваться этимъ превосходнымъ тунелемъ... Позвольте васъ пригласить, милый сосѣдъ, ко мнѣ на стаканъ чаю».

«Если вы только меня коснетесь...» — прошелестѣлъ Цинциннатъ, — и, такъ какъ съ одной стороны, готовый его обнять и впихнуть, стоялъ бѣлый, потный м-сье Пьеръ, а съ другой, — тоже раскрывъ объятія, голоплечій, въ свободно висящей манишкѣ, — Родригъ Ивановичъ, и оба какъ бы медленно раскачивались, собираясь навалиться на него, то Цинциннатъ избралъ единственное возможное направленіе, а именно то, которое ему указывалось. М-сье Пьеръ легонько подталкивалъ его сзади, помогая ему вползать въ отверстіе. «Присоединяйтесь», обратился онъ къ Родригу Ивановичу, но тотъ отказался, сославшись на разстройство туалета.

Сплюснутый и зажмуренный, ползъ на карачкахъ Цинциннатъ, сзади ползъ м-сье Пьеръ, и, отовсюду тѣсня, давила на хребетъ, колола въ ладони, въ колѣни, кромѣшная тьма, полная осыпчиваго треска, и нѣсколько разъ Цинциннатъ утыкался въ тупикъ, и тогда м-сье Пьеръ тянулъ за икры, заставляя изъ тупика пятиться, и ежеминутно уголь, выступъ, неизвѣстно что больно задѣвало голову, и вообще тяготѣла надъ нимъ такая ужасная, безпросвѣтная тоска, что, не будь сзади сопящаго, бодучаго спутника, — онъ бы тутъ же легъ и умеръ. Но вотъ, послѣ длительнаго движенія въ узкой, угольно-черной тьмѣ (въ одномъ мѣстѣ, сбоку, красный фонарикъ тускло обдалъ лоскомъ черноту), послѣ тѣсноты, слѣпоты, духоты, — вдали показался округлявшійся блѣдный свѣтъ: тамъ былъ поворотъ и наконецъ — выходъ; неловко и кротко Цинциннатъ выпалъ

на каменный полъ, — въ пронзенную солнцемъ камеру м-сье Пьера.

«Милости просимъ», — сказалъ хозяинъ, вы-
лѣзая за нимъ; тотчасъ досталъ платяную щетку и
принялся ловко обчищать мигающаго Цинцинната,
деликатно сдерживая и смягчая движеніе тамъ,
гдѣ могло быть чувствительно. При этомъ онъ,
сгибаясь, будто опутывая его чѣмъ, ходилъ кру-
гомъ Цинцинната, который стоялъ совершенно
неподвижно, пораженный одной необыкновенно
простой мыслью, пораженный, вѣрнѣе, не самой
мыслью, — а тѣмъ, что она не явилась ему раньше.

«А я, разрѣшите, сдѣлаю такъ», — произнесъ
м-сье Пьеръ и етянулъ съ себя пыльную фуфай-
ку; на мгновеніе, какъ бы невзначай, напрягъ
руку, косясь на бирюзово-бѣлый бицепсъ и распро-
сраняя свойственное ему зловоніе. Вокругъ лѣва-
го соска была находчивая татуировка — два зе-
леныхъ листика, — такъ что самый сосокъ казал-
ся бутонемъ розы (изъ марципана и цуката). «При-
саживайтесь, прошу, — сказалъ онъ, надѣвая ха-
латъ въ яркихъ разводахъ; — чѣмъ богатъ, тѣмъ и
радъ. Мой номеръ, какъ видите, почти не отличает-
ся отъ вашего. Я только держу его въ чистотѣ и
украшаю... украшаю, чѣмъ могу». (Онъ слегка
задохнулся, вродѣ какъ отъ волненія).

Украшаю. Аккуратно выставилъ мадиновую
цифру стѣнной календарь съ акварельнымъ изо-
браженіемъ крѣпости при заходящемъ солнцѣ.
Одѣяло, сшитое изъ разноцвѣтныхъ ромбовъ,
прикрывало койку. Надъ ней кнопками были
прикрѣплены снимки игриваго жанра, и висѣ-
ла кабинетная фотографія м-сье Пьера; изъ-за
края рамы выпускалъ гофрированныя складки
бумажный вѣерокъ. На столѣ лежалъ крокоди-
ловый альбомъ, золотился циферблатъ дорожныхъ

часовъ, и надъ блестящимъ ободкомъ фарфороваго стакана съ нѣмецкимъ пейзажемъ глядѣли въ разныя стороны пять-шесть бархатистыхъ анютиныхъ глазокъ. Въ углу камеры былъ прислоненъ къ стѣнѣ большой футляръ, содержащій, казалось, музыкальный инструментъ.

«Я чрезвычайно счастливъ васъ видѣть у себя», — говорилъ м-сье Пьеръ, прогуливаясь взадъ и впередъ и каждый разъ проходя сквозъ косую полосу солнца, въ которой еще играла известковая пыль. — Мнѣ кажется, что за эту недѣлю мы съ вами такъ подружились, какъ то такъ хорошо, тепло сошлись, какъ рѣдко бываетъ. Васъ, я вижу, интересуешь, что внутри? Вотъ дайте (онъ переведъ духъ), дайте договорить, и тогда покажу вамъ»...

«Наша дружба, — продолжалъ, разгуливая и слегка задыхаясь м-сье Пьеръ, — наша дружба расцвѣла въ тепличной атмосферѣ темницы, гдѣ питалась одинаковыми тревогами и надеждами. Думаю, что я васъ знаю теперь лучше, чѣмъ кто-либо на свѣтѣ, — и ужъ конечно интимнѣе, чѣмъ васъ знала жена. Мнѣ поэтому особенно больно когда вы поддаетесь чувству злобы или бываете невнимательны къ людямъ... Вотъ сейчасъ, когда мы къ вамъ такъ весело явились, вы опять Родригъ Ивановича оскорбили напускнымъ равнодушіемъ къ сюрпризу, въ которомъ онъ принималъ такое милое, энергичное участіе, а вѣдь онъ уже далеко немолодъ, и немало у него собственныхъ заботъ. Нѣтъ, объ этомъ сейчасъ не хочу... Мнѣ только важно установить, что ни одинъ вашъ душевный оттѣнокъ не ускользаетъ отъ меня, и потому мнѣ лично кажется не совсѣмъ справедливымъ известное обвиненіе... Для меня вы прозрачны, какъ — извините изысканность сравненія — какъ краснѣ-

ющая невѣста прозрачна для взгляда опытнаго жениха. Не знаю, у меня что-то съ дыханіемъ, простите, сейчасъ пройдетъ. Но, если я васъ такъ близко изучилъ и — что таить — полюбилъ, крѣпко полюбилъ, — то и вы, стало быть, узнали меня, привыкли ко мнѣ, — болѣе того, привязались ко мнѣ, какъ я къ вамъ. Добиться такой дружбы, вотъ въ чемъ заключалась первая моя задача, и повидимому я разрѣшилъ ее успѣшно. Успѣшно. Сейчасъ будемъ пить чай. Не понимаю, почему не несуть».

Онъ сѣлъ, хватаясь за грудь, къ столу противъ Цинцинната, но сразу вскочилъ опять; вынулъ изъ подъ подушки кожаный кошелекъ, изъ кошелька — замшевый чехольчикъ, изъ чехольчика — ключъ и подошелъ къ большому футляру, стоявшему въ углу.

«Я вижу, вы потрясены моей аккуратностью», — сказалъ онъ и бережно опустилъ на полъ футляръ, оказавшійся увѣсистымъ и неповоротливымъ

«... но видите ли, аккуратность украшаетъ жизнь одинокаго человѣка, который этимъ доказываетъ самому себѣ — — »

Въ раскрывшемся футлярѣ, на черномъ бархатѣ, лежалъ широкій, свѣтлый топоръ.

«... самому себѣ доказываетъ, что у него есть гнѣздышко... Гнѣздышко, — продолжалъ м-сье Пьеръ, снова запирая футляръ, прислоняя его къ стѣнѣ и самъ прислоняясь, — гнѣздышко, которое онъ заслужилъ, свидѣ, наполнилъ своимъ тепломъ... Тутъ вообще большая философская тема, но по нѣкоторымъ признакамъ мнѣ кажется, что вамъ, какъ и мнѣ, сейчасъ не до темъ. Знаете что? Вотъ мой совѣтъ: чайку мы съ вами попьемъ послѣ, — а сейчасъ пойдите къ себѣ и прилягте, идите. Мы оба молоды, вамъ не слѣдуетъ оставаться

здѣсь дольше. Завтра вамъ объяснять, а теперь идите. Я тоже возбужденъ, я тоже не владѣю собой, вы должны это понять...»

Цинциннать тихо теребилъ запертую дверь.

«Нѣтъ, нѣтъ, вы — по нашему туннелю. Недаромъ же трудились. Ползкомъ, ползкомъ. Я дыру занавѣшиваю, а то некрасиво. Пожалуйте...»

«Самъ», — сказалъ Цинциннать.

Онъ влѣзъ въ черное отверстіе и, шурша ушибленными колѣнями, поползъ на четверенькахъ, проникая все глубже въ тѣсную темноту. М-сье Пьеръ, гудко вдогонку крикнувъ ему что-то насчетъ чая, повидимому завелъ сторку, — ибо Цинциннать сразу почувствовалъ себя отрѣзаннымъ отъ свѣтлой камеры, гдѣ только что былъ.

Съ трудомъ дыша шероховатымъ воздухомъ, натыкаясь на острое — и безъ особаго страха ожидая обвала, — Цинциннать вслѣпую пробирался по извилистому ходу и попадалъ въ каменные мѣшки, и, какъ смиренное отступающее животное, подавался назадъ, и, нащупавъ продолженіе хода, ползъ дальше. Ему не терпѣлось лечь на мягкое, хотя бы на свою койку, завернуться съ головой и ни о чемъ не думать. Это обратное путешествіе такъ затянулось, что, обдирая плечи, онъ началъ торопиться, поскольку ему это позволяло постоянное предчувствіе тупика. Духота дурманида, — и онъ рѣшилъ было замереть, поникнуть, вообразить себя въ постели и на этой мысли, быть можетъ, уснуть, — какъ вдругъ дно, по которому онъ ползъ, пошло внизъ, подъ весьма ощутимый уклонъ, и вотъ мелькнула впереди красновато-блестящая щель, и пахнуло сыростью, плѣсенью, точно онъ изъ нѣдръ крѣпостной стѣны перешелъ въ природную пещеру, и съ низкаго свода надъ

нимъ, каждая на коготкѣ, головкой внизъ, закутавшись, висѣли въ рядъ, какъ сморщенные плоды, летучія мыши въ ожиданіи своего выступленія, — щель пламенисто раздвинулась, и повѣяло свѣжимъ дыханіемъ вечера, и Цинциннать вылѣзъ изъ трещины въ скалѣ на волю.

Онъ очутился на одной изъ многихъ муравчатыхъ косинъ, которыя, какъ заостренныя темно-зеленыя волны, круто взлизывали на разныхъ высотахъ промежъ скалъ и стѣнъ уступами поднимавшейся крѣпости. Въ первую минуту у него такъ кружилась голова отъ свободы, высоты и простора, что онъ, вцѣпившись въ сырой дернъ, едва ли что-либо замѣчалъ, кромѣ того, что по-вечернему громко кричатъ ласточки, черными ножницами стригущія крашеный воздухъ, что закатное зарево охватило полнеба, что надъ затылкомъ поднимается со страшной быстротой слѣпая каменная крутизна крѣпости, изъ которой онъ, какъ капля, выжался, а подъ ногами — бредовые обрывы и клеверомъ курящійся туманъ.

Отдышавшись, справившись съ игрой въ глазахъ, съ дрожью въ тѣлѣ, съ напоромъ ахающей, ухающей, широко и далеко раскатывающейся воли, онъ прилѣпился спиной къ скалѣ и обвелъ глазами дымящуюся окрестность. Далеко внизу, гдѣ сумерки уже осѣли, едва виднѣлся въ струяхъ тумана узористый горбъ моста. А тамъ, по другой сторонѣ, дымчатый, синій городъ, съ окнами, какъ раскаленные угольки, не то еще занималъ блескъ у заката, не то уже засвѣтился за свой счетъ, — можно было различить, какъ, постепенно нанизываясь, зажигались бусы фонарей вдоль Крутой, — и была необычайно отчетлива тонкая арка въ верхнемъ ея концѣ. За городомъ все мглесто мрѣло, складывалось, ускользало, — но надъ

невидимыми садами, въ розовой глубинѣ неба, стояли цѣпью прозрачно огненные облачка, и тянулась одна длинная лиловая туча съ горящими прорѣзами по нижнему краю, — и пока Цинциннать глядѣлъ, тамъ, тамъ, вдали, венеціанской ярью вспыхнулъ поросшій дубомъ холмъ и медленно затмился.

Пьяный, слабый, скользя по жесткому дереву и балансируя, онъ двинулся внизъ, и къ нему сразу изъ-за выступа стѣны, гдѣ предостерегающе шуршала траурный терновникъ, выскочила Эммочка, съ лицомъ и ногами, розовыми отъ заката и, крѣпко схвативъ его за руку, повлекла за собой. Во всѣхъ ея движеніяхъ сказывалось волненіе, восторженная поспѣшность. «Куда мы? Внизъ?» — прерывисто спрашивала Цинциннать, смѣясь отъ нетерпѣнія. Она быстро повела его вдоль стѣны. Въ стѣнѣ отворилась небольшая зеленая дверь. Внизъ вели ступени, — незамѣтно проскочившія подъ ногами. Опять скрипнула дверь; за ней былъ темноватый проходъ, гдѣ стояли сундуки, платяной шкафъ, прислоненная къ стѣнѣ лѣсенка, и пахло керосиномъ; тутъ оказалось, что они съ чернаго хода проникли въ директорскую квартиру, ибо, — уже не такъ цѣпко держа его за пальцы, уже разсѣянно выпуская ихъ, Эммочка ввела его въ столовую, гдѣ, за освѣщеннымъ овальнымъ столомъ, всѣ сидѣли и пили чай. У Родрига Ивановича салфетка широко покрывала грудь; его жена — тощая, веснучатая, съ бѣлыми рѣсницами — передавала бублики м-сье Пьеру, который нарядился въ косоворотку съ пѣтушками; около самовара лежали въ корзинкѣ клубки цвѣтной шерсти, и блестѣли стеклянистыя спицы. Востроноса старушка въ наколкѣ и черной мантилкѣ хохлилась въ концѣ стола.

Увидѣвъ Цинциннату, директоръ разинулъ ротъ, и что-то съ угла потекло.

«Фуи, озорница!» — съ легкимъ нѣмецкимъ акцентомъ проговорила директорша.

М-сье Пьеръ, помѣшивая чай, застѣнчиво опустилъ глаза.

«Въ самомъ дѣлѣ, что за шалости? — сквозь дынный сокъ произнесъ Родригъ Ивановичъ. — Не говоря о томъ, что это противъ всякихъ правилъ!»

«Оставьте, — сказала м-сье Пьеръ, не поднимая глазъ. — Вѣдь они оба дѣти».

«Каникуламъ конецъ, вотъ и хочется ей пошалить», — быстро проговорила директорша.

Эмочка, нарочито стуча стуломъ, егозя и облизываясь, сѣла за столъ и, навсегда забывъ Цинциннату, принялась посыпать сахаромъ, сразу оранжевѣвшимъ, дохматый ломоть дыни, въ который затѣмъ вертляво впилаь, держа его за концы, доходившіе до ушей, и локтемъ задѣвая сосѣда. Сосѣдъ продолжалъ хлебать свой чай, придерживая между вторымъ и третьимъ пальцемъ торчавшую ложечку, но незамѣтно опустилъ лѣвую руку подъ столъ. «Ай!» — щекотливо дернулась Эмочка, не отрываясь впрочемъ отъ дыни.

«Садитесь-ка покамѣсть тамъ, — сказалъ директоръ, фруктовымъ ножомъ указывая Цинциннату зеленое, съ антимакассаромъ, кресло; стоявшее особнякомъ въ штофномъ полусумракѣ около складокъ портьеры. — Когда мы кончимъ, я васъ отведу во-свояси. Да садитесь, говорятъ вамъ. Что съ вами? Что съ нимъ? Вотъ непонятливый!»

М-сье Пьеръ наклонился къ Родригу Ивановичу и, слегка покраснѣвъ, что-то ему сообщилъ.

У того такъ и громыхнуло въ гортани:

«Ну, поздравляю васъ, поздравляю, — сказалъ онъ, съ трудомъ сдерживая порывы голоса. — Радостно!... Давно пора было... Мы всѣ...» — онъ взглянулъ на Цинциннату и уже собрался торжественно —

«Нѣтъ, еще рано, другъ мой, не смущайте меня», — прошептала м-сье Пьеръ, тронувъ его за рукавъ.

«Во всякомъ случаѣ, вы не откажетесь отъ второго стаканчика чаю», — игриво произнесъ Родригъ Ивановичъ, а потомъ, подумавъ и почавъ, обратился къ Цинциннату.

«Эй вы, тамъ. Можете пока посмотрѣть альбомъ. Дитя, дай ему альбомъ. Это къ ея (жестъ ножомъ) возвращенію въ школу нашъ дорогой гость сдѣлалъ ей... сдѣлалъ ей... Виновать, Петръ Петровичъ, я забылъ, какъ вы это назвали?»

«Фотогороскопъ», — скромно отвѣтилъ м-сье Пьеръ.

«Лимончикъ оставить?» — спросила директорша.

Висячая керосиновая лампа, оставляя въ темнотѣ глубину столовой (гдѣ только вспыхивалъ, откалывая крупныя секунды, бликъ маятника), проливала на уютную сервировку стола семейственный свѣтъ, переходившій въ звонъ чайнаго чина.

Спокойствіе. Паукъ высосалъ маленькую, въ бѣломъ пушку, бабочку и трехъ комнатныхъ мухъ, — но еще не совсѣмъ насытился и поспатривалъ на дверь. Спокойствіе. Цинциннатъ былъ весь въ ссадинахъ и синякахъ. Спокойствіе, ничего не случилось. Наканунѣ вечеромъ, когда его отвели обратно въ камеру, двое служителей кончали замазывать мѣсто, гдѣ давеча зіяла дыра. Теперь оно было отмѣчено всего лишь наворотами краски покруглѣе да погуще, — и дѣлалось душно при одномъ взглядѣ на снова ослѣпшую, огдохшую и уплотнившуюся стѣну.

Другимъ останкомъ вчерашняго дня былъ крокодиловый, съ массивной темно-серебряной монограммой, альбомъ, который онъ взялъ съ собою въ смиренномъ разсѣяніи: альбомъ особенный, а именно — фотогороскопъ, составленный изобрѣтательнымъ м-сье Пьеромъ, то-есть серія фотографій, съ естественной постепенностью представляющихъ всю дальнѣйшую жизнь данной персоны. Какъ это дѣлалось? А вотъ какъ. Сильно подправленные снимки съ сегодняшняго лица Эммочки дополнялись частями снимковъ чужихъ — ради туалетовъ, обстановки, ландшафтовъ, — такъ что получалась вся бутафорія ея будущаго. По порядку вставленные въ многоугольные оконца

каменно-плотнаго, съ золотымъ обрѣзомъ, картона и снабженныя мелко написанными датами, эти отчетливыя и на полувзглядъ неподдѣльныя фоторграфіи демонстрировали Эммочку сначала, какой она была сегодня, затѣмъ — по окончаніи школы, то-есть спустя три года, скромницей, съ чемоданчикомъ балерины въ рукѣ, затѣмъ — шестнадцати лѣтъ, въ пачкахъ, съ газовыми крыльцами за спиной, вольно сидящей на столѣ, съ поднятымъ бокаломъ, среди блѣдныхъ гулякъ, затѣмъ — лѣтъ восемнадцати, въ фатальномъ траурѣ, у перилъ надъ каскадомъ, затѣмъ... ахъ, во многихъ еще видахъ и позахъ, вплоть до самой послѣдней — лежачей.

При помощи ретушировки и другихъ фотофокусовъ какъ будто достигалось послѣдовательное измѣненіе лица Эммочки (искусникъ, между прочимъ, пользовался фотографіями ея матери), но стоило взглянуть ближе, и становилась безобразно ясной аляповатость этой пародіи на работу времени. У Эммочки, выходявшей изъ театра въ мѣхахъ съ цвѣтами, прижатыми къ плечу, были ноги, никогда не плясавшія; а на слѣдующемъ снимкѣ, изображавшемъ ее уже въ вѣнчальной дымкѣ, стояль рядомъ съ ней женихъ, стройный и высокій, но съ кругленькой фізіономіей м-сье Пьера. Въ тридцать лѣтъ у нея появлялись условныя морщины, проведенныя безъ смысла, безъ жизни, безъ знанія ихъ истиннаго значенія, — но знатоку говорящія совсѣмъ странное, какъ бываетъ, что случайное движеніе вѣтвей совпадаетъ съ жестомъ, понятнымъ для глухонѣмого. А въ сорокъ лѣтъ Эммочка умирала, — и тутъ позвольте васъ поздравить съ обратной ошибкой: лицо ея на смертномъ одрѣ никакъ не могло сойти за лицо смерти!

Родіонъ унесъ этотъ альбомъ, бормоча, что ба-

рышня сейчасъ уѣзжаетъ, а когда опять явился, счель нужнымъ сообщить, что барышня уѣхала: (Со вздохомъ) «У-ѣ-хали..! (Къ пауку) Будеть, будетъ съ тебя... (Показываетъ ладони) Нѣтъ у меня ничего. (Снова къ Цинциннату) Скучно, ой скучно будетъ намъ безъ дочки, вѣдь какъ летала, да пѣсни играла, баловница наша, золотой нашъ цвѣтокъ. (Послѣ паузы другимъ тономъ) Чтой-то вы нынче, сударь мой, никакихъ такихъ вопросовъ съ закавыкой не задаете? А?» «То-то», — самъ себѣ внушительно отвѣтилъ Родіонъ и съ достоинствомъ удалился.

А послѣ обѣда, совершенно официально, уже не въ арестантскомъ платьѣ, а въ бархатной курткѣ, артистическомъ галстукѣ бантомъ и новыхъ, на высокихъ каблукахъ, вкрадчиво поскрипывающихъ сапогахъ съ блестящими голенищами (чѣмъ то дѣлавшихъ его похожимъ на опернаго дѣсника) вошелъ м-сье Пьеръ, а за нимъ, почтительно уступая ему первенство въ продвиженіи, въ рѣчахъ, во всемъ, — Родригъ Ивановичъ и, съ портфелемъ, адвокатъ. Всѣ трое размѣстились у стола въ плетеныхъ креслахъ (изъ пріемной), Цинциннать же сперва ходилъ по камерѣ, единоборствуя съ постыднымъ страхомъ, но потомъ тоже сѣлъ.

Не очень ловко (неловкость, однако, испытанная, привычная) завозясь съ портфелемъ, отдергивая черную его щеку, держа его частью на колѣнѣ, частью опирая его о столъ — и сѣзжая то съ одной точки, то съ другой, — адвокатъ извлекъ большой блокъ-нотъ, заперъ или, вѣрнѣе, застегнулъ слишкомъ податливый и потому не сразу попадающій на зубъ портфель; положилъ его было на столъ, но передумалъ и, взявъ его за шиворотъ, опустилъ на полъ, прислонивъ его въ сидя-

чемъ положеніи пьянаго къ ножкѣ своего кресла; быстро вынулъ — точно изъ петлицы — эмалированный карандашъ, наотмашъ открылъ на столѣ блокнотъ и, ни на что и ни на кого не обращая вниманія, началъ ровно исписывать отрывныя страницы; но именно это невниманіе ко всему окружающему сугубо подчеркивало связь между бѣгомъ его карандаша и тѣмъ засѣданіемъ, на которое тутъ собрались.

Родригъ Ивановичъ сидѣлъ въ креслѣ, слегка откинувшись, — нажимомъ плотной спины заставляя трещать кресло, и опустивъ одну лиловатую лапу на подлокотникъ, а другую заложивъ за бортъ сюртука; время отъ времени онъ производилъ такое движеніе отвислыми щеками и напудреннымъ, какъ рахатлукумъ, подбородкомъ, словно высвобождалъ ихъ изъ какой-то вязкой, засасывающей среды.

М-сье Пьеръ, сидѣвшій посерединѣ, налилъ себѣ воды изъ графина, затѣмъ бережно-бережно положилъ на столъ кисти рукъ со сплетенными пальцами (игра фальшиваго аквамарина на мизинцѣ) и, опустивъ длинныя рѣсницы, секундъ десять благоговѣйно обдумывалъ, какъ начнетъ свою рѣчь.

«Милостивые государи, — не поднимая глазъ, тонкимъ голосомъ сказалъ наконецъ м-сье Пьеръ, — прежде всего и раньше всего позвольте мнѣ обрисовать двумя-тремя удачными штрихами то, что мною уже выполнено».

«Просимъ», — пробасилъ директоръ, сурово скрипнувъ кресломъ.

«Вамъ, конечно, извѣстны, господа, причины той забавной мистификаціи, которая требуется традиціей нашего искусства. Въ самомъ дѣлѣ. Каково было бы, если бы я, съ бухты-барахты

открывшись, предложилъ Цинциннату Ц. свою дружбу? Вѣдь это значило бы, господа, завѣдомо его оттолкнуть, испугать, возстановить противъ себя, — совершить словомъ, роковую ошибку».

Докладчикъ отпилъ изъ стакана и осторожно отставилъ его.

«Не стану говорить о томъ, — продолжалъ онъ, взмахнувъ рѣсницами, — какъ драгоценна для успѣха общаго дѣла атмосфера теплой товарищеской близости, которая постепенно, съ помощью терпѣнія и ласки, создается между приговореннымъ и исполнителемъ приговора. Трудно, или даже невозможно, безъ содраганія вспомнить варварство давно минувшихъ временъ, когда эти двое, другъ друга не зная вовсе, чужіе другъ другу, но связанные неумолимымъ закономъ, встрѣчались лицомъ къ лицу только въ послѣдній мигъ передъ самымъ таинствомъ. Все это измѣнилось, точно такъ же, какъ измѣнилось съ теченіемъ вѣковъ древнее, дикое заключеніе браковъ, похожее скорѣе на закланіе, — когда покорная дѣвственница швырялась родителями въ шатеръ въ незнакомцу».

(Цинциннать нашель у себя въ карманѣ серебряную бумажку отъ шоколада и сталъ ее мять).

«И вотъ, господа, для того, чтобы наладить самыя дружескія отношенія съ приговореннымъ, я поселился въ такой же мрачной камерѣ, какъ онъ, во образѣ такого же, чтобы не сказать болѣе, узника. Мой невинный сбманъ не могъ не удасться, и поэтому странно было бы мнѣ чувствовать какія-либо угрызенія; но я не хочу ни малѣйшей капли горечи на днѣ нашей дружбы. Несмотря на присутствіе очевидцевъ и на сознаніе своей конкретной

правоты, я у васъ (онъ протянулъ Цинциннату руку) прошу прощенія».

«Да, это — настоящій тактъ», — вполголоса произнесъ директоръ, и его воспаленные лягушачьи глаза увлажнились; онъ досталъ сложенный платокъ, поднесъ было къ бьющемуся вѣку, но раздумалъ, и вмѣсто того сердито и выжидательно уставился на Цинциннату. Адвокатъ тоже взглянулъ, но мелькомъ, при этомъ беззвучно двигая губами, ставшими похожими на его почеркъ, то-есть не прерывая связи со строкой, отдѣлившейся отъ бумаги и вотъ готовой опять побѣжать по ней дальше.

«Руку!» — побагровѣвъ, съ надсадомъ крикнулъ директоръ и такъ треснулъ по столу, что ушибся.

«Нѣтъ, не заставляйте его, если не хочетъ, — сказалъ спокойно м-сье Пьеръ. — Это вѣдь только проформа. Будемъ продолжать».

«Кроткій!» — пророкоталъ Родригъ Ивановичъ, бросивъ изъ-подъ бровей влажный, какъ лобзаніе, взглядъ на м-сье Пьера.

«Будемъ продолжать, — сказалъ м-сье Пьеръ. — За это время мнѣ удалось близко сойтись съ соѣдомъ. Мы проводили — — »

Цинциннату посмотрѣлъ подъ столъ. М-сье Пьеръ почему-то смѣшался, заерзалъ и покосился внизъ. Директоръ, приподнявъ уголь клеенки, посмотрѣлъ туда же и затѣмъ подозрительно взглянулъ на Цинциннату. Адвокатъ въ свою очередь нырнулъ, послѣ чего всѣхъ обвелъ взглядомъ и опять записалъ. Цинциннату выпрямился. (Ничего особеннаго — уронилъ серебряный комочекъ).

«Мы проводили, — продолжалъ м-сье Пьеръ обиженнымъ голосомъ, — долгіе вечера вмѣстѣ въ

непрерывныхъ бесѣдахъ, играхъ и всяческихъ развлеченіяхъ. Мы, какъ дѣти, состязались въ силѣ; я, слабенькій, бѣдненькій м-сье Пьеръ, разумѣется, о, разумѣется, пассивалъ передъ могучимъ ровесникомъ. Мы толковали обо всемъ — объ эротикѣ и другихъ возвышенныхъ матеріяхъ, и часы пролетели, какъ минуты, минуты, какъ часы. Иногда, въ тихомъ молчаніи — — »

Тутъ Родригъ Ивановичъ вдругъ гоготнулъ: «Imprayable, се разумѣется», — прошепталъ онъ, нѣсколько запоздало оцѣнивъ шутку.

«... Иногда, въ тихомъ молчаніи, мы сидѣли рядомъ, почти обнявшись, сумерничая, каждый думая свою думу, и обѣ сливались, какъ рѣки, лишь только мы открывали уста. Я дѣлился съ нимъ сердечнымъ опытомъ, училъ искусству шахматной игры, веселилъ своевременнымъ анекдотомъ. Такъ протекали дни. Результатъ налицо. Мы полюбили другъ друга, и строеніе души Цинцинната такъ же извѣстно мнѣ, какъ строеніе его шеи. Такимъ образомъ, не чужой, страшный дядя, а ласковый другъ, поможетъ ему взойти на красныя ступени, и безъ боязни предастся онъ мнѣ, — навсегда, на всю смерть. Да будетъ исполнена воля публики! (Онъ всталъ; всталъ и директоръ; адвокатъ, поглощенный писаніемъ, только слегка приподнялся). Такъ. Я попрошу васъ теперь, Родригъ Ивановичъ, офиціально объявить мое званіе, представить меня».

Директоръ поспѣшно надѣлъ очки, разгладилъ какую то бумажку и, рванувъ голосомъ, обратился къ Цинциннату:

«Вотъ... Это — м-сье Пьеръ... Vref... Руководитель казнью... Благодарю за честь, — добавилъ онъ, что-то спутавъ — и съ удивленнымъ выраженіемъ на лицѣ опустился опять въ кресло.

«Ну, это вы не очень, — проговорилъ недовольно м-сье Пьеръ. — Существуютъ же нѣкоторыя официальные формы, которыя надобно соблюдать. Я вовсе не педантъ, но въ такую важную минуту... Нечего прижимать руку къ груди, сплеховали, батенька. Нѣтъ, нѣтъ, сидите, довольно. Теперь перейдемъ... Романъ Виссаріоновичъ, гдѣ програмка?»

«А я вамъ ее далъ, — бойко сказалъ адвокатъ, — но впрочемъ...» — и онъ полѣзъ въ портфель.

«Нашель, не безпокойтесь, — сказалъ м-сье Пьеръ, — итакъ... Представленіе назначено на послѣзавтра... на Интересной площади. Не могли лучше выбрать... Удивительно! (Продолжаетъ читать бормоча себѣ подъ носъ) Совершеннолѣтніе допускаются... Талоны циркового абонемена дѣйствительны... Такъ, такъ, такъ... Руководитель казною — въ красныхъ лосинахъ... ну, это, положимъ, дудки, переборщили, какъ всегда... (Къ Цинциннату) Значить — послѣзавтра. Вы поняли? А завтра, — какъ велить прекрасный обычай, — мы должны вмѣстѣ съ вами отправиться съ визитами къ отцамъ города, — у васъ, кажется, спичечекъ, Родригъ Ивановичъ».

Родригъ Ивановичъ началъ бить себя по разнымъ частямъ ватой обложеннаго корпуса, выпучивъ глаза и почему-то вставъ. Наконецъ листокъ отыскался.

«Хорошо-сь, — сказалъ м-сье Пьеръ, — приобщите это къ дѣлу, Романъ Виссаріоновичъ, Кажется, все. Теперь по закону предоставляется слово — — »

«Ахъ нѣтъ, *c'est vraiment superflu*, — — поспѣшно перебилъ Родригъ Ивановичъ. — Это вѣдь очень устарѣлый законъ».

«По закону, — твердо повторилъ м-сье Пьеръ,

обращаясь къ Цинциннату, — предоставляется слово вамъ».

«Честный!» — надорванно произнесъ директоръ, тряся щеками.

Послѣдовало молчаніе. Адвокатъ писалъ такъ быстро, что больно было глазамъ отъ мельканія его карандаша.

«Я подожду одну полную минуту», — сказала м-сье Пьеръ, положивъ передъ собой на столъ толстые часики.

Адвокатъ порывисто вздохнулъ; началъ складывать густо исписанные листки.

Минута прошла.

«Засѣданіе окончено, — сказалъ м-сье Пьеръ, — идемте, господа. Вы мнѣ дайте, Романъ Виссаріоновичъ, просмотрѣть протоколъ, прежде чѣмъ гектографировать. Нѣтъ — погода, у меня сейчасъ глаза устали».

«Признаться, — сказалъ директоръ, — я иногда неволью жалѣю, что вышла изъ употребленія сис — — » — онъ въ дверяхъ нагнулся къ уху м-сье Пьера.

«О чемъ вы, Родригъ Ивановичъ?» — ревниво заинтересовался адвокатъ. Директоръ и ему шепнулъ.

«Да, дѣйствительно, — согласился адвокатъ, — впрочемъ, закончикъ можно обойти. Скажемъ, если растянуть на нѣсколько разиковъ — — »

«Но, но, — сказалъ м-сье Пьеръ, — полегче, шуты. Я зарубокъ не дѣлаю».

«Нѣтъ, мы просто такъ, теоретически, — искательно улыбнулся директоръ, а то раньше, когда можно было примѣнять — — » Дверь захлопнулась, голоса удалились.

Но почти тотчасъ явился къ Цинциннату еще одинъ гость, бібліотекаръ, пришедшій забрать

книги. Его длинное, блѣдное лицо въ ореолѣ пыльно-черныхъ волосъ вокругъ плѣши, длинный дрожащій станъ въ синеватой фуфайкѣ, длинныя ноги въ куцыхъ штанахъ, — все это вмѣстѣ произвело странное, болѣзненное впечатлѣніе, точно его прищемили и выплющили. Цинциннату, однако, сдавалось, что, вмѣстѣ съ пылью книгъ, на немъ осѣлъ налетъ чего-то отдаленно человѣческаго.

«Вы вѣрно, слышали — сказалъ Цинциннатъ, — послѣзавтра — мое истребленіе. Больше не буду брать книгъ».

«Больше не будете», подтвердилъ библіотекаръ.

Цинциннатъ продолжалъ: «Мнѣ хочется выполоть нѣсколько сорныхъ истинъ. У васъ есть время? Я хочу сказать, что теперь, когда знаю въ точности... Какая была прелесть въ томъ самомъ невѣдѣніи, которое такъ меня удручало... Книгъ больше не буду...»

«Что-нибудь мифологическое?» — предложилъ библіотекаръ.

«Нѣтъ, не стоитъ. Мнѣ какъ-то не до чтенія».

«Нѣкоторые берутъ», — сказалъ библіотекаръ.

«Да, я знаю, но право — не стоитъ».

«На послѣднюю ночь», — съ трудомъ докончилъ свою мысль библіотекаръ.

«Вы сегодня страшно разговорчивы», — усмѣхнулся Цинциннатъ. — «Нѣтъ, унесите все это. Quercus'а я одолѣть не могъ! Да, кстати: тутъ мнѣ ошибкой... эти томики... по арабски, что-ли.. я, увы, не успѣлъ изучить восточныя языки».

«Досадно», — сказалъ библіотекаръ.

«Ничего, душа наверстаетъ. Пойдите, не уходите еще. Я хоть и знаю, что вы только такъ — переплетены въ человѣчью кожу, все же... довольствуюсь малымъ... Послѣзавтра — — »

Но, дрожа, библіотекаръ ушелъ.

Обычай требовалъ, чтобы наканунѣ казни пассивный ея участникъ и активный вмѣстѣ являлись съ короткимъ прощальнымъ визитомъ ко всѣмъ главнымъ чиновникамъ, — но для ускоренія ритуала было рѣшено, что оныя лица соберутся въ пригородномъ домѣ замѣстителя управляющаго городомъ (самъ управляющій, его племянникъ, былъ въ отъѣздѣ, — гостилъ у друзей въ Притомскѣ), и что къ ужину, запросто, придутъ туда Цинциннать и м-сье Пьеръ.

Была темная ночь, съ сильнымъ теплымъ вѣтромъ, когда они, оба въ одинаковыхъ плащахъ, пѣшіе, въ сопровожденіи шести солдатъ съ алебардами и фонарями, перешли черезъ мостъ въ спящій городъ и, минуя главныя улицы, кремнистыми тропами между шумящихъ садовъ стали подниматься въ гору.

(Еще на мосту Цинциннать обернулся, высвободивъ голову изъ капюшона плаща: синяя, сложная, многобашенная громада крѣпости поднималась въ тусклое небо, гдѣ абрикосовую луну перечеркнула туча. Темнота надъ мостомъ моргала и морщилась отъ летучихъ мышей. «Вы обѣщали»... — прошепталъ м-сье Пьеръ, слегка сжавъ ему локоть, — и Цинциннать снова надвинулъ куколь.)

Эта ночная прогулка, которая, казалось, бу-

детъ такъ обильна печальными, ^ибезпечными, поющими, шепчущими впечатлѣніями, — ибо что есть воспоминаніе, какъ не душа впечатлѣнія? — получила на самомъ дѣлѣ смутной, незначительной и мелькнула такъ скоро, какъ это только бываетъ среди очень знакомой мѣстности, въ темнотѣ, когда разноцвѣтная дневная дробь замѣнена цѣлыми числами ночи.

Въ концѣ узкой и мрачной аллеи, гдѣ хрустѣлъ гравій и пахло можжевельникомъ, вдругъ явился театрално освѣщенный подъѣздъ съ бѣлосыми колоннами, фризами на фронтонѣ, лаврами въ кадкахъ, и, едва задержавшись въ вестибюлѣ, гдѣ метались, какъ райскія птицы, слуги, роня перья на черно-бѣлыя плиты, — Цинциннать и м-сье Пьеръ перешли въ залъ, гудѣвшій многочисленнымъ собраніемъ. Тутъ были всѣ.

Тутъ выдѣлялся характерной шевелюрой завѣдующій городскими фонтанами; тутъ вспыхивалъ червонными орденами черный мундиръ шефа телеграфистовъ; тутъ находился румяный, съ похабнымъ носомъ, начальникъ снабженія; и съ итальянской фамиліей укротитель львовъ; и судья, глухой старецъ; и, въ зеленыхъ лакированныхъ туфляхъ, управляющій садами; — и множество еще другихъ осанистыхъ, именитыхъ, сѣдовласыхъ особъ съ отталкивающими лицами. Дамы отсутствовали, ежели не считать попечительницы учебнаго округа, очень полной, въ сѣромъ сюртукѣ мужского покроя, пожилой женщины съ большими плоскими щеками и гладкой, блестящей, какъ сталь, прической.

Кто-то при общемъ смѣхѣ поскользнулся на паркетѣ. Люстра выронила одну изъ своихъ свѣчей. На небольшой, для осмотра выставленный, гробъ кѣмъ-то уже былъ положенъ букетъ. Стоя

съ Цинциннатомъ въ сторонѣ, м-сье Пьеръ указы валь своему воспитаннику эти явленія.

Но вотъ хозяинъ, смуглый старикъ съ эспаньолкой, хлопнулъ въ ладоши, распахнулись двери, и всѣ перешли въ столовую. М-сье Пьеръ и Цинцинната были посажены рядомъ во главѣ ослѣпительнаго стола, — и, сперва сдержанно, не нарушая приличій, съ доброжелательнымъ любопытствомъ, переходившимъ у нѣкоторыхъ въ скрытое умиленіе, всѣ поглядывали на одинаково, въ гамлетовки, одѣтую чету; затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ на губахъ м-сье Пьера разгоралась улыбка, и онъ начиналъ говорить, взгляды гостей устремлялись все откровеннѣе на него и на Цинцинната, который неторопливо, усердно и сосредоточенно, — какъ будто ища разрѣшенія задачи, — балансировалъ рыбный ножъ разными способами, то на солонкѣ, то на сгибѣ вилки, то прислонялъ его къ хрустальной вазочкѣ съ бѣлой розой, отличительно отъ другихъ украшавшей его приборъ.

Слуги, нанятые среди самыхъ ловкихъ франтовъ города, — лучшіе представители его малиновой молодежи, — рѣзво разносили кушанья (иногда даже перепархивая съ блюдомъ черезъ столъ), и общее вниманіе привлекала учтивая заботливость, съ которой м-сье Пьеръ ухаживалъ за Цинциннатомъ, сразу мѣняя свою разговорную улыбку на минутную серьезность, пока бережно клалъ лакомый кусокъ ему на тарелку, — послѣ чего, съ прежнимъ игривымъ блескомъ на розовомъ, безволосомъ лицѣ, продолжалъ на весь столъ остроумнѣйшій разговоръ — и вдругъ, на полусловѣ, чуть-чуть засутулясь, хватая соусникъ или перечницу, вопросительно взгляды валь на Цинцинната, который, впрочемъ, не при-

трагивался ни къ какой ѣдѣ, а все такъ же тихо, внимательно и усердно переставлялъ ножикъ.

«Ваше замѣчаніе, — весело сказалъ м-сье Пьеръ, обращаясь къ начальнику городского движенія, влѣпившему свое словцо и теперь предвкушавшему очаровательную реплику, — ваше замѣчаніе напоминаетъ мнѣ извѣстный анекдотъ о врачебной тайнѣ».

«Разскажите, мы не знаемъ, ахъ, разскажите», — потянулись со всѣхъ сторонъ къ нему голоса.

«Извольте, — сказалъ м-сье Пьеръ. — Приходитъ къ гинекологу — — »

«Звините за перебивку, — сказалъ укротитель львовъ (сѣдой усачъ съ пунцовой орденской лентой), — но утвержденъ ли господинъ, что та анекдота вцѣльно для ушей — — » онъ выразительно показалъ глазами на Цинцинната.

«Полноте, полноте, — строго отвѣчалъ м-сье Пьеръ, — я бы никогда не разрѣшилъ себѣ ни малѣйшей скабрзости въ присутствіи — — . Значитъ, приходитъ къ гинекологу старенькая дама (м-сье Пьеръ слегка выпятилъ нижнюю губу). У меня, говорить, довольно серьезная болѣзнь и боюсь, что отъ нея помру. Симптомы? — спрашиваетъ тотъ. — Голова, докторъ, трясется...» — и м-сье Пьеръ, шамкая и трясясь, изобразилъ старушку.

Гости грохнули. Въ другомъ концѣ стола глухой судья, страдальчески кривясь, какъ отъ запора смѣха, лѣзъ большимъ сѣрымъ ухомъ въ лицо къ хохотавшему эгоисту сосѣду и, теребя его за рукавъ, умолялъ сообщить, что разсказалъ м-сье Пьеръ, который, между тѣмъ, черезъ всю длину стола, ревниво слѣдилъ за судьбой своего анекдота и только тогда перемигнулъ, когда кто-то наконецъ удовлетворилъ любопытство несчастнаго.

«Вашъ удивительный афоризмъ, что жизнь есть врачебная тайна», — заговорилъ завѣдующій фонтанами, такъ брызгая мелкой слюной, что около рта у него играла радуга, — можетъ быть отлично примѣненъ къ странному случаю, происшедшему на дняхъ въ семьѣ моего секретаря. Представьте себѣ — — »

«Ну что, Цинциннатикъ, боязно?» — участливымъ полушопотомъ спросилъ одинъ изъ сверкающихъ слугъ, наливая вино Цинциннату; онъ поднималъ глаза; это былъ его шуринъ-острякъ: «боязно, поди? Вотъ хлебни винца до вѣнца...»

«Это что такое?» — холодно осадилъ болтуна м-сье Пьеръ, и тотъ, горбачась, проворно отступилъ — и вотъ уже наклонялся со своей бутылкой надъ плечомъ слѣдующаго гостя.

«Господа! — воскликнулъ хозяинъ, вставъ и держа на уровнѣ крахмальной груди бокаль съ блѣдно-желтымъ, ледянистымъ напиткомъ. — Предлагаю тостъ за — — »

«Горько!» — крикнулъ кто-то, и другіе подхватили.

«... На брудершафтъ, заклинаю... — измѣнившимся голосомъ, тихо, съ лицомъ, искаженнымъ мольбой, обратился м-сье Пьеръ къ Цинциннату, — не откажите мнѣ въ этомъ, заклинаю, это всегда, всегда такъ дѣлается...»

Цинциннать безучастно потрагивалъ свившіеся въ косыя трубочки края мокрой бѣлой розы, которую машинально вытянулъ изъ упавшей вазы.

«... Я, наконецъ, вправѣ требовать», — судорожно прошепталъ м-сье Пьеръ — и вдругъ, съ отрывистымъ, принужденнымъ смѣхомъ, вылилъ изъ своего бокала каплю вина Цинциннату на темя, а затѣмъ окропилъ и себя.

«Браво, браво!» — раздавались кругомъ крики, и сосѣдъ поворачивался къ сосѣду, выражая патетической мимикой изумленіе, восхищеніе, и звякали, чокаясь, небьющіяся, бокалы, и яблоки съ дѣтскую голову ярко громоздились среди пыльно-синнихъ гроздей винограда на крутогрудомъ серебряномъ кораблѣ, и столъ поднимался, какъ пологая алмазная гора, и въ туманахъ плафонной живописи путешествовала многорукая люстра, плачась, лучась, не находя пристанища.

«Я тронуть, тронуть», — говорилъ м-сье Пьеръ, и къ нему по очереди подходили, поздравляли его. Иные при этомъ оступались, кое-кто пѣлъ Отецъ городскихъ пожарныхъ былъ неприлично пьянъ; двое слугъ подъ шумокъ пытались утащить его, но онъ пожертвовалъ фалдами, какъ ящерица хвостомъ, и остался. Почтенная попечительница, багровѣя пятнами, безмолвно и напряженно откидываясь защищалась отъ начальника снабженія, который игриво нацѣвливался въ нее пальцемъ, похожимъ на морковь, какъ бы собираясь ее проткнуть или пощекотать, и приговаривалъ: «Ти-ти-ти-ти!»

«Перейдемъ, господа, на террасу», — провозгласилъ хозяинъ, и тогда Марфинькинъ братъ и сынъ покойнаго доктора Синеокова раздвинули, съ трескомъ деревянныхъ колець, занавѣсъ: открылась, въ покачивающемся свѣтѣ расписныхъ фонарей, каменная площадка, ограниченная въ глубинѣ кеглеобразными столбиками балюстрады, между которыми густо чернѣлись двойныя доли ночи.

Сытые, урчащіе гости расположились въ низкихъ креслахъ. Нѣкоторые околачивались около колоннъ, другіе у балюстрады. Тутъ же стоялъ Цинциннать, вертя въ пальцахъ мумію сигары,

и рядомъ съ нимъ, къ нему не поворачиваясь, но безпрестанно его касаясь то спиной, то бокомъ, м-сье Пьеръ говорилъ при одобрительныхъ возгласахъ слушателей:

«Фотографія и рыбная ловля — вотъ главные мо иувлеченія. Какъ это вамъ ни покажется страннымъ, но для меня слава, почести — ничто по сравненію съ сельской тишиной. Вотъ вы недовѣрчиво улыбаетесь, милостивый государь (мелькомъ обратилъ онъ къ одному изъ гостей, который немедленно отрекся отъ своей улыбки), но клянусь вамъ, что это такъ, а зря не клянусь. Любовь къ природѣ завѣщаль мнѣ отецъ, который тоже не умѣлъ лгать. Многіе изъ васъ, конечно, его помнятъ и могутъ подтвердить — даже письменно, если бы потребовалось».

Стоя у балюстрады, Цинциннатъ смутно всматривался въ темноту, — и вотъ, какъ по заказу, темнота прельстительно поблѣднѣла, ибо чистая теперь и высокая луна выскользнула изъ-за каракулевыхъ облачковъ, покрывая лакомъ кусты и трелью свѣта загораясь въ прудахъ. Вдругъ съ рѣзкимъ движеніемъ души Цинциннатъ понялъ, что находится въ самой гущѣ Тамариновыхъ Садовъ, столь памятныхъ ему и казавшихся столь недосягаемыми; мгновенно приложивъ одно къ одному, онъ понялъ, что не разъ съ Марфинькой тутъ проходилъ, мимо этого самага дома, въ которомъ былъ сейчасъ, и который тогда ему представлялся въ видѣ бѣлой виллы съ забитыми окнами, сквозившей въ листвѣ на пригоркѣ... Теперь, хлопотливымъ взглядомъ обслѣдуя мѣстность, онъ безъ труда освобождалъ отъ пленокъ ночной мглы знакомыя лужайки или, напротивъ, стиралъ съ нихъ лишнюю лунную пыль, дабы сдѣлать ихъ точно такими, какими были они въ памяти. Реставрируя

замазанную копотью ночи картину, онъ видѣлъ, какъ по-старому распредѣляются рощи, тропинки, ручьи... Вдали, упираясь въ металлическое небо, застыли на полномъ раскатѣ заманчивые холмы въ синеватомъ блескѣ и складкахъ мрака...

«Луна, балконъ, она и онъ», — сказалъ м-сье Пьеръ, улыбаясь Цинциннату, который тутъ замѣтилъ, что всѣ смотрятъ на него съ ласковымъ, выжидательнымъ участіемъ.

«Вы любуетесь ландшафтомъ? — вкрадчиво, держа руки за спиной, проговорилъ управляющій садами, — вы»... — онъ осѣкся, и какъ бы слегка смутясь, повернулся къ м-сье Пьеру: простите... вы разрѣшаете? Я собственно не былъ представленъ»...

«Ахъ, помилуйте, моего разрѣшенія не требуется», — вѣжливо отвѣтилъ м-сье Пьеръ и, прикоснувшись къ Цинциннату, тихо сказалъ: «Этотъ господинъ хочетъ съ тобой побесѣдовать».

«Ландшафтъ... Любуется ландшафтомъ? — повторилъ, кашлянувъ въ кулакъ, управляющій садами. — Но сейчасъ мало что видно. Вотъ погодите, ровно въ полночь, — это мнѣ обѣщаль нашъ главный инженеръ... Никита Лукичъ! А, Никита Лукичъ!»

«Я за него», — бодрымъ баскомъ отозвался Никита Лукичъ и подался впередъ, услужливо, вопросительно и радостно поворачивая то къ одному, то къ другому, свое молодежавое, мясистое, съ бѣлой щеткой усовъ, лицо и, удобно положа руки на плечи управляющему садами и м-сье Пьеру, между которыми онъ, высовываясь, стоялъ.

«Я рассказывалъ, Никита Лукичъ, что вы обѣщали ровно въ полночь, въ честь — — »

«А какъ же, — сочно отрѣзалъ главный ин.

женеръ. — Безпремѣнно сюрпризъ будетъ. Это уже будьте покойны. А который -то часъ, ребята?»

Онъ освободилъ чужія плечи отъ напора своихъ широкихъ рукъ и озабоченно ушелъ въ комнаты.

«Что-же, черезъ какихъ-нибудь восемь часовъ будемъ уже на площади, — сказалъ м-сье Пьеръ, вновь придавивъ крышку своихъ часиковъ. Спать придется немного. Тебѣ, милый, не холодно? Господинъ сказалъ, что будетъ сюрпризъ. Насъ, право, очень балуютъ. Эта рыбка за ужиномъ была неподобна».

«... Оставьте, бросьте», — раздался низкій голосъ попечительницы, которая надвигалась генеральской спиной и ватрушкой сѣдого шиньончика прямо на м-сье Пьера, отступая передъ указательнымъ пальцемъ начальника снабженія. «Ти-ти-ти, — игриво пищаль тотъ, — ти-ти-ти».

«Полегче, мадамъ, — крикнулъ м-сье Пьеръ, — мозоли у меня не казенныя».

«Обворожительная женщина», — безъ всякаго выраженія, вскользь, замѣтилъ начальникъ снабженія и, потанцовывая, направился къ группѣ мужчинъ, стоявшихъ у колоннъ, — и тѣнь его смѣшалась съ ихъ тѣнями, и вѣтерокъ качалъ бумажные фонари, и выдѣлялись изъ мрака то рука, важно расправляющая усь, то чашечка, поднятая къ старческимъ рыбьимъ губамъ, пытающимся со дна достать сахаръ.

«Вниманіе!» — вдругъ крикнулъ хозяинъ, вихремъ проносясь между гостей.

Сначала въ саду, потомъ за нимъ, потомъ еще дальше, вдоль дорожекъ, въ дубравахъ, на прогалинахъ и лугахъ, по одиночкѣ и пачками, зажигались рубиновые, сафирные, топазовые огоньки, постепенно цвѣтнымъ бисеромъ выкладывая ночь.

Гости заахали. М-сье Пьеръ, со свистомъ вобравъ воздухъ, схватилъ Цинцинната за кисть. Огоньки занимали все большую площадь: вотъ потянулись вдоль отдаленной долины, вотъ перекинулись въ видѣ длинной брошки на ту сторону, вотъ уже повыскочили на первыхъ склонахъ, — а тамъ пошли по холмамъ, забираясь въ самыя тайныя складки, обнюхивая вершины, переваливая черезъ нихъ! «Ахъ, какъ славно», — прошепталъ м-сье Пьеръ, на мигъ прижавшись щекой къ щекъ Цинцинната.

Гости аплодировали. Въ теченіе трехъ минутъ горѣлъ разноцвѣтнымъ свѣтомъ добрый милліонъ лампочекъ, искусно разсаженныхъ, въ травѣ, на вѣткахъ, на скалахъ, и въ общемъ размѣщенныхъ такимъ образомъ, чтобы составить по всему ночному ландшафту растянутый грандіозный вензель изъ П. и Ц. не совсѣмъ однако вышедшій. Затѣмъ всѣ разомъ потухли, и сплошная темнота подступила къ террасѣ.

Когда опять появился инженеръ Никита Лукичъ, его окружили и хотѣли качать. Но пора было думать и о заслуженномъ отдыхѣ. Передъ уходомъ гостей, хозяинъ предложилъ снять м-сье Пьера и Цинцинната у балюстрады. М-сье Пьеръ, хотя былъ снимаемымъ, все же руководилъ этой операціей. Свѣтовой взрывъ озарилъ бѣлый профиль Цинцинната и безглазое лицо рядомъ съ нимъ. Самъ хозяинъ подалъ имъ плащи и вышелъ ихъ проводить. Въ вестибюлѣ, спросонья гремя, разбирали алебарды сумрачные солдаты.

«Несказанно польщенъ визитомъ», — обратился на прощаніе хозяинъ къ Цинциннату: — «Завтра, — вѣрниѣ сегодня утромъ — я тамъ буду, конечно, и не только какъ офиціальное лицо,

но и какъ частное. Племянникъ мнѣ говорилъ, что ожидается большое скопленіе публики».

«Ну-съ, ни. Пера, ни. Пуха», — въ промежуткахъ тройного лобзанія сказалъ онъ м-сье Пьеру.

Цинциннать и м-сье Пьеръ въ сопровожденіи солдатъ углубились въ аллею.

«Ты въ общемъ хорошій, — произнесъ м-сье Пьеръ, когда они немножко отошли, — только почему ты всегда какъ-то — — ... Твоя застѣнчивость производитъ на свѣжихъ людей самое тягостное впечатлѣніе. Не знаю, какъ ты, — добавилъ онъ, — но, хотя я, конечно, въ восторгѣ отъ этой иллюминаціи и все такое, но у меня изжога и подозрѣніе, что далеко не все было на сливочномъ маслѣ».

Шли долго. Было очень тихо и туманно.

Токъ-токъ-токъ, — глухо донеслось откуда-то слѣва, когда они спускались по Крутой. — Токъ-токъ-токъ.

«Подлецы, — пробормоталъ м-сье Пьеръ. — Вѣдь клялись, что уже готово...»

Наконецъ перешли черезъ мостъ и стали подниматься въ гору. Луну уже убрали, и густыя башни крѣпости сливались съ тучами. Наверху, у третьихъ воротъ, въ шлафрокъ и ночномъ колпакѣ, ждалъ Родригъ Ивановичъ.

«Ну, что, какъ было?» — спросилъ онъ нетерпѣливо.

«Васъ не доставало», — сухо сказалъ м-сье Пьеръ.

«Придегъ, не спалъ, только продрогъ, и теперь — разсвѣтъ (быстро, нечетко, словъ не кончая, — какъ бѣгущій оставляетъ слѣдъ неполной подошвы, — писалъ Цинциннатъ), теперь воздухъ блѣденъ, и я такъ озябъ, что мнѣ кажется отвлеченное понятіе «холодъ» должно имѣть форму моего тѣла, и сейчасъ за мною придутъ. Мнѣ совѣстно, что я боюсь, а боюсь я дико, — страхъ, не останавливаясь ни на минуту, несется съ грознымъ шумомъ сквозь меня, какъ потокъ, и тѣло дрожить, какъ мостъ надъ водопадомъ, и нужно очень громко говорить, чтобы за шумомъ себя услышать. Мнѣ совѣстно, душа опозорилась, — это вѣдь не должно бы, не должно бы было быть, было бы быть, — только на корѣ русскаго языка могло вырасти это грибное губье сослагательнаго, — о, какъ мнѣ совѣстно, что меня занимаютъ, держать душу за полу, вотъ такія подробности, подрости, лѣзутъ, мокрыя, прощаться, лѣзутъ какія-то воспоминанія: я, дитя, съ книгой, сижу у бѣгущей съ шумомъ воды на припекѣ, и вода бросаетъ колеблющійся блескъ на ровныя строки старыхъ, старыхъ стиховъ, — о, какъ на склонѣ, — вѣдь я знаю, что этого не надо, — и суевѣрнѣй! — ни воспоминаній, ни боязни, ни этой страстной икоты: и суевѣрнѣй! — и я такъ надѣялся, что будетъ

все прибрано, все просто и чисто. Вѣдь я знаю, что ужасъ смерти это только такъ, безвредное, — можетъ быть даже здоровое для души, — содраганіе, захлебывающійся вопль новорожденнаго или неистовый отказъ выпустить игрушку, — и что живали иѣкогда въ вертепахъ, гдѣ звонъ вѣчной капли и сталактиты, смерторадостные мудрецы, которые, — большіе путаники, правда, — а по своему одолѣли, — и хотя я все это знаю, и еще знаю одну главную, главнѣйшую вещь, которой никто здѣсь не знаетъ, — все таки смотрите, куклы, какъ я боюсь, какъ все во мнѣ дрожить, и гудить, и мчится, — и сейчасъ придутъ за мной, и я не готовъ, мнѣ совѣстно...»

Цинциннатъ всталъ, разбѣжался и — головой объ стѣну, но настоящій Цинциннатъ сидѣлъ въ халатѣ за столомъ и глядѣлъ на стѣну, грызя карандашъ, и вотъ, слегка зашаркавъ подъ столомъ, продолжалъ писать — чуть менѣе быстро:

«Сохраните эти листы, — не знаю, кого прошу, — но: сохраните эти листы, — увѣряю васъ, что есть такой законъ, что это по закону, справьтесь, увидите! — пускай полежать, — что вамъ отъ этого сдѣлается? — а я такъ, такъ прошу, — послѣднее желаніе, — нельзя не исполнить. Мнѣ необходима, хотя бы теоретическая возможность имѣть читателя, а то, право, лучше разорвать. Вотъ это нужно было высказать. Теперь пора собираться».

Онъ опять остановился. Уже совсѣмъ прояснилось въ камерѣ, и по расположенію свѣта Цинциннатъ зналъ, что сейчасъ пробьетъ половина шестого. Дождавшись отдаленнаго звона, онъ продолжалъ писать, — но теперь уже совсѣмъ тихо и прерывисто, точно растратилъ всего себя на какое-то первоначальное восклицаніе.

«Слова у меня топчутся на мѣстѣ, — писалъ Цинциннатъ. — Зависть къ поэтамъ. Какъ хорошо должно быть пронестись по страницѣ и прямо со страницы, гдѣ остается бѣжать только тѣнь — сняться — и въ синеву. Неопрятность экзекуціи, всѣхъ манипуляцій, до и послѣ. Какое холодное лезвіе, какое гладкое топорщице. Наждачной бумажкой. Я полагаю, что боль разставанія будетъ красная, громкая. Написанная мысль меньше давить, хотя иная — какъ раковая опухоль: выразишь, выразишь, и опять нарастаетъ хуже прежняго. Трудно представить себѣ, что сегодня утромъ, черезъ часъ или два — — »

Но прошло и два часа и болѣе, и, какъ ни въ чемъ не бывало Родіонъ принесъ завтракъ, прибралъ камеру, очинилъ карандашъ, накормилъ паука, вынесъ парашу. Цинциннатъ ничего не спросилъ, но, когда Родіонъ ушелъ, и время потянулось дальше обычной своей трусцой, онъ понялъ, что его снова обманули, что зря онъ такъ напрягалъ душу, и что все осталось такимъ же неопредѣленнымъ, вязкимъ и бессмысленнымъ, какимъ было.

Часы только что пробили три или четыре (задремавъ и наполовину проснувшись, онъ не считалъ ударовъ, а лишь приблизительно запечатлѣлъ ихъ звуковую сумму), когда вдругъ отворилась дверь и вошла Марфинька. Она была румяна, выбился сзади гребень, вздымался тѣсный лифъ чернаго бархатнаго платья, — при этомъ что-то не такъ сидѣло, это ее дѣлало кривобокой, и она все поправлялась, одергивалась или на мѣстѣ быстро-быстро поводила бедрами, какъ будто что-то подъ низомъ неладно, неловко.

«Васильки тебѣ, — сказала она, бросивъ на столъ синій букетъ, — и, почти одновременно,

проворно откинувъ съ колѣна подолъ, поставила на стулъ полненькую ногу въ бѣломъ чулкѣ, натягивая его до того мѣста, гдѣ отъ резинки былъ на дрожащемъ нѣжномъ салѣ тисненный слѣдъ. — И трудно-же было добиться разрѣшенія! Пришлось, конечно, пойти на маленькую уступку, — однимъ словомъ, обычная исторія. Ну, какъ ты поживаешь, мой бѣдный Цинциннатикъ?»

«Признаться, не ждалъ тебя, — сказала Цинциннать. — Садись куда-нибудь».

«Я уже вчера добивалась, — а сегодня сказала себѣ: — лопну, а пройду. Онъ часъ меня держалъ, твой директоръ, — страшно, между прочимъ, тебя хвалилъ. Ахъ, какъ я сегодня торопилась, какъ я боялась, что не успѣю. Утречкомъ на Интересной ужасъ, что дѣлалось».

«Почему отмѣнили?» — спросилъ Цинциннать.

«А говорятъ, всѣ были уставши, плохо выспались. Знаешь, публика не хотѣла расходиться. Ты долженъ быть гордъ».

Продолговатая, чудно отшлифованная слеза поползла у Марфиньки по щекамъ, подбородку, гибко слѣдуя всѣмъ очертаніямъ, — одна даже дотекла до ямки надъ ключицей... но глаза смотрѣли все такъ же кругло, топырились короткіе пальцы съ бѣлыми пятнышками на ногтяхъ, и тонкія губы, скоро шевелясь, говорили свое.

«Нѣкоторые увѣряютъ, что теперь отложено надолго, да ни отъ кого по-настоящему нельзя узнать. Ты вообще не можешь себѣ представить, сколько слуховъ, какая безтолочь...»

«Что-жъ ты плачешь?» — спросилъ Цинциннать усмѣхнувшись.

«Сама не знаю, измоталась... (Груднымъ баскомъ). Надоѣли вы мнѣ всѣ. Цинциннать, Цин-

циннать, — ну и надѣлалъ же ты дѣловъ!.. Что о тебѣ говорятъ, — это ужасъ! Ахъ, слушай, — вдругъ перемѣнила она побѣжку рѣчи, заулыбавшись, причмокивая и прихорашиваясь: на-дняхъ — когда это было? да, позавчера — приходитъ ко мнѣ какъ ни въ чемъ не бывало такая мадамочка, вродѣ докторши что-ли, совершенно незнакомая, въ ужасномъ ватерпруфѣ, и начинается: такъ и такъ... дѣло въ томъ... вы понимаете... Я ей говорю: нѣтъ, пока ничего не понимаю. — Она — ахъ, нѣтъ, я васъ знаю, вы меня не знаете — — Я ей говорю... (Марфинька, представляя собесѣдницу впадала въ тонъ суетливый и безтолковый, но трезво тормозила на растянутомъ: я ей говорю — и, уже передавая свою рѣчь, изображала себя какъ снѣгъ спокойной). Однимъ словомъ, она стала увѣрять меня, что она твоя мать, хотя, по-моему, даже съ возрастомъ не выходитъ, но все равно, и что она безумно боится преслѣдованій, будто, значить, ее и допрашивали и всячески подвергали. Я ей говорю: причемъ же тутъ я, и отчего, собственно, вы желаете меня видѣть? Она — ахъ, нѣтъ, такъ и такъ, я знаю, что вы страшно добрая, что вы все сдѣлаете... Я ей тогда говорю: отчего собственно вы думаете, что я добрая? Она — такъ и такъ, ахъ, нѣтъ, ахъ да, — и вотъ просить, нельзя ли ей дать такую бумажку, чтобы я, значить, руками и ногами подписала, что она никогда не бывала у насъ, и съ тобой не видалась... Тутъ, знаешь, такъ смѣшно стало Марфинькѣ, такъ смѣшно! Я думаю (протяжнымъ, низкимъ голоскомъ), что это какая-то ненормальная, помѣшанная, правда? Во всякомъ случаѣ я ей, конечно, ничего не дала, Викторъ и другіе говорили, что было бы слишкомъ компрометантно, — что, значить, я вообще знаю каждый твой шагъ, если знаю,

что ты съ ней незнакомъ, — и она ушла, очень, кажется, сконфуженная».

«Но это была дѣйствительно моя мать», — сказалъ Цинциннать.

«Можетъ быть, можетъ быть. Въ концѣ концовъ, это не такъ важно. А вотъ, почему ты такой скучный, кислый, Цинь-Цинь? Я думала, ты будешь такъ радъ мнѣ, а ты — — »

Она взглянула на койку, потомъ на дверь.

«Я не знаю, какія тутъ правила, — сказала она вполголоса, — но если тебѣ нужно, Цинциннатикъ, пожалуйста, только скоро».

«Оставь. Что за вздоръ», — сказалъ Цинциннать.

«Ну, какъ желаете. Я только хотѣла тебѣ доставить удовольствіе, разъ это послѣднее свидѣніе и все такое. Ахъ, знаешь, на мнѣ предлагаетъ жениться — ну, угадай кто? никогда не угадаешь, — помнишь, такой старый хрычъ, одно время рядомъ съ нами жилъ, все трубкой смердѣлъ черезъ заборъ да поглядывалъ, когда я на яблоню лазила. Каковъ? И главное — совершенно серьезно! Такъ я за него и пошла, за пугало рваное, фу! Я вообще чувствую, что мнѣ нужно хорошенько, хорьшенько отдохнуть, — зажмуриться, знаешь, вытянуться, ни о чемъ не думать, — отдохнуть, отдохнуть, — и конечно совершенно одной или съ человѣкомъ, который дѣйствительно бы заботился, все понималъ, все...»

У нея опять заблестѣли короткія, жесткія рѣсницы, и поползли слезы, змѣясь по ямкамъ яблочно румяныхъ щекъ.

Цинциннать взялъ одну изъ этихъ слезъ и попробовалъ на вкусъ: не соленая и не сладкая, — просто капля комнатной воды. Цинциннать не сдѣлалъ этого.

Вдругъ дверь взвизгнула, отворилась на вершокъ, Марфиньку поманилъ рыжій палець. Она быстро подошла къ двери.

«Ну что вамъ, вѣдь еще не пора, мнѣ обѣщали цѣлый часъ», — прошептала она скороговоркой. Ей что-то возразили.

«Ни за что! сказала она съ негодованіемъ. — Такъ и передайте. Уговоръ былъ, что только съ дирек — »

Ее перебили; она вслушалась въ настойчивое бормотаніе; потупилась, хмурясь и скребя туфелькой полъ.

«Да ужъ ладно», — грубовато проговорила она и съ какой-то невинной живостью повернулась къ мужу: — «Я черезъ пять минуточекъ вернусь, Цинциннатикъ».

(Пока мѣсть она отсутствовала, онъ думалъ о томъ, что не только еще не приступилъ къ неотложному, важному разговору съ ней, но что не могъ теперь даже выразить это важное... Вмѣстѣ съ тѣмъ у него ныло сердце, и все то же воспоминаіе скулило въ уголку, — а пора, пора было отъ всей этой тоски поотвыкнуть.)

Она вернулась только черезъ три четверти часа, неизвѣстно по поводу чего презрительно, въ носъ, усмѣхаясь; поставила ногу на стулъ, щелкнула подвязкой и, сердито одернувъ складки около талии, сѣла къ столу, точь-въ-точь, какъ сидѣла давеча.

«Зря, — произнесла она съ усмѣшкой и начала перебирать синіе цвѣты на столѣ. — Ну, скажи мнѣ что-нибудь, Цинциннатикъ, пѣтушокъ мой, вѣдь — — Я знаешь, ихъ сама собирала, маковъ не люблю, а вотъ эти — прелесть. Не лѣзь, если не можешь», — другимъ тономъ неожиданно добавила она, прищурившись. — «Нѣтъ, Цин-Цинъ,

это я не тебѣ. (Вздыхнула) Ну, скажи мнѣ что-нибудь, утѣшь меня».

«Ты мое письмо... — началъ Цинциннать и кашлянулъ, — ты мое письмо прочла внимательно, — какъ слѣдуетъ?»

«Прошу тебя, — воскликнула Марфинька, схватясь за виски, — только не будемъ о письмѣ!»

■ «Нѣтъ, будемъ», — сказала Цинциннать.

Она вскочила, судорожно оправляясь, — и заговорила сбивчиво, слегка шепеляво, какъ говорила, когда гнѣвалась. «Это ужасное письмо, это бредъ какой-то, я все равно не поняла, можно подумать, что ты здѣсь одинъ сидѣлъ съ бутылкой и писалъ. Не хотѣла я объ этомъ письмѣ, но разъ уже ты — — Вѣдь его, поди, прочли передатчики, списали, сказали: ага! она съ нимъ заодно, коли онъ ей такъ пишетъ. Пойми, я не хочу ничего знать о твоихъ дѣлахъ, ты не смѣешь мнѣ такія письма, преступленія свои навязывать мнѣ...»

«Я не писалъ тебѣ ничего преступнаго», — сказалъ Цинциннать.

«Это ты такъ думаешь, — но всѣ были въ ужасѣ отъ твоего письма, — просто въ ужасѣ! Я — дура, можетъ быть, и ничего не смыслю въ законахъ, но я и чутьемъ поняла, что каждое твое слово невозможно, недопустимо... Ахъ, Цинциннать, въ какое ты меня ставишь положеніе, — и дѣтей, подумай о дѣтяхъ... Послушай, — ну послушай меня минуточку, — продолжала она съ такимъ жаромъ, что рѣчь ея становилась вовсе невнятной, — откажись отъ всего, отъ всего. Скажи имъ, что ты невиновенъ, а что просто куражился, скажи имъ, покайся, сдѣлай это, — пускай это не спасетъ твоей головы, но подумай обо мнѣ, на меня вѣдь уже пальцемъ показываютъ: отъ она, вдова, отъ!»

«Постой, Марфинька. Я никакъ не пойму. Въ чемъ покаяться?»

«Такъ! Впутывай меня, задавай каверзные — Да кабы я знала въ чемъ, то значить я и была бы твоей сочасучасоучастницей. Это ясно. Нѣтъ, довольно, довольно. Я безумно боюсь объ этомъ — Скажи мнѣ въ послѣдній разъ, — неужели не хочешь, ради меня, ради всѣхъ насъ — — »

«Прощай, Марфинька», — сказала Цинциннатъ.

Она задумалась, сѣвъ, облокотившись на правую руку, а лѣвой чертя свой мiръ на столѣ.

«Какъ нехорошо, какъ скучно», — проговорила она, глубоко, глубоко вздохнувъ. Нахмурилась и провела ногтемъ рѣку. — «Я думала, что свидимся мы совсѣмъ иначе. Я была готова все тебѣ дать. Стоило стараться! Ну, ничего не подѣлаешь (Рѣка впала въ море — съ края стола). Я ухожу, знаешь, съ тяжелымъ сердцемъ. Да, но какъ же мнѣ вылѣзти? — вдругъ невинно и даже весело спохватилась она. — Не такъ скоро придуть за мной, я выговорила себѣ бездну времени».

«Не безпокойся, — сказалъ Цинциннатъ, — каждое наше слово... Сейчасъ отопрутъ».

Онъ не ошибся.

«Плящай, плящай, — залепетала Марфинька. — Постойте, не лапайтесь, дайте проститься съ мужемъ. Плящай. Если тебѣ что нужно въ смыслѣ рубашечекъ или тамъ — Да, дѣти просили тебя крѣпко, крѣпко поцѣловать. Что-то еще... Ахъ, чуть не забыла: папаша забралъ себѣ ковшикъ, который я подарила тебѣ, и говоритъ, что ты ему будто — — »

«Потарапливайтесь, барынька», — перебилъ Родіонъ, фамильярной колѣнкой подталкивая ее къ выходу.

На другое утро ему доставили газеты, — и это напомнило первые дни заключенія. Тотчасъ кинулся въ глаза цвѣтной снимокъ: подъ синимъ небомъ — площадь, такъ густо пестрящая публикой, что виденъ былъ лишь самый край темно-краснаго помоста. Въ столбцѣ, относившемся къ казни, половина строкъ была замазана, а изъ другой Цинциннать выудилъ только то, что уже зналъ отъ Марфиньки, — что маэстро не совсѣмъ здоровъ, и представленіе отложено — быть можетъ, надолго.

«Ну и гостинецъ тебѣ нонче», — сказала Родіонъ — не Цинциннату, а пауку.

Онъ несъ въ обѣихъ рукахъ, весьма бережно, но и брезгливо (заботливость велѣла прижать къ груди, страхъ — отстранить) ухваченное комомъ полотенце, въ которомъ что-то большое копошилось и шуршало:

«На окнѣ въ башнѣ пымалъ. Чудище! Ишь какъ шастаетъ, не удержишь...»

Онъ намѣревался пододвинуть стулъ, какъ всегда дѣлалъ, чтобы, ставъ на него, подать жертву на добротную паутину къ прожорливому пауку, который уже надувался, чуя добычу, — но случилась заминка, — онъ нечаянно выпустилъ изъ корявыхъ опасливыхъ пальцевъ глав-

ную складку подотенца и сразу вскрикнулъ, весь топорщась, какъ вскрикиваютъ и топорщатся тѣ, кому не то, что летучая, но простая мышь-катуничикъ внушаетъ отвращеніе и ужасъ. Изъ подотенца выпросталось большое, темное, усатое, — и тогда Родіонъ заоралъ во всю глотку, топчась на мѣстѣ, боясь упустить, схватить не смѣя. Подотенце упало; плѣнница же повисла у Родіона на обшлагѣ, уцѣпившись всѣми шестью липкими своими лапками.

Это была просто ночная бабочка, — но какая! — величиной въ мужскую ладонь, съ плотными, на сѣдоватой подкладкѣ, темно-коричневыми, мѣстами будто пылью посыпанными, крыльями, каждое изъ коихъ было посрединѣ украшено круглымъ, стального отлива, пятномъ въ видѣ ока. То вцѣпляясь, то отдиная членистыми, въ мохнатыхъ штанишкахъ, лапками и медленно помавая приподнятыми лопастями крыльевъ, съ исподу которыхъ просвѣчивали тѣ же пристальныя пятна и волнистый узоръ на загнутыхъ пепельныхъ концахъ, бабочка точно ощупью поползла по рукаву, а Родіонъ между тѣмъ, совсѣмъ обезумѣвшій, отбрасывая отъ себя, отвергая собственную руку, причитывалъ: «сыми! сыми!» — и тарасился. Дойдя до локтя, бабочка беззвучно захлопала, тяжелыя крылья какъ бы перевѣсили тѣло, и она на сгибѣ локтя перевернулась крыльями внизъ, все еще цѣпко держась за рукавъ, — и можно было теперь разсмотрѣть ея сборчатое, съ подпалинами, бурое брюшко, ея бѣличью мордочку, глаза, какъ двѣ черныхъ дробины и похожіе на заостренныя уши сяжки.

«Охъ, убери ее!» — виѣ себя взмолился Родіонъ, и отъ его изступленнаго движенія великолѣпное насѣкомое сорвалось, ударилось о столъ,

остановилось на немъ, мощно трепеща, и вдругъ, съ края, снялось. Но для меня такъ темень вашъ день, такъ напрасно разбередили мою дремоту. По-леть, — ныряющій, грузный, — длился недолго. Родіонъ поднялъ полотенце и, дико замахиваясь, норовилъ слѣпую летунью сбить, но внезапно она пропала; это было такъ, словно самый воздухъ поглотилъ ее.

Родіонъ искалъ, не нашелъ и сталъ посреди камеры, оборотясь къ Цинциннату и уперши руки въ боки. «А? Какова шельма!» — воскликнулъ онъ послѣ выразительнаго молчанія. Сплюнулъ; покачалъ головой и досталъ туго тукающую спичечную коробку съ запасными мухами, которыми и пришлося удовлетвориться разочарованному животному. Но Цинциннать отлично видѣлъ, куда она сѣла.

Когда Родіонъ наконецъ удалился, сердито снимая на ходу бороду вмѣстѣ съ лохматой шапкой волосъ, Цинциннать перешелъ съ койки къ столу. Онъ пожалѣлъ, что поторопился сдать всѣ книги и отъ нечего дѣлать сѣлъ писать.

«Все сошлось, — писалъ онъ, — то-есть все обмануло, — все это театральное, жалкое, — посулы вѣтреницы, влажный взглядъ матери, стукъ за стѣной, доброхотство сосѣда, наконецъ — холмы, подернувшіеся смертельной сыпью... Все обмануло, сойдясь, все. Вотъ тупикъ тутошней жизни, — и не въ ея тѣсныхъ предѣлахъ надо было искать спасенія. Странно, что я искалъ спасенія. Совсѣмъ — какъ челоуѣкъ, который сѣтовалъ бы, что недавно во снѣ потерялъ вещь, которой у него на самомъ дѣлѣ никогда не было, или надѣялся бы, что завтра ему приснится ея нахождение. Такъ создается математика; есть у нея свой губительный изъянъ. Я его обнаружилъ. Я обнаружилъ дыроч-

ку въ жизни, — тамъ, гдѣ она отломилась, гдѣ была спаяна нѣкогда съ чѣмъ-то другимъ, по настоящему живымъ, значительнымъ и огромнымъ, — какіе мнѣ нужны объемистые эпитеты, чтобы ихъ надить хрустальнымъ смысломъ... — лучше не договаривать, а то опять спутаюсь. Въ этой непоправимой дырочкѣ завелась гниль, — о, мнѣ кажется, что я все-таки выскажу все — о сновидѣніи, соединеніи, распадѣ, — нѣтъ, опять соскользнуло, — у меня лучшая часть словъ въ бѣгахъ и не откликаются на трубу, а другія — калѣнки. Ахъ, знай я, что такъ долго еще останусь тутъ, я бы началъ съ азавъ и, постепенно, столбовой дорогой связныхъ понятій, дошелъ бы, довершилъ бы, душа бы обстроилась словами... Все, что я до сихъ поръ тутъ написалъ, — только пѣна моего волненія, пустой порывъ, — именно потому, что я такъ торопился. Но теперь, когда я закаленъ, когда меня почти не пугаетъ — — »

Тутъ кончилась страница, и Цинциннать спохватился, что вышла бумага. Впрочемъ, еще одинъ листъ отыскался.

« — смерть », — продолжая фразу, написалъ онъ на немъ, — но сразу вычеркнулъ это слово; слѣдовало — иначе, точнѣе: казнь, что-ли, боль, раадика — какъ-нибудь такъ; вертя кардиновый карандашъ, онъ задумался, а къ краю стола присталъ коричневый пушокъ, тамъ, гдѣ она недавно трепетада, и Цинциннать, вспомнивъ ее, отошелъ отъ стола, оставилъ тамъ бѣлый листъ съ единственнымъ, да и то зачеркнутымъ, словомъ и опустился (притворившись, что поправляетъ задокъ туфли) около койки, на желѣзной ножкѣ которой, совсѣмъ внизу, сидѣла она, спящая, распадаставъ зрячія крылья въ торжественномъ неуязвимомъ оцѣпенѣніи, вотъ только жалко было мохнатой

спины, гдѣ пушокъ въ одномъ мѣстѣ стерся, такъ что образовалась небольшая, блестящая, какъ орѣшекъ, плѣшь, — но громадныя, темныя крылья, съ ихъ пепельной опушкой и вѣчно отверстыми очами были неприкосновенны, — верхнія, слегка опущенныя, находили на нижнія, и въ этомъ склоненіи было бы сонное безволіе, если бы не слитная прямизна переднихъ граней и совершенная симметрія всѣхъ расходящихся чертъ, — столь плѣнительная, что Цинциннатъ не удержался, кончикомъ пальца провелъ по сѣдому ребру праваго крыла у его основанія, потомъ по ребру лѣваго (нѣжная твердость! неподатливая нѣжность!), — но бабочка не проснулась, и онъ разогнулся — и, слегка вздохнувъ, отошелъ, — собирался опять сѣсть за столъ, какъ вдругъ заскрежеталъ ключъ въ замкѣ и, визжа, гремя и скрипя по всѣмъ правиламъ тюремнаго контрапункта, отворилась дверь. Заглянулъ, а потомъ и весь вошелъ, розовый м-сье Пьеръ, въ своемъ охотничьемъ гороховомъ костюмчикѣ, и за нимъ еще двое, въ которыхъ почти невозможно было узнать директора и адвоката: осунувшіеся, помертвѣвшіе, одѣтые оба въ сѣрыя рубахи, обутые въ опорки, — безъ всякаго грима, безъ подбивки и безъ париковъ, со слезящимися глазами, съ проглядывающимъ сквозь откровенную рвань чахлымъ тѣломъ, — они оказались между собою схожи, и одинаково поворачивались одинаковыя головки ихъ на тощихъ шеяхъ, головки блѣдно-плѣшивыя, въ шишкахъ съ пунктирной сизостью съ боковъ и оттопыренными ушами.

Красиво подрумяненный м-сье Пьеръ поклонился, сдвинувъ лакированные голенища, и сказалъ смѣшнымъ тонкимъ голосомъ:

«Экипажъ поданъ, пожалте».

«Куда?» — спросилъ Цинциннать, дѣйствительно не сразу понявшій, такъ былъ увѣренъ, что непременно на разсвѣтѣ.

«Куда, куда... — передразнилъ его м-сье Пьеръ, — извѣстно куда. Чикъ-чикъ дѣлать».

«Но вѣдь не сію же минуту, — сказалъ Цинциннать, удивляясь самъ тому, что говоритъ, — я не совсѣмъ подготовился...» (Цинциннать, ты ли это?)

«Нѣтъ, именно сію минуту. Помилуй, дружокъ, у тебя было почти три недѣли, чтобы подготовиться. Кажись, довольно. Вотъ это мои помощники, Родя и Рома, прошу любить и жаловать. Молодцы съ виду плюгавые, но зато усердные».

«Рады стараться», — прогудѣли молодцы.

«Чуть было не запамятоваль, — продолжалъ м-сье Пьеръ, — тебѣ можно еще по закону — Романъ, голубчикъ, дай-ка мнѣ перечень».

Романъ, преувеличенно торопясь, досталъ изъ-за подкладки картуза сложенный вдвое картонный листокъ съ траурнымъ кантомъ; пока его онъ доставалъ, Родригъ механически потрагивалъ себя за бока, вродѣ какъ бы лѣзь за пазуху, не спуская безсмысленнаго взгляда съ товарища.

«Вотъ тутъ для простоты дѣла, — сказалъ м-сье Пьеръ, — готовое меню послѣднихъ желаній. Можешь выбрать одно и только одно. Я прочту вслухъ. Итакъ: стаканъ вина; или краткое пребываніе въ уборной; или бѣглый просмотръ тюремной коллекціи открытокъ особаго рода; или... это что тутъ такое... составленіе обращенія къ дирекціи съ выраженіемъ... выраженіемъ благодарности за внимательное — — Ну это извините, — это ты, Родригъ, подлець, вписаль. Я не понимаю, кто тебя просилъ? Оффиціальныи документъ! Это же по отношенію ко мнѣ болѣе,

чѣмъ возмутительно, — когда я какъ разъ такъ щепетилень въ смыслѣ законовъ, такъ стараюсь — — »

М-сье Пьеръ въ сердцахъ шмякнулъ картономъ объ полъ, Родригъ тотчасъ поднялъ его, разгладилъ, виновато бормоча: «да вы не беспокойтесь... это не я, это Ромка шутъ... я порядки знаю. Тутъ все правильно... дежурныя желанія... а то можно по заказу...»

«Возмутительно! Нестерпимо! — кричалъ м-сье Пьеръ, шагая по камерѣ. — Я нездоровъ, — однако исполняю свои обязанности. Меня потчуютъ тухлой рыбой, мнѣ подсовываютъ какую-то шлюху, со мной обращаются просто нагло, — а потомъ требуютъ отъ меня чистой работы. Нѣтъ-съ! Баста! Чаша долготерпѣнія выпита! Я просто отказываюсь, — дѣлайте сами, рубите, кромсайте, справляйтесь, какъ знаете, ломайте мой инструментъ — — »

«Публика бредитъ вами, — проговорилъ льстивый Романъ; — мы умоляемъ васъ, успокойтесь, маэстро. Если что было не такъ, то какъ результатъ недомыслия, глупости, черезчуръ ревностной глупости — и только! Простите же насъ. Баловень женщинъ, всеобщій любимецъ да смѣнить гнѣвное выраженіе лица на ту улыбку, которою онъ привыкъ съ ума — — »

«Буде, буде, говорунъ, — смягчаясь, пробурчалъ м-сье Пьеръ; — я во всякомъ случаѣ добросовѣстнѣе свой долгъ исполняю, чѣмъ нѣкоторые другіе. Ладно, прощаю. А все-таки еще нужно рѣшить насчетъ этого проклятаго желанія. Ну, что же ты выбралъ? — спросилъ онъ у Цинцинната (тихо присѣвшаго на койку). Живѣе, живѣе. Я хочу наконецъ отдѣлаться, а нервные пускай не смотреть».

«Кое что дописать», — прошепталъ полувопросительно Цинциннать, но потомъ сморщился, напрягая мысль, и вдругъ понялъ, что, въ сущности, все уже дописано.

«Я не понимаю, что онъ говорить, — сказалъ м-сье Пьеръ. — Можетъ быть, кто понимаетъ, но я не понимаю».

Цинциннать поднялъ голову: «Вотъ что, — произнесъ онъ внятно, — я прошу три минуты, — уйдите на это время или хотя бы замолчите, — да, три минуты антракта, — послѣ чего, такъ и быть, доиграю съ вами эту вздорную пьесу».

«Сойдемся на двухъ съ половиной, — сказалъ м-сье Пьеръ, вынувъ толстые часики, — уступи-ка, братъ, половинку? Не желаешь? Ну, грабъ, — согласень».

Онъ въ непринужденной позѣ прислонился къ стѣнѣ; Романъ и Родригъ послѣдовали его примѣру, но у Родрига подвернулась нога, и онъ чуть не упалъ, — панически при этомъ взглянувъ на маэстро.

«Ш-шгъ, сукинъ котъ, зашипѣлъ на него м-сье Пьеръ. — И вообще, что это вы расположились? Руки изъ кармановъ! Смотрѣть у меня... (урча сѣлъ на стулъ). Есть для тебя, Родька, работа, — можешь помаленьку начать тутъ убирать; только не шуми слишкомъ».

Родригу въ дверь подали метлу, и онъ принялся за дѣло.

Прежде всего, концомъ метлы, онъ выбилъ цѣликомъ въ глубинѣ окна рѣшетку; донеслось, какъ бы изъ пропасти, далекое, слабое ура, — и въ камеру дохнулъ свѣжій воздухъ, — листья со стода слетѣли, и Родригъ ихъ отшваркнулъ въ уголь. Затѣмъ, метлой же, онъ снялъ сѣрую толстую паутину и съ нею паука, котораго такъ бывало

Пестоваль. Этимъ паукомъ отъ нечего дѣлать занялся Романъ. Сдѣланный грубо, но забавно, онъ состоялъ изъ круглаго плюшеваго тѣла, съ дрыгающими пружинковыми ножками, и длинной, тянувшейся изъ середины спины, резинки, за конецъ которой его и держалъ на вѣсу Романъ, поводя рукой вверхъ и внизъ, такъ что резинка то сокращалась, то вытягивалась, и паукъ ѣздилъ вверхъ и внизъ по воздуху. М-сье Пьеръ искоса кинулъ фарфоровый взглядъ на игрушку и Романъ, поднявъ брови, поспѣшно сунулъ ее въ карманъ. Родригъ, между тѣмъ, хотѣлъ выдвинуть ящикъ стола, приналегъ, двинулъ, — и столъ треснулъ поперекъ. Одновременно стулъ, на которомъ сидѣлъ м-сье Пьеръ, издалъ жалобный звукъ, что-то поддалось, и м-сье Пьеръ чуть не выронилъ часовъ. Съ потолка посыпалось. Трещина извилисто прошла по стѣнѣ. Ненужная уже камера явнымъ образомъ разрушалась.

«... пятьдесятъ восемь, пятьдесятъ девять, шестьдесятъ, — досчиталъ м-сье Пьеръ, — все. Пожалуйста, вставай. На дворѣ погода чудная, поѣздка будетъ изъ пріятнѣйшихъ, другой на твоёмъ мѣстѣ самъ бы торопилъ».

«Еще мгновеніе. Мнѣ самому смѣшно, что у меня такъ позорно дрожать руки, — но остановить это или скрыть не могу, — да, онѣ дрожать, и все тутъ. Мои бумаги вы уничтожите, соръ выметете, бабочка ночью улетитъ въ выбитое окно, — такъ что ничего не останется отъ меня въ этихъ четырехъ стѣнахъ, уже сейчасъ готовыхъ завалиться. Но теперь прахъ и забвеніе мнѣ нипочемъ, я только одно чувствую — страхъ, страхъ, постыдный, напрасный — — » Всего этого Цинциннатъ на самомъ дѣлѣ не говорилъ, онъ молча переобувался. Жила была вздута на лбу, на нее падали свѣтлые кудри,

рубашка была съ широко раскрытымъ узорнымъ воротомъ, придававшимъ что-то необыкновенно молоденькое его шеѣ, его покраснѣвшему лицу со свѣтлыми вздрагивавшими усами.

«Идемъ же!» — взвизнулъ м-сье Пьеръ.

Цинциннать, стараясь ничего и никого не задѣть, ступая какъ по голому пологому льду, выбрался наконецъ изъ камеры, которой собственно уже не было больше.

Цинцинната повели по каменнымъ переходамъ. То спереди, то сзади выскакивало обезумѣвшее эхо, — рушились его убѣжища. Часто попадались области тьмы, оттого что перегорѣли лампочки. М-сье Пьеръ требоваль, чтобы шли въ ногу.

Вотъ присоединилось къ нимъ нѣсколько солдатъ, въ собачьихъ маскахъ по регламенту, — и тогда Родригъ и Романъ, съ разрѣшенія хозяйина, пошли впередъ — большими, довольными шагами, дѣловито размахивая руками, перегоняя другъ друга, и съ крикомъ скрылись за угломъ.

Цинцинната, вдругъ отвыкшаго, увы, ходить, поддерживали м-сье Пьеръ и солдатъ съ мордой борзой. Очень долго карабкались по лѣстницамъ, — должно быть съ крѣпостью случился легкій ударъ, ибо спускавшіяся лѣстницы, собственно, поднимались и наоборотъ. Сызнова потянулись коридоры, но болѣе обитаемаго вида, то-ссть наглядно показывавшіе — либо линолеумомъ, либо обоями, либо бауломъ у стѣны, — что они примыкаютъ къ жилымъ помѣщеніямъ. Въ одномъ колѣнѣ даже пахнуло капустой. Далѣе прошли мимо стеклянной двери, на которой было написано: «анцелярія», и послѣ новаго періода тьмы очутились внезапно въ громкомъ отъ полдневнаго солнца дворѣ.

Во время всего этого путешествія Цинциннать

занимался лишь тѣмъ, что старался совладать со своимъ захлебывающимся, рвущимъ, ничего знать не желающимъ страхомъ. Онъ понималъ, что этотъ страхъ втягиваетъ его какъ разъ въ ту ложную логику вещей, которая постепенно выработалась вокругъ него, и изъ которой ему еще въ то утро удалось какъ будто выйти. Самая мысль о томъ, какъ вотъ этотъ кругленькій, румяный охотникъ будетъ его рубить, была уже непозволительной слабостью, тошно увлекавшей Цинцинната въ гибельный для него порядокъ. Онъ вполне понималъ все это, но, какъ человѣкъ, который не можетъ удержаться, чтобы не возразить своей галлюцинации, хотя отлично знаетъ, что весь маскарадъ происходитъ у него-же въ мозгу, — Цинциннатъ тщетно пытался переспорить свой страхъ, хотя и зналъ, что, въ сущности, слѣдуетъ только радоваться пробужденію, близость котораго чуялась въ едва замѣтныхъ явленіяхъ, въ особомъ впечатлѣніи на принадлежностяхъ жизни, въ какой-то общей неустойчивости, въ какомъ-то пороѣ всего зримаго, — но солнце было все еще правдоподобно, міръ еще держался, вещи еще соблюдали наружное приличіе.

За третьими воротами ждалъ экипажъ. Солдаты дальше не пошли, а сѣли на бревна, наваленныя у стѣны, и снимали свои матерчатыя маски. У воротъ пугливо и жадно жалась тюремная прислуга, семьи сторожей, — босыя дѣти выбѣгали, засматривая въ аппаратъ, и сразу бросались обратно, — и на нихъ цыкали матери въ косынкахъ, и жаркій свѣтъ золотилъ разсыпанную солому, и пахло нагрѣтой крапивой, а въ сторонѣ толпилась дюжина сдержанно гагакающихъ гусей.

«Ну-съ, поѣхали», — бодро сказалъ м-сье

Пьеръ и надѣлъ свою гороховую съ фазаньимъ перышкомъ шляпу.

Въ старую, облупившуюся коляску, которая со скрипомъ круто накренилась, когда упругенькій м-сье Пьеръ вступилъ на подножку, была впряжена гнѣдая кляча, оскаленная, съ блестяще-черными отъ мухъ ссадинами на острыхъ выступахъ бедеръ, такая вообще тощая, съ такими ребрами, что туловище ея казалось обхваченнымъ поперекъ рядомъ обручей. У нея была красная лента въ гривѣ. М-сье Пьеръ потѣснился, чтобы дать мѣсто Цинциннату, и спросилъ, не мѣшаетъ ли ему громоздкій футляръ, который положили имъ въ ноги. «Постарайся, дружокъ, не наступать», — добавилъ онъ. На козлы влѣзли Родригъ и Романъ. Родригъ, который былъ за кучера, хлопнулъ длиннымъ бичемъ, лошадь дернула, не сразу могла взять и осѣла задомъ. Некстати раздалось нестройное ура служащихъ. Приподнявшись и наклонившись впередъ, Родригъ стегнулъ по вскинутой мордѣ и, когда коляска судорожно тронулась, отъ толчка упалъ почти навзничъ на козлы, затягивая возжи и тпрукая.

«Тише, тише», — съ улыбкой сказала м-сье Пьеръ, дотронувшись до его спины пухлой рукой въ щегольской перчаткѣ.

Блѣдная дорога обвивалась съ дурной живописностью нѣсколько разъ вокругъ основанія крѣпости. Уклонъ былъ мѣстами крутоватъ, и тогда Родригъ поспѣшно заворачивалъ скрежетавшую рукоятку тормоза. М-сье Пьеръ, положивъ руки на бульдожій набалдашникъ трости, весело оглядывалъ скалы, зеленые скаты между ними, клеверъ и виноградъ, коловращеніе бѣлой пыли, и за одно ласкалъ взглядомъ профиль Цинцинната, который все еще боролся. Тоція, сѣрыя, согнутыя спины

сидѣвшихъ на козлахъ были совершенно одинаковы. Хлопали, хдѣпали копыта. Сателлитами кружились оводы. Экипажъ временами обгонялъ спѣшившихъ паломниковъ (тюремнаго повара, напримеръ, съ женой), которые останавливались, заслонившись отъ солнца и пыли, а затѣмъ ускоряли шагъ. Еще одинъ поворотъ дороги, — и она потянулась къ мосту, распутавшись окончательно съ медленно вращавшейся крѣпостью (уже стоявшей вовсе нехорошо, перспектива разстроилась, что-то болталось...)

«Жалѣю, что такъ вспылить, — ласково говорилъ м-сье Пьеръ. — Не сердись, цыпунька, на меня. Ты самъ понимаешь, какъ обидно чужое разгильдяйство, когда всю душу вкладываешь въ работу».

Простучали по мосту. Вѣсть о казни начала распространяться въ городъ только сейчасъ. Бѣжали красные и синіе мальчишки за экипажемъ. Мнимый сумасшедшій, старичекъ изъ евреевъ, вотъ уже много лѣтъ удившій несуществующую рыбу въ безводной рѣкѣ, складывалъ свои манатки, торопясь присоединиться къ первой же кучкѣ горожанъ, устремившихся на Интересную площадь

«... но не стоитъ объ этомъ больше вспоминать, — говорилъ м-сье Пьеръ; люди моего нрава вспыльчивы, но и отходчивы. Обратимъ лучше вниманіе на поведеніе прекраснаго пола».

Нѣсколько дѣвушекъ, безъ шляпъ, спѣша и визжа, скупали всѣ цвѣты у жирной цвѣточницы съ бурыми грудями, и наиболѣе шустрая успѣла бросить букетомъ въ экипажъ, едва не сбивъ картуза съ головы Романа. М-сье Пьеръ погрозилъ пальчикомъ.

Лошадь, большимъ мутнымъ глазомъ косясь на плоскихъ пятнистыхъ собакъ, стелившихся у

ея копытъ, черезъ силу везла вверхъ по Садовой, и уже толпа догоняла, — въ кузовъ ударился еще букетъ. Но вотъ повернули направо по Матюхинской, мимо огромныхъ развалинъ древней фабрики, затѣмъ по Телеграфной, уже звенящей, ноющей, дудящей звуками настраиваемыхъ инструментовъ, — и дальше — по немощенному шепчущему переулку, мимо сквера, гдѣ, со скамейки, двое мужчинъ въ партикулярномъ платьѣ, съ бородками, поднялись, увидя коляску, и, сильно жестикулируя, стали показывать на нее другъ другу, — страшно возбужденные, съ квадратными плечами, — и вотъ побѣжали, усиленно и угловато поднимая ноги, туда же, куда и всѣ. За скверомъ, бѣлая, толстая статуя была расколота на-двое, — газеты писали, что молніей.

«Сейчасъ проѣдемъ мимо твоего дома», — очень тихо сказалъ м-сье Пьеръ.

Романъ завертѣлся на козлахъ и, обратившись назадъ, къ Цинциннату, крикнулъ:

«Сейчасъ проѣдемъ мимо вашего дома», — и сразу отвернулся опять, подпрыгивая, какъ мальчикъ, отъ удовольствія.

Цинциннать не хотѣлъ смотрѣть, но все-же посмотрѣлъ. Марфинька, сидя въ вѣтвяхъ безплодной яблони, махала платочкомъ, а въ сосѣднемъ саду, среди подсолнуховъ и мальвъ, махало рукавомъ пугало въ продавленномъ цилиндрѣ. Стѣна дома, особенно тамъ, гдѣ прежде играла лиственная тѣнь, странно облупилась, а часть крыши — — Проѣхали.

«Ты все-таки какой-то безсердечный, — сказалъ м-сье Пьеръ, вздохнувъ, — и нетерпѣливо ткнулъ тростью въ спину возницѣ, который привсталъ и бѣшенными ударами бича добился чуда: кляча пустилась галопомъ.

Теперь ѣхали по бульвару. Волненіе въ городѣ все росло. Разноцвѣтные фасады домовъ, колыхаясь и хлопая, поспѣшно украшались привѣственными плакатами. Одинъ домишко былъ особенно наряденъ: тамъ дверь быстро отворилась, вышелъ юноша, вся семья провожала его, — онъ нынче какъ разъ достигъ присутственнаго возраста, мать смѣялась сквозь слезы, бабка совада свертокъ ему въ мѣшокъ, младшій братъ подавалъ ему посохъ. На старинныхъ каменныхъ мостикахъ надъ улицами (нѣкогда столь спасительныхъ для пѣшихъ, а теперь употребляемыхъ только зѣваками да начальниками улицъ) уже тѣснились фотографы. М-сье Пьеръ приподнималъ шляпу. Франты на блестящихъ «часикахъ» обгоняли коляску и заглядывали въ нее. Изъ кофейни выбѣжалъ нѣкто въ красныхъ шароварахъ съ ведромъ конфетти, но, промахнувшись, обдалъ цвѣтной метелью разбѣжавшагося съ того тротуара, въ скобку остриженного, молодца съ хлѣбъ-солью на блюдѣ.

Отъ статуи капитана Соннаго оставались только ноги до бедеръ, окруженныя розами, — очевидно ее тожехватила гроза. Гдѣ-то впереди духовой оркестръ нажаривалъ маршь «Голубчикъ». Черезъ все небо подвигались толчками бѣлыя облака, — по-моему они повторяются, по-моему ихъ только три типа, по-моему, все это сѣтчато и съ подозрительной празеленью...

«Но, но, пожалуйста, безъ глупостей, — сказалъ м-сье Пьеръ. — Не смѣть падать въ обморокъ. Это недостойно мужчины».

Вотъ и пріѣхали. Публики было еще сравнительно немного, но непрерывно длился ея притокъ. Въ центрѣ квадратной площади, — нѣтъ, именно не въ самомъ центрѣ, именно это и было

отвратительно, — возвышался червленый помост эшафота. Поодоль скромно стояли старыя казенныя дроги съ электрическимъ двигателемъ. Смѣшанный отрядъ телеграфистовъ и пожарныхъ поддерживалъ порядокъ. Духовой оркестръ по-видимому игралъ во всю, страстно размахался од-ноногій инвалидъ дирижеръ, но теперь не слышно было ни одного звука.

М-сье Пьеръ, поднявъ жирныя плечики, граціозно вышелъ изъ коляски и тотчасъ повернулся, желая помочь Цинциннату, но Цинциннатъ вышелъ съ другой стороны. Въ толпѣ зашикали.

Родригъ и Романъ соскочили съ козелъ; всё трое затѣснили Цинцинната.

«Самъ», — сказала Цинциннатъ.

До эшафота было шаговъ двадцать, и, чтобы никто его не коснулся, Цинциннатъ принужденъ былъ побѣжать. Въ толпѣ залаяла собака. Достигнувъ ярко-красныхъ ступеней, Цинциннатъ остановился. М-сье Пьеръ взялъ его подъ локоть.

«Самъ», — сказала Цинциннатъ.

Онъ взошелъ на помостъ, гдѣ, собственно, и находилась плаха, то-есть покатая, гладкая дубовая колода, такихъ размѣровъ, что на ней можно было свободно улечься, раскинувъ руки. М-сье Пьеръ поднялся тоже. Публика загудѣла.

Пока хлопотали съ ведрами и насыпали опилокъ, Цинциннатъ, не зная, что дѣлать, прислонился къ деревяннымъ периламъ, но, почувствовавъ, что они такъ и ходятъ мелкой дрожью, а что какіе-то люди снизу потрагиваютъ съ любопытствомъ его щиколотки, онъ отошелъ и, немножко задыхаясь, облизываясь, какъ-то неловко сложивъ на груди руки, точно складывалъ ихъ такъ впервые, принялся глядѣть по сторонамъ. Что-то случилось съ освѣщеніемъ, — съ солнцемъ было

неблагополучно, и часть неба тряслась. Площадь была обсажена тополями, не гибкими, валкими, — одинъ изъ нихъ очень медленно — —

Но вотъ опять прошелъ въ толпѣ гуль: Родригъ и Романъ, спотыкаясь, пихая другъ друга, пыхтя и кряхтя, неуклюже внесли по ступенямъ и бухнули на доски тяжелый футляръ. М-сье Пьеръ скинулъ куртку и оказался въ натѣльной фуфайкѣ безъ рукавовъ. Бирюзовая жен щина была изображена на его бѣломъ бицепсѣ, а въ одномъ изъ первыхъ рядовъ толпы, тѣснившейся, несмотря на уговоры пожарныхъ, у самаго эшафота, стояла эта женщина во плоти, и ея двѣ сестры, а также старичекъ съ удочкой, и загорѣлая цвѣточница, и юноша съ посохомъ, и одинъ изъ шурьевъ Цинцинната, и библиотекарь, читающій газету, и здоровякъ инженеръ Никита Лукичъ, — и еще Цинциннать замѣтилъ человѣка, котораго каждое утро, бывало, встрѣчалъ по пути въ школьный садъ, но не зналъ его имени. За этими первыми рядами слѣдовали ряды похуже въ смыслѣ отчетливости глазъ и ртовъ, за ними — слои очень смутныхъ и въ своей смутности одинаковыхъ лицъ, а тамъ — отдаленнѣйшіе уже были вовсе дурно намалеваны на заднемъ фонѣ площади. Вотъ повалился еще тополь.

Вдругъ оркестръ смолкъ, — или вѣрнѣе: теперь, когда онъ смолкъ, вдругъ почувствовалось, что до сихъ поръ онъ все время игралъ. Одинъ изъ музыкантовъ, полный, мирный, разъявъ свой инструментъ, вытряхивалъ изъ его блестящихъ суставовъ слюну. За оркестромъ зеленѣла вялая аллегорическая даль: портикъ, скалы, мыльный каскадъ.

На помость, ловко и энергично (такъ что Цинциннать невольно отшатнулся), вскочилъ замѣ-

ститель управляющаго городомъ и небрежно поставивъ одну, высоко поднятую, ногу на плаху (быль мастеръ непринужденнаго краснорѣчія), громко объявилъ:

«Горожане! Маленькое замѣчаніе. За послѣднее время на нашихъ улицахъ наблюдается стремленіе нѣкоторыхъ лицъ молодого поколѣнія шагать такъ скоро, что намъ, старикамъ, приходится сторониться и попадать въ лужи. Я еще хочу сказать, что послѣзавтра на углу Перваго Бульвара и Бригадирной открывается выставка мебели, и я весьма надѣюсь, что всѣхъ васъ увижу тамъ. Напоминаю также, что сегодня вечеромъ идетъ съ громаднымъ успѣхомъ злободневности опера-фарсъ «Сократись, Сократикъ». Меня еще просятъ вамъ сообщить, что на Киферскій Складъ доставленъ большой выборъ дамскихъ кушаковъ, и предложеніе можетъ не повториться. Теперь уступаю мѣсто другимъ исполнителямъ и надѣюсь, горожане, что вы всѣ въ добромъ здравіи и ни въ чемъ не нуждаетесь».

Съ той же ловкостью скользнувъ промежъ перекладинъ периль, онъ спрыгнулъ съ помоста подъ одобрителный гулъ. М-сье Пьеръ, уже надѣвшій бѣлый фартукъ (изъ подъ котораго странно выглядывали голенища сапогъ), тщательно вытиралъ руки полотенцемъ, спокойно и благожелательно поглядывая по сторонамъ. Какъ только замѣститель управляющаго кончилъ, онъ бросилъ полотенце ассистентамъ и шагнулъ къ Цинциннату.

(Закачались и замерли черныя квадратныя мовды фотографовъ).

«Никакого волненія, никакихъ капризовъ, пожалуйста, — проговорилъ м-сье Пьеръ. — Прежде всего намъ нужно снять рубашечку».

«Самъ», — сказалъ Цинциннатъ.

«Вотъ такъ. Примите рубашечку. Теперь я покажу, какъ нужно лечь».

М-сье Пьеръ палъ на плаху. Въ публикѣ прошелъ гулъ.

«Понятно? — спросилъ м-сье Пьеръ, вскочивъ и оправдывая фартукъ (сзади разошлось, Родригъ помогъ завязать). — Хорошо-съ. Приступимъ. Свѣтъ немножко яркій... Если бы можно — — Вотъ такъ, спасибо. Еще можетъ быть, капельку... Превосходно! Теперь я попрошу тебя лечь».

«Самъ, самъ», — сказалъ Цинциннатъ и ничкомъ легъ, какъ ему показывали, — но тотчасъ закрылъ руками затылокъ.

«Вотъ глупышъ, — сказалъ сверху м-сье Пьеръ, — какъ же я такъ могу... (да, давайте. Потомъ сразу ведро). И вообще — почему такое сжатіе мускуловъ, не нужно никакого напряженія. Совсѣмъ свободно. Руки, пожалуйста, уберите... (давайте). Совсѣмъ свободно и считай вслухъ».

«До десяти», — сказалъ Цинциннатъ.

«Не понимаю, дружокъ?» — какъ бы переспросилъ м-сье Пьеръ и тихо добавилъ, уже начиная стонать: «отступите, господа, маленько».

«До десяти», — повторилъ Цинциннатъ, раскинувъ руки.

«Я еще ничего не дѣлаю», — произнесъ м-сье Пьеръ съ постороннимъ сильнымъ усиліемъ, и уже побѣжала тѣнь по доскамъ, когда громко и твердо Цинциннатъ сталъ считать: одинъ Цинциннатъ считалъ, а другой Цинциннатъ уже пересталъ слушать удалявшійся звонъ ненужнаго счета — и съ неиспытанной дотолѣ ясностью, сперва даже болѣзненной по внезапности своего наплыва, но потомъ преисполнившей веселіемъ все его естество, — подумалъ: зачѣмъ я тутъ? отчего такъ де-

жу? — и задавъ себѣ этотъ простой вопросъ, онъ отвѣчалъ тѣмъ, что привсталъ и осмотрѣлся.

Кругомъ было странное замѣшательство. Сквозь поясницу еще вращавшагося палача просвѣчивали перила. Скрюченный на ступенькѣ, блевалъ блѣдный библиотечаръ. Зрители были совсѣмъ, совсѣмъ прозрачны, и уже никуда не годились, и всѣ подавались куда-то, шарахаясь, — только задніе нарисованные ряды оставались на мѣстѣ. Цинциннатъ медленно спустился съ помоста и пошелъ по зыбкому сору. Его догналъ во много разъ уменьшившійся Романъ, онъ же Родригъ: «Что вы дѣлаете! — хрипѣлъ онъ, прыгая. — Нельзя, нельзя! Это нечестно по отношенію къ нему, ко всѣмъ... Вернитесь, ложитесь, — вѣдь вы лежали, все было готово, все было кончено!» Цинциннатъ его отстранилъ, и тотъ, уныло крикнувъ, отбѣжалъ, уже думая только о собственномъ спасеніи.

Мало что оставалось отъ площади. Помость давно рухнулъ въ облакѣ красноватой пыли. Последней промчалась въ черной шали женщина, неся на рукахъ маленькаго палача, какъ личинку. Свалившіяся деревья лежали плашмя, безъ всякаго рельефа, а еще оставшіяся стоять, тоже плоскія, съ боковой тѣнью по стволу для идлюзіи круглоты, едва держались вѣтвями за рвущіяся сѣтки неба. Все расплзлось. Все падало. Винтовой вихрь забиралъ и крутилъ пыль, тряпки, крашенныя щепки, мелкіе обломки позлащеннаго гипса, картонные кирпичи, афиши; летѣла сухая мгла; и Цинциннатъ пошелъ среди пыли, и падшихъ вещей, и трепетавшихъ полотень, направляясь въ ту сторону, гдѣ, судя по голосамъ, стояли существа, подобныя ему.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ: «ДОМЪ КНИГЪ»

MAISON DU LIVRE ETRANGER

9, Rue de l'Éperon, Paris (6). Téléphone : Danton 10-60

Агъевъ, М. — «Романъ съ кокаиномъ», романъ ..	0.75
Берберова, Н. — «Безъ заката», романъ	0.80
Берберова, Н. — «Повелительница», романъ	0.50
Бакунина, Е. — «Любовь къ шестерымъ», романъ .	1.00
Браудо, А. — Очерки и воспоминанія	0.75
Бурцевъ, В. — «Протоколы Сионскихъ мудрецовъ»	0.60
Бурцевъ, В. — «Преступленія и наказаніе больш.»	0.50
Быловъ. — «Волчья тропа», романъ	0.50
Временникъ О-ва Друзей Русской Книги, кн. IV-ая	3.50
Винаверъ — «Русская общественность начала XX в.»	1.00
Гейтеръ. — «Секретный курьеръ», романъ	1.25
Головинъ, Н., ген. — «Наука о войнѣ»	1.00
Гиллиусъ З. — «Сіянія (Серія «Русскіе поэты» № 2)	0.30
Газдановъ, Г. — «Вечеръ у Клэръ», романъ	0.50
Гуль, Р. — «Держинскій. Менжинскій. Ягода»	0.75
Гуль, Р. — «Ораниенбургъ» (Гитлер. концлагерь)	0.75
Донъ-Аминадо. — «Нескучный садъ»	0.75
Дорнъ, Н. — «Хиръевскій» — Опытъ характеристик.	1.00
Жаботинскій. — «Пятеро», романъ съ илл.	1.00
Зуровъ, Л. — «Поле», романъ	0.80
Ивановъ Георгій — «Распадъ атома» (издано 200 экз)	1.25
Ильяздь. — «Восхищеніе», романъ	0.50
Корсакъ. — «Июль новыми звѣздами», романъ ..	1.00
Крымовъ, В. — «Фуга», романъ	1.20
Крымовъ, В. — «Похожденія Графа Азара» (ром.)	1.20
«Кругъ». — Литературно-худ. Альманахъ № 3-й	0.75
Кунина, И. — «Красная Феска»	0.80
Кнутъ, Довидъ. — «Насущная любовь»	0.50
Кузнецова, Г. — «Прологъ», романъ	0.75
Лифаръ, С. — «Танецъ» (основн. теч. акад. танца)	1.00
Моріакъ Ф. — «Волчица», романъ	0.60
Наживинъ. — «Во дни Пушкина», романъ 3 тт. по	0.40
Плещеевъ, А. — «Сергій Лифаръ»	0.60
Поплавскій, В. — «Въ вѣнцѣ изъ воска» посм. стихи	0.35
Пушкинъ. — Юбилейн. изд. въ 1 томѣ 1100 стр.	
на тонкой бумагѣ безъ пер. 2.00 дол. въ кол. пер.	2.50
въ мягк. кожан. пер. 3.25 дол. и (съ тисн.) ..	4.00
Сиринъ, В. — «Подвигъ», романъ	0.75
Сиринъ, В. — «Приглашеніе на казнь», романъ ..	1.00
Скобцовъ. — Гремучій родникъ», романъ	1.25
Смоленскій — «Наединѣ» («Русскіе поэты» № 1)..	0.40
Терапиано Ю. — «На вѣтру» («Русскіе поэты» № 3)	0.30
Шаляпинъ Ф. — «Маска и душа» (Воспоминанія) .	1.75
Шикъ, Ал. — «Женатый Пушкинъ»	0.50
Осоргинъ, М. — «Вольный каменщикъ», романъ	1.00
Фельзенъ. — «Счастье», романъ	0.50

На складѣ всѣ новинки зарубежныя и совѣтскія.

Антикваріатъ.

— Каталоги и справки высылаются по требованію. —

